

ISSN 2072-2087

**ВЕСТНИК
Брянского
государственного
университета**

№ 4 (42)

2019

**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ /
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ / ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

**Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук по научной отрасли: 07.00.00 – Исторические науки и археология**

**Научные специальности: 07.00.02 - Отечественная история, 07.00.03 - Всеобщая история,
07.00.06 - Археология, 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического
исследования, 07.00.15 - История международных отношений и внешней политики.**

ISSN 2072-2087

**The Bryansk
State
University
Herald**

№ 4 (42)
2019

**HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY/
ECONOMICS / LAW**

№4(42) 2019

Научный рецензируемый журнал

Декабрь

ВЕСТНИК БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Учредитель: федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»

ББК 74.58

В 38

Вестник Брянского государственного
университета. №4 (42) 2019: историче-
ские науки и археология/ экономические
науки / юридические науки. Брянск:
РИСО БГУ, 2019. 170 с.

Председатель редакционной коллегии:
Антохов Андрей Викторович - ректор,
доктор филологических наук, профессор,
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского.

Главный редактор журнала:
Степченко Татьяна Александровна -
доктор педагогических наук, профессор,
проректор по научно-исследовательской
работе и международным связям, Брян-
ский государственный университет имени
академика И.Г. Петровского.

Ответственный секретарь:
Мельников Игорь Владимирович - канди-
дат биологических наук, доцент, начальник
редакционно-издательского отдела, Брян-
ский государственный университет имени
академика И.Г. Петровского.

Редакционная коллегия:

Артамошин Сергей Викторович -
доктор исторических наук, профессор, де-
кан факультета истории и международных
отношений, Брянский государственный
университет имени академика И.Г. Петров-
ского, Брянск, Россия;

Белецкий Сергей Васильевич – доктор
исторических наук, ведущий научный со-
трудник Отдела славяно-финской археоло-
гии Института истории материальной
культуры Российской Академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;

Блументал Семен Федорович - доктор
исторических наук, профессор, заведую-
щий кафедрой всеобщей истории, между-
народных отношений и международного

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- Алмазов М.Г.**
СУДЬБА ВОЗВЗАНИЙ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА
Ф.В. ДУБАСОВА К МОСКОВСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ
В ПЕРИОД ДЕКАБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1905 г. 9
- Алферова И.В., Трошина Д.В.**
ЖЕНЩИНЫ-АКТИВИСТКИ И ДЕЛЕГАТСКИЕ СОБРАНИЯ
КАК ЧАСТЬ «СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА» В БРЯНСКОЙ
ГУБЕРНИИ (1920-е гг.)..... 18
- Артамошин С.В.**
НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ И КОНСЕРВАТИВНАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ В ПОИСКАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
СОЮЗНИКОВ 29
- Блохин В.Ф.**
РОССИЙСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ
ПЕЧАТЬ 1860-х гг.: ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ. 35
- Воробьев Д. Н.**
УЧАСТИЕ АФРОАМЕРИКАНЦЕВ В ПОПУЛИСТСКОМ
ДВИЖЕНИИ В США (КОНЕЦ XIX - НАЧАЛО XX вв.)..... 45
- Дзюбан В.В., Тулянов В.А.**
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (X в. – 1920-е гг.) 53
- Еськова Д.К., Лев С.Ю.**
ОТ НОВИЧКА К МАСТЕРУ: МЕТОДЫ ОЦЕНКИ УРОВНЯ
УМЕНИЯ В РАСЩЕПЛЕНИИ КАМНЯ 63
- Кулаков В.И.**
ДЕКОР РУКОЯТОК МЕЧЕЙ ЭПОХИ ВИКИНГОВ
ИЗ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛТИИ 74
- Моисеенко А.Д., Шевцов В. В**
ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ ПРАЗДНОВАНИЯ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ
«КРАСНОЕ ЗНАМЯ» (1985–1991 гг.) 84
- Прилуцкий В.В.**
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ «СВЯТЫХ ПОСЛЕДНИХ
ДНЕЙ» В ЗАПАДНУЮ КАНАДУ НА РУБЕЖЕ XIX И XX вв. 93
- Прилуцкий В.В.**
МОРМОНСКАЯ ОБЩИНА В ПРОВИНЦИИ АЛЬБЕРТА В XX в. 98
- Рогожина А.С.**
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в 103
- Талагасева Д.А.**
ШВЕДСКАЯ НАУЧНАЯ ПОЛИТИКА В РАМКАХ
ЕВРОПЕЙСКОГО НАУЧНОГО ПРОСТРАНСТВА 111
- Федин А. В.**
СТАНОВЛЕНИЕ ИЕЗУИТСКОЙ МИССИИ У МИКМАКОВ
НОВОЙ ФРАНЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в. 117

права, Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Глушак Николай Владимирович - доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела и маркетинга Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Гриненко Александр Викторович - доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО-Университета МИД РФ, Москва, Россия;

Гудименко Галина Валерьевна - доктор экономических наук, профессор Орловского государственного университета экономики и торговли, Орел, Россия;

Донцова Людмила Васильевна - доктор экономических наук, профессор кафедры Финансового контроля, анализа и аудита Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия;

Дорошков Владимир Васильевич - доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО-Университета МИД РФ, Москва, Россия;

Дубровский Александр Михайлович - доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Енуков Владимир Васильевич - доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Курского государственного университета, директор НИИ археологии юго-востока Руси. Курск, Россия;

Иосифуру Цутия - профессор Нихонского университета, кафедра Исторических наук, Токио, Япония;

Кащенко Сергей Григорьевич - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Марковичева Елена Викторовна - доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства «Российский государственный университет правосудия», Москва, Россия;

Мельников Олег Николаевич - доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, Москва, Россия.

Михальченко Сергей Иванович - доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского института

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Глушак Н.В., Елаго Т.А. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ СЫРЬЕВОЙ ЗАВИСИМОСТИ РОССИИ ОТ ЭКСПОРТА ЭНЕРГОРЕСУРСОВ	126
Тачкова И.А. АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА	132

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вяткина Г.О., Кириченко П.Н. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ОПЫТА СУБЪЕКТОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)	139
Иванин А.А. ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА ОСКОРБЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ КАК АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ.....	150
Кара И.С., Кара С.В. НЕКОТОРЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И РЕПУТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА	157

фундаментальных и прикладных исследований, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Патрушева Наталья Генриховна - кандидат исторических наук. заведующая сектором книговедения Отдела редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург, Россия;

Райнхард Нахтигаль – профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург, Германия;

Рогова Елена Моисеевна – доктор экономических наук, профессор департамента финансов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия;

Шинаков Евгений Александрович - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия.

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований. Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов. Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

**Подписной индекс «Пресса России»:
40705 годовая**

Vol.4 – No.42

Scientific peer-reviewed journal

December

The Bryansk State University Herald

The founder – Federal State Budget Educational Institutional
of Higher Educational «Bryansk State Academician
I.G. Petrovsky University»

The Bryansk State University Herald.
№ 4(42) 2019: historical sciences and
archaeology/ economics / law. Bryansk:
RISO BSU, 2019. 170 p.

Chairman of editorial board:

Antyukhov Andrey Viktorovich –
Rector, Doctor of Philological Sciences,
Professor, Bryansk State Academician
I.G. Petrovsky University.

Chief editor:

Stepchenko Tatyana Alexandrovna -
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor, Vice rector for research
activity and international relations,
Bryansk State Academician I.G.
Petrovsky University.

Executive secretary:

Melnikov Igor Vladimirovich –
Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor, chief of publishing
department, Bryansk State Academician
I.G. Petrovsky University.

Editorial board:

Artamoshin Sergei Viktorovich –
Doctor of historical sciences, Professor,
Dean of the Faculty of History and
International Relations, Petrovsky
Bryansk State University, Bryansk,
Russia;

Beletsky Sergey Vasilyevich - Doctor of
historical sciences, leading researcher of the
Department of Slavic and Finnish
archaeology, Institute for the History of
Material Culture of the Russian Academy of
Sciences, St. Petersburg, Russia;

Blumenau Semen Fedorovich -
Doctor of historical sciences, Professor,
Head of the World History, International
Relations and International Law
Department, Petrovsky Bryansk State
University, Bryansk, Russia;

Chernoperov Vasily Lvovich - Doctor
of Historical Sciences, Associate
Professor, Head of the World History and
International Relations Department,
Ivanovo State University, Russia;

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Almazov M. G. THE FATE OF THE PROCLAMATIONS OF GOVERNOR-GENERAL F.V.DUBASOV TO THE MOSCOW POPULATION IN THE PERIOD OF THE DECEMBER UPRISING 1905	9
Alfyorova I.V., Troshina D.V. WOMEN ACTIVISTS AND DELEGATE MEETINGS AS PART OF «SOVIET PROJECT» IN BRYANSK PROVINCE (1920s).....	18
Artamoshin S.V. NATIONAL BOLSHEVISM AND THE CONSERVATIVE REVOLUTION IN GERMANY IN SEARCH OF POLITICAL ALLIES...	29
Blokhin V.F. RUSSIAN PROVINCIAL PERIODICAL PRESS of the 1860s.: FACTORS OF FORMATION	35
Vorobyev D. N. AFRICAN-AMERICAN PARTICIPATION IN POPULIST MOVEMENT IN THE USA (THE LATE 19TH – EARLY 20th CENTURIES)	45
Dzuban V.V., Tulyanov V.A. MAIN STAGES OF DEVELOPMENT OF CHARITY OF THE RUSSIAN ORTHO-DOX CHURCH (X CENTURY – 1920s).....	53
Eskova D.K., Lev S.Yu. FROM NOVICE TO EXPERT: METHODS OF FLINTKNAPPING SKILL-LEVEL EVALUATION	63
Kulakov V.I. ECOR OF HANDS OF SWORDS OF THE VIKING ERA FROM SOUTH-EAST BALTIC	74
Moiseenko A.D., Shevtsov V.V. TRANSFORMATION OF THE CELEBRATION STRUCTURE OF THE OCTOBER REVOLUTION ON THE PAGES OF "THE KRASNOYE ZNAMYA" NEWSPAPER (1985–1991)	84
Prilutskiy V.V. MIGRATION OF AMERICAN «LATTER-DAY SAINTS» TO WESTERN CANADA AT THE TURN OF THE XIX-TH AND XX-th CENTURIES.....	93
Prilutskiy V.V. MORMON COMMUNITY IN THE PROVINCE OF ALBERTA IN THE XX-th CENTURY	98
Rogozhina A.S. STATE FOOD POLICY IN RUSSIA THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY.	103
Talagaeva D.A. SWEDISH RESEARCH POLICY IN THE CONTEXT OF EUROPEAN RESEARCH AREA.....	111
Fedin A.V. FORMATION OF JESUIT MISSION AT MICMAC OF NEW FRANCE IN FIRST HALF OF 17 th -CENTURY	117

Glushak Nikolai Vladimirovich – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Customs and Marketing Department, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia; Grinenko Aleksander Viktorovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation, Moscow, Russia; Gudimenko Galina Vasilyevna – Doctor of Economics, Professor of Orel State University of Economics and Trade, Orel, Russia; Dontsova Ludmila Vasilyevna – Doctor of Economics, Professor of the Department of Financial Control, Analysis and Audit, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; Doroshkov Vladimir Vasilyevich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation, Moscow, Russia; Dubrovskii Aleksandr Mikhailovich – Doctor of historical sciences, Professor, Professor of the World History, International Relations and International Law, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia; Enukov Vladimir Vasilyevich – doctor of historical Sciences, Professor of the Russian History Department, Kursk State University, Director of the Institute of archeology of the Southeast of Russia, Kursk, Russia; Iosifuru Tsutia – Professor of Nihon University, Department of Historic sciences, Tokyo, Japan; Kashchenko Sergey Grigoryevich – Doctor of historical sciences, Professor, Head of Source Studies of Russian History Department, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Markovicheva Elena Viktorovna – Doctor of Law, Associate Professor, Principal Research Scientist of Criminal Justice Issues Department, Russian State University of Justice, Moscow, Russia; Melnikov Oleg Nikolaevich – Doctor of Economics, Professor of the Department of management, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia; Mikhalchenko Sergey Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Research Institute for Fundamental and Applied Research,	ECONOMICS Glushak N.V., Yelago T.A. STUDY OF THE PROBLEM OF RAW MATERIAL DEPENDENCE OF RUSSIA ON ENERGY EXPORTS126 Tachkova I.A. ANALYSIS OF SOCIO-ECONOMIC CRITERIA FOR FOOD SECURITY IN THE REGION132 LAW Vyatkina G.O., Kirichenko P.N. LEGAL REGULATION OF ORGANIZATION OF RESEARCH ACTIVITY OF STUDENTS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION (ON THE EXAMPLE OF ANALYSIS OF EXPERIENCE OF THE SUBJECTS OF THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT)139 Ivanin A. A. FEATURES OF THE COMPOSITION OF INSULTING THE PERSON AS AN ADMINISTRATIVE OFFENSE150 Kara I.S., Kara S.V. SOME CRIMINAL-LAW ASPECTS OF PROTECTION OF HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION157
--	---

Petrovsky Bryansk State University,
Bryansk, Russia;

Patrusheva Natalya Genrikhovna -
Candidate of historical Sciences, Head of
the rare books Department of the Russian
national library, St. Petersburg, Russia;

Popov Stoyan Yordanov - Doctor of
Historical Sciences, Associate Professor
of the Department History and
Archeology, Plovdiv University «Paisii
Hilendarski», Bulgaria;

Reinhard Nachtigal - PhD., Freiburg
Albert-Ludwigs University of Freiburg,
Germany;

Rogova Elena Moiseevna – Doctor of
Economics, Professor of the Department
of Finance, National research University
"Higher school of Economics", Saint-
Petersburg, Russia;

Shinakov Evgeniy Aleksandrovich -
Doctor of historical sciences, Professor
of the Russian History Department,
Petrovsky Bryansk State University,
Bryansk, Russia.

In this issue of the journal "The
Bryansk State University Herald"
materials of scientists in the
main directions of researches are
presented, it is intended for
scientists, teachers, graduate
students and students.
Materials of articles are printed
in author's edition.

**Index 40705 of general catalog
«Press of Russia»**

УДК 93/94

Алмазов М.Г., аспирант, Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова (Россия).

СУДЬБА ВОЗЗВАНИЙ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА Ф.В. ДУБАСОВА К МОСКОВСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ В ПЕРИОД ДЕКАБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1905г.

В статье рассмотрена история воззваний московского генерал-губернатора вице-адмирала Ф.В. Дубасова, появившихся в период Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. Данная тема значима в ракурсе исследования возможности власти убеждать население в своей правоте в чрезвычайных условиях революции 1905-1907 гг. В историографии этот вопрос не получил всестороннего освещения, несмотря на интерес исследователей к событиям Декабрьского восстания. Статья написана на основе разнообразных источников – воззваний, материалов делопроизводства, прессы, личного происхождения. Особое значение при раскрытии темы имеют архивные документы, позволяющие проследить процесс разработки «афиш». Автором проанализированы история создания обращений генерал-губернатора к населению, их содержание, процесс их распространения среди москвичей и результаты их воздействия на настроения населения. Сделан вывод, что при создании «афиш» генерал-губернатор ставил цель привлечь на сторону власти «нейтральное население Москвы и деморализовать революционеров, ограждая при этом престиж власти. Однако такие факторы, как слабость силовых ресурсов администрации, не способной обеспечить должное распространение экземпляров воззваний, высокая неграмотность населения, умолчание Дубасовым о социальной подоплеке восстания и злоупотреблениях власти при его подавлении, резко снижали эффективность этих «афиш» в борьбе с революцией.

Ключевые слова: генерал-губернатор, воззвания, чрезвычайная охрана, Декабрьское восстание, революционеры, обязательное постановление, Ф.В. Дубасов, Н.П. Вишняков, Е.Л. Камаровская.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-9-17

История Декабрьского восстания 1905 г. в Москве неоднократно привлекала внимание исследователей [1, 9, 20, 21, 22, 23], но вопрос о попытках воздействия власти на «нейтральное население» Первопрестольной в ходе этого социального конфликта разрабатывался недостаточно (лишь в статье В.Н. Сторожева приводились тексты некоторых воззваний, бывших главной формой обращения администрации к населению) [14, с.92-96]. Однако рассмотрение данного сюжета важно в ракурсе исследования возможности российской власти вести «контрпропаганду» в чрезвычайных условиях начала XX века. Поэтому целью настоящей статьи будет получение ответа на вопрос, какую роль сыграли воззвания генерал-губернатора к населению в ходе событий и почему их судьба сложилась именно так. Для этого планируется рассмотреть содержание данных «афиш», историю их создания, способы и результаты распространения их среди москвичей. Важное место среди источников, привлеченных для исследования этих сюжетов, занимают черновые материалы воззваний, отложившиеся в личном фонде московского генерал-губернатора вице-адмирала Ф.В. Дубасова в РГА ВМФ.

Первое из упомянутых обращений

увидело свет 12 декабря 1905 г. Это был кульминационный момент Декабрьского восстания, когда революционерам-дружинникам удалось создать несколько поясов баррикад в Москве, отрезав от центра ряд окраинных районов, и успешно скрываться от войск и полиции, малыми группами ведя партизанскую войну. С 7 по 12 число также выходил печатный орган восставших – газета «Известия Московского Совета рабочих депутатов», представлявшая действия власти и революционеров в желательном для последних свете [21, с.157, 162-163, 173]. В этой ситуации первое воззвание стало своеобразным «ответным ударом» московской администрации во главе с генерал-губернатором Ф.В. Дубасовым. Глава Первопрестольной открывал послание к населению пространным изложением причин и хода текущих событий: указывал на предоставление императором 17 октября 1905 г. «широких свобод» своим подданным для последующего обновления государственного строя «на началах возвещенной свободы» и на срыв этого благотворного начинания «представителями крайних политических учений», кои «подчинив себе людей слабых и порочных», затеяли восстание лишь ради ниспровержения существующего порядка, а не в силу

каких-либо объективных причин; рассказывал об абсолютно аморальном образе действий «мятежников» (о стрельбе по войскам и полиции из засад, порче городского имущества), что и побудило власть принять против них «строгие меры» (вплоть до введения положения чрезвычайной охраны). В воззвании акцентировалось, что войскам, которые «всюду доблестно исполнили и продолжают исполнять свой долг», «всюду» удалось «сорвать наступательные планы» «мятежников». В то же время Дубасов, осознавая вред слишком бравурного тона, осторожно добавлял, что «главари и вдохновители мятежа ускользают от захвата», хотя выражал твердую уверенность в конечном разгроме «движения». После этого шли уже конкретные призывы к населению: «открытого осуждения...словом и делом» «мятежников», отказа от «всякой слабости, безучастности или колебания», которые могут вселить в сердца революционеров надежду на победу, для чего обывателям, по мнению генерал-губернатора, было необходимо «идти за одно с властями», исполняя все обязательные постановления, немедленно прекратив все забастовки, всячески оказывая содействие войскам и полиции и «восставая против всяких насильственных и преступных действий мятежников», обращаясь за «в случае надобности» к той же администрации [13, с.446-448]. Таким образом, воззвание было продиктовано целью убедить «нейтральных» москвичей в беспочвенности и деструктивности революционного движения, неизбежности победы власти и необходимости содействия ей для скорейшего прекращения «беспорядков» и деморализовать «мятежников» указанием на бесперспективность их борьбы.

Следующее обращение генерал-губернатора к москвичам появилось 16 декабря в уже других условиях: в ходе восстания произошел перелом в пользу власти; оставались лишь отдельные «очаги» «мятежа» (типа Пресни и Казанской дороги), в Москву прибыли военные подкрепления, хотя и происходили случаи выстрелов из частных домов и нападения на полицию и войска. К этому времени проявились изъяны принятой тактики борьбы с революционерами: обязательные постановления о закрытии ворот и дверей от 11 декабря не могли предотвратить свободного передвижения революционеров; практиковавшиеся военными обстрелы

домов, откуда был сделан хоть один выстрел, из артиллерии были заменены вице-адмиралом обысками с участием чинов полиции [2, с.708; 9, с.371; 14, с.113]. Поэтому перед генералом-губернатором вставала задача оповестить население и о своих стратегических планах, и о трансформации карательных мер. Первая часть воззвания гласила, что при «наводнении» центра Москвы мобильными группами революционеров, «стреляющими в полицию и войска из засад и из-за углов и быстро скрывающимися через переулки, открывая ворота домов и другие проходы», власть приняла решение о расширении действия обязательного постановления от 12 декабря (было предписано закрывать не только ворота и двери, но и чердачные и подвальные помещения) и о массовом производстве обысков тех домов, откуда стреляли, причем обыватели приглашались оказывать полицейским «полное содействие». Кроме конкретных распоряжений в тексте сообщалось о локализации конфликта – о поражениях «действий массами» восставших и вытеснении их на окраины города. Продолжил Дубасов создавать у читателей отталкивающий образ революционера, чему должны были послужить такие эпитеты, как «безумная борьба мятежников», «предательский образ действий». Наконец, в специально выделенной второй части воззвания можно было прочесть информацию о прибытии в Первопрестольную подкреплений и об отдаче приказа об очищении города от оставшихся «революционных очагов». Таким образом, из данного сообщения москвичи должны были вынести уверенность в неизбежной скорой победе правительственных сил, революционеры – в неминуемом своем поражении [13, с.456].

Объявление генерал-губернатора от 21 декабря появилось в обстановке окончания «зачистки» города от предполагаемых революционеров и расправы над ними. Слухи о кровавых экзекуциях солдат Семеновского полка под командованием полковников Г.А. Мина на Пресне и Н.К. Римана на Казанской дороге широко распространялись даже в «благонамеренной» среде [4, с.89, 90]. Подобные «толки» сильно подрывали авторитет власти, и Дубасов поспешил представить населению собственную версию действий «усмирителей», причем стремился придать действиям военных более респектабельный характер. Так, спальни рабочих Прохоровской мануфактуры,

подвергшиеся жестокому расстрелу 17 декабря, были якобы «обречены на уничтожение артиллерийским огнем» (хотя сам Дубасов в случае бегства «мятежников» категорически выступал против расстрела зданий [15, с.56]); казнь троих дружинников на Сахарном заводе 19 декабря объяснялась их «дерзким выступлением» (тогда как они были расстреляны по доносам и будучи безоружными) [2, с.703-704, 731-732]. Глава Первопрестольной не упоминал о бессудных расправах, лишь говоря о «рассеянии» «сил мятежников» и задержании многих «руководителей и главарей». В то же время Дубасов сообщал о продолжении «преступной борьбы» «самыми непримиримыми и озлобленными бойцами», итогом чего стал его приказ об оцеплении и обыске «всех кварталов столицы» (чему обыватели вновь призывались «особенно благотворно» содействовать). Коснулся вице-адмирал и слухов о массовых расправах, придав вопросу политический характер: сообщение газетами таких сведений трактовалось как стремление «подорвать доверие к армии и разбить ту связь ее с обществом и народом, которая всегда являлась источником военного могущества нашей Родины», посему прибегать к опровержению ниже «достоинства войск и представителя той власти, коей они призваны к действию». Чувствуя недостаточность такого аргумента, вице-адмирал пустился в морализаторство, заявляя, что при дилемме между «высоким долгом и чувством родства» к повстанцам военному невозможно сохранить самообладание. Под конец генерал-губернатор категорически заявил, что он «ни в одном из самых суровых действий войск» не усматривает нарушение границ «воинского долга и присяги» [14, с.92-96]. Следовательно, Дубасов закрывал для московского населения обсуждение темы невинных жертв в ходе подавления восстания.

Таким образом, воззвания генерал-губернатора служили преимущественно средством агитации и пропаганды, долженствовавшим путем изложения текущих событий под углом, выгодным власти, убедить население во вредоносной сути революционного движения, неизбежности победы правительственных сил и призвать его сплотиться вокруг администрации.

Черновики этих документов, отложившиеся в личном фонде Дубасова, демонстрируют,

что их создание было личной инициативой генерал-губернатора, кропотливо работавшего над их текстом. Объяснялось такое желание верой Дубасова в свой «талант» «оказывать на простых людей неотразимое влияние» [12, л.125 об., 180]. Но для профессионального моряка это было нелегкой задачей: сохранившееся бумаги пестрят многочисленными исправлениями (например, над воззванием от 16 декабря он начал работать накануне) [10, л.5-9 об., 11-12, 13-13а, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23 об.-24, 25]. Значительная часть правок имела редакционный характер [10, л.5-5 об., 20]. Но встречались и смысловые исправления, например, в первоначальном варианте воззвания от 12 декабря, разительно отличавшимся от итогового варианта по интонации. Прелюдий на тему нарушенного Манифеста 17 октября не было, зато сразу последовали обвинения в адрес «горсти мятежников, успевшей подчинить себе людей слабых и порочных» (изначально было использовано выражение «часть наших граждан», что затем автор отверг, по всей видимости, как признание за последователями революционеров каких-либо положительных качеств и свидетельство определенной силы последних) и «удерживающей» москвичей в страхе, что делает «спокойную мирную жизнь невозможной». Кратко упомянув о забастовках и «уличных беспорядках», генерал-губернатор заявлял, что «настойчивость» революционеров «неспособна изменить predetermined им участи» (неминуемого поражения), и «всякий новый вызов с их стороны» лишь усилит репрессии. Обращаясь к мирному населению, Дубасов предостерегал «от всяких проявлений уступчивости» к «мятежникам», осудил какое-либо оправдание их действий.

Черновик итогового варианта также испещрен смысловыми исправлениями: говоря о возможности «благомыслящих... лиц» приступить к обновлению государственного строя после выхода Манифеста 17 октября, Дубасов добавляет местоимение «всех», долженствовавшее усилить впечатление от царского волеизъявления; рассказывая об «общем стремлении» «крамольников» уничтожить «всякий порядок», — исключает эпитет «правовой», очевидно, для создания еще более негативного образа революционеров в глазах населения и удовлетворения москвичей, не принимавших грядущие перемены. Много сил вице-адмирал уделил поиску

наиболее адекватной формы обращения к обывателям – одновременно доверительной и не порождавшей впечатления слабости власти: глагол «приказываю» был заменен им на выражение «обращаюсь с призывом», а оно в свою очередь – на нейтральное «призываю». Подверглись корректировке и первоначальные предписания: Дубасов исключил требование «всем сторонникам порядка теперь же явиться на службу или работу» (как дублирующее призыв прекратить забастовки), а противящихся этому – «уволить от службы и занятий, и заменить другими» (как меру жесткую и играющую на руку революционной пропаганде) и заменил на призыв содействовать полиции и войскам [10, л.5-5 об., 8, 9].

Черновики воззвания от 16 декабря показывают готовность генерал-губернатора весьма радикально изменять намеченный текст в зависимости от текущей обстановки: были добавлены упоминавшиеся предписания населению и сообщено о прибытии в Москву Семеновского и Ладожского полков, что должно было воодушевить «благонамеренных» и деморализовать революционеров (эта информация отсутствовала в черновом наброске от 15 числа; вместо сведений о приезде подкреплений Дубасов планировал включить сообщение о санитарных отрядах [10, л.17, 19, 20]. Вероятно, он предполагал составить «особое объявление» о порядке преследования членов «самочинных» санитарных отрядов, о чем сообщал городскому голове [17, л.7]. Вероятно, извещение о прибытии в Первопрестольную войск показалось Дубасову более важным и выигрышным с политической точки зрения (страдавшее от боевых действий мирное население вряд ли бы отнеслось с восторгом к объявлению о репрессиях против санитаров).

Красной нитью через эти тексты проходит и стремление генерал-губернатора не уронить престиж вверенной ему власти: например, говоря о забастовках «городских учреждений», он заменяет числительное «многих» на «некоторых» [10, л.11-12].

Таким образом, направленность редакции Дубасова состояла в поиске формы объявлений, должной убедить обывателей в силе и справедливости власти, продемонстрировать аморальность и беспочвенность повстанцев, вызвать доверие москвичей

различных убеждений (отсюда стремление не допустить создания представления о чрезмерной жестокости или слабости власти). Возможно, одной из целей корректуры генерал-губернатора была деморализация революционеров с помощью тщательно подобранных фраз и фактов об успехах правительственных сил.

О том, как воспринимало обращения генерал-губернатора московское население, мы, ввиду скудности источниковой базы можем сделать лишь самые общие замечания.

Прежде всего, население испытывало определенные трудности с ознакомлением с содержанием «афиши» от 12 декабря. Судя по всему, его печатные копии вывешивались не в самый день подготовки, а в ночь на следующий: различные свидетели знакомились с текстом именно 13 декабря (вкуче с пакетом обязательных постановлений) [4, с.80; 8, с.108; 19, л.80]. Но не все москвичи имели возможность прочесть это объявление. Учитывая мизерабельный масштаб работы единственной действовавшей типографии – штаба МВО (9000 экземпляров всех обращений генерал-губернатора к населению, включая тексты обязательных постановлений), срыв экземпляров возмущенной частью населения в условиях малочисленности полиции и войск [8, с.108], можно сделать вывод о неосведомленности о содержании воззвания значительной прослойки москвичей. Видимо, никакого представления о заключенных в нем призывах не имела и немалая часть жителей, предпочитавших не покидать своих домов. Например, известный консервативный публицист Л.А. Тихомиров. 13 декабря записал в дневнике о своей (и знакомых) неосведомленности о содержании «афиши», поскольку все это творчество генерал-губернатора «расклеено и будет сорвано, а по домам не разнесено» [3, с.175]. Вероятно, что знаменитый консерватор и позднее не ознакомился с первым воззванием: на эту мысль наводит приписывание им Дубасову представления о тотальном бунте москвичей, тогда как в «афише» говорилось совершенно об обратном [3, с.175].

Последствия же подобного незнания красноречиво изложены в письме генерал-губернатору дочери бывшего городского головы И.А. Лямина Р.И. Трухачевой от 14

декабря, сообщавшей, что массы «невинных и наивных» жителей сумели подчинить своему коварному влиянию «волки в овечьей шкуре» – революционеры (в частности внушившие «массе простолюдинов», что половина московского гарнизона на стороне повстанцев. Автор считала, что генерал-губернатору следовало вести контрпропаганду «в воззваниях к народу, которые бы смело развозились по городу под охраной войск и читались всей этой многотысячной, увлеченной ложью толпе или в объявлениях, прибитых везде где только можно и охраняемых караулами» (все подчеркивания сделаны Дубасовым – М.А.) [11, л.55-58 об.]. Следовательно, воззвание генерал-губернатора от 12 декабря осталось неизвестным широким слоям населения; масса народа поэтому оказывалась в этой связи чрезвычайно восприимчивой к влиянию революционеров; существовала угроза целенаправленного срыва экземпляров «афиши». Таким образом, в целом ряде московских районов «агитационная обработка» населения в видах власти 13-14 декабря потерпела провал.

Сам Дубасов, во многом под влиянием общественности [2, с.689, 708], приложил усилия для недопущения подобных просчетов при подготовке второго воззвания. Письмо дочери бывшего городского головы он не просто внимательно читал и испещрил выделениями (касавшимся слухов, распускаемых революционерами, желательного, на взгляд автора, содержания воззваний и способа их распространения), но резюмировал: «Очень верное соображ[ение]» [11, л.57]. После прекращения всеобщей забастовки заведений печатного дела генерал-губернатор интенсифицировал работу типографии штаба МВО: 16 декабря правитель его канцелярии А.А. Воронин передал заведующему этим учреждением просьбу своего патрона разослать 10000 экземпляров новой «афиши» градоначальнику, 3000 – в канцелярию попечительства о народной трезвости, 20 – в канцелярию самого главы Первопрестольной [18, л.37]. Судя по всему, усилия увенчались успехом: дочь члена ЦК «Союза 17 октября» графиня Е.Л. Камаровская без затруднений ознакомилась с текстом в тот же день [4, с.85].

На пути широких кругов жителей Первопрестольной к ознакомлению с

обращениями генерал-губернатора стояла и неграмотность многих из них. Типичный, по-видимому, случай зафиксировала Е.Л. Камаровская: когда она читала «громко, вслух» первое воззвание, «вокруг собралась довольно большая толпа народа» [4, с.80]. Очевидно, иначе эти люди просто не могли узнать, к чему призывает их глава московской администрации. Однако подобный способ ознакомления с информацией был сопряжен со смертельной опасностью: люди невольно образовывали солидные «скопления», что было уже нарушением обязательного постановления о запрещении собираться группами больше трех человек и озлобленными военными каралось на свой лад – залпами [4, с.81; 5, с.23]. Помимо своей воли Дубасов предоставлял жителям вверенного ему города сравнить «предательский образ действий» «мятежников» с реальным «доблестным исполнением долга» войсками...

Тем не менее, часть населения все же была осведомлена об обращениях власти (в случае с двумя последними воззваниями ее доля должна была неуклонно расти). Какова была ее реакция на призывы генерал-губернатора?

Представители «прогрессивных» кругов предсказуемо встретили появление воззваний главы Первопрестольной враждебно и язвительно. Корреспондент газеты «Молва» В.И. Климков в репортаже о событиях 13 декабря вольно или нет поместил рядом известия о выпуске первой «афиши» и появлении хулиганов на московских улицах [5, с.25]. Его читатели (например, авторы сборника «Москва в декабре 1905 г.») вовсе установили между событиями причинно-следственную связь (что, возможно, происходило и в декабрьские дни) [8, с.225]. Социал-демократический публицист К.Н. Левин, комментируя содержание «афиш» в дневнике, возмущался цинизмом вице-адмирала, обвинял его в переложении ответственности за эксцессы в ходе восстания «с больной головы на здоровую» – с администрации на революционеров («перечисленные качества революционеров Дубасов должен всецело отнести к своей персоне и к действующим войскам, но предварительно возведя их в куб») и утверждал, что истинный бич мирных обывателей – именно «уничтожавшие» их «как

саранчу» войска во главе с «профессиональным убийцей» [7, с.248, 250]. Несмотря на четко выраженные симпатии повстанцам, в словах Левина содержится важное свидетельство объективной слабости позиции, придерживавшейся Дубасовым в своих текстах – возложение всей ответственности за бедствия в столице на революционеров и полное замалчивание очевидных злоупотреблений войск. Как представляется, чувства, подобные испытываемым Левиным, могли возникнуть у вовсе не радикальных жителей Первопрестольной.

Возможно, что вице-адмиралу удалось повлиять на революционеров в деле эвакуации из последнего оплота восстания – Пресни: судя по различным источникам (сборник «Москва в декабре 1905 г.», воспоминания вожака университетской боевой дружины В.А. Костицына) 16 декабря дружинники узнали о прибытии в Москву подкреплений и вечером того же дня на собрании в стенах Прохоровской мануфактуры (главного революционного центра Пресни) приняли решение о прекращении восстания и стачки соответственно 18 и 19 декабря (хотя утверждать с точностью, что на их выбор повлияло именно воззвание Дубасова, нельзя) [6, с.206-207; 8, с.123-125, 175].

Предсказуемо положительно отреагировали на появление «афиш» и убежденные противники революции – гласный городской Думы октябрист Н.П. Вишняков, Е.Л. Камаровская, хотя получаемые сведения вряд ли радикально влияли на их и без того твердую позицию. Кроме того, они продолжали в немалой степени черпать информацию из слухов и разговоров, причем Камаровская под влиянием неофициальных данных могла найти «геройско-благородные» черты в деятельности «фанатиков» [4, с.80, 81, 85, 88; 19, л.72, 87 об.]. Впрочем, осведомленные о содержании «афиш» сторонники «порядка» предпринимали и активные действия для содействия властям: так, жена потомственного дворянина Е.М. Чиж в ответ на призыв о «содействии» отправила Дубасову донос на московских членов конституционно-демократической партии [16, л.4-6 об.].

О реакции массы «мирных обывателей» на воззвание генерал-губернатора мы имеем лишь смутные и противоречивые сведения. С

одной стороны имеются свидетельства благосклонного восприятия ими воззваний. Е.Л. Камаровская отмечала, что во время ее чтения «одна старушка умиленно слушала меня и набожно крестилась каждый раз, когда я читала о царе» (да и вся толпа внимавших не проявляла протеста) [4, с.80]. В документе иной идейной направленности – сборнике «Москва в декабре 1905 г.» – сообщается, что примерно с 13 декабря «стало выясняться, что дружины слишком малочисленны, чтобы долго сопротивляться войскам, численность которых увеличивалась», и «настроение обывателей начало падать, стала заметной реакция» [8, с.22, 225]. Хотя такой поворот мог быть обусловлен объективными наблюдениями москвичей, можно предположить, что воззвания генерал-губернатора могли сыграть свою роль.

Однако мы располагаем и сведениями прямо противоположного свойства. К.Н. Левин отметил в дневнике возмущение рабочих жестокими действиями властей при одновременных призывах встать на работу, «всеобщую» враждебность пролетариев по отношению к администрации [7, с.248-250]. Публициста вполне можно заподозрить в ангажированности, но имеются такие же сведения из другого «лагеря». Н.П. Вишняков занес в дневник рассказ двоюродного брата своей жены, мирового судьи Н.И. Белявского, что «простой народ не против революционеров, а скорее относится к ним сочувственно, сохраняя при этом выжидательное отношение». Показательно, как, по рассказу мирового судьи, уличные мальчишки дразнили драгун: «Помогать полиции дело не выгодно, наших бьют» [19, л.123 об.]. Из данного пассажа следует, что часть «простого люда» была осведомлена о тексте воззваний генерал-губернатора, но явно предпочитала призывам, содержавшимся в них, обещания революционеров. Действительно, Дубасов, несмотря на тщательную проработку своих обращений, не затрагивал жизненно важных для многих москвичей проблем – социальную подоплеку восстания и страшные злоупотребления, допущенные войсками и полицией при его подавлении. В этом отношении дубасовские «афиши» содержательно проигрывали тем же «Известиям Совета рабочих депутатов» – органу революционеров.

Последнее воззвание генерал-

губернатора, голословно опровергавшее слухи о массовых расстрелах, не имело никакого действия на сколько-нибудь интересующихся событиями обывателей. Шокирующие и весьма близкие к истине репортажи появлялись на страницах газет (той же «Молвы»), а слухи о массовых расстрелах (например, на Ходынском поле) пользовались доверием даже таких врагов революции, как графиня Е.Л. Камаровская и Л.А. Тихомиров [3, с.189; 4, с.91].

Таким образом, генерал-губернатор Дубасов в ходе Декабрьского восстания и сразу после него предпринял попытку завоевать поддержку «мирного населения» Первопрестольной и попутно деморализовать революционеров с помощью особых воззваний, излагавших ход событий с точки зрения власти и призывавших обывателей к содействию администрации. Убежденный в своем умении разговаривать с «простым народом», он очень серьезно подходил к их составлению и проявил немало

изобретательности при поиске наиболее оптимальных форм выражения своих мыслей, что свидетельствует о наличии у него способностей политика, пекущегося как о доверии населения, так и о сохранении престижа власти. По всей видимости, частично ему удалось добиться успеха на этом пути. Однако серьезные социально-политические проблемы начала XX века (слабость силового ресурса местной администрации, не позволявшая обеспечить распространение и охрану экземпляров «афиш», неграмотность широких слоев населения) и умолчание генерал-губернатором, не слишком осведомленным о гражданских делах и огораждавшим «доблестные действия» войск, о наиболее животрепещущих для москвичей вопросах – объективной подоплеке восстания и ответственности за злоупотребления власти при его подавлении – резко снижали эффективность этого средства борьбы с революционным движением.

Список литературы

1. Вальдин А.С. Социально-политическая борьба накануне и во время Декабрьского (1905 г.) восстания. Дисс. ...канд. истор. наук. М., 2000
2. Высший подъем революции 1905-1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь-декабрь 1905 года. Ч.1 // Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. М., 1955
3. Дневник Л.А. Тихомирова. 1905-1907 гг.. М., 2015
4. Записки графини Е.Л. Камаровской // Власть и общество в Первой российской революции 1905-1907 гг. Документальные свидетельства. М., 2017. С.68-91
5. Климков В. Расправы и расстрелы. Письма, очерки и наброски специального корреспондента газеты «Русь» («Молва»). М., 1906
6. Костицын В.А. Декабрьское восстание 1905 г. // Мое утраченное счастье. Воспоминания и дневники. Т.2. М., 2017. С.181-211
7. Левин К.Н. Вооруженное восстание в Москве: дни 7-19 декабря 1905 года. Отрывки из дневника // Декабрьское восстание 1905 года в Москве. Иллюстрированный сб. статей, заметок и воспоминаний. М., 1919. С.231-260
8. Москва в декабре 1905 г. 2-е изд. М., 2018
9. Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005
10. Российский Государственный Архив Военно-морского Флота (РГА ВМФ). Ф.9. Оп.1. Д.448
11. РГА ВМФ. Ф.9. Оп.1. Д.505
12. РГА ВМФ. Ф.9. Оп.1. Д.751
13. Революция без ретуши. 17 документов из фондов Центрального Исторического архива Москвы. Декабрь 1904 – май 1907 гг. // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып.2. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2000. С.439-457
14. *Сторожев В.Н.* Декабрьское вооруженное восстание (По архивным материалам) // Декабрьское восстание 1905 года в Москве. Иллюстрированный сб. док., материалов и воспоминаний. М., 1920. С.60-207
15. Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооруженном восстании в Москве // Власть и общество в Первой российской революции 1905-1907 гг. М., 2017. С.38-67
16. Центральный Государственный Архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф.16. Оп.95. Д.290

17. ЦГА Москвы. Ф.16. Оп.139. Д.174. Т.2
18. ЦГА Москвы. Ф.16. Оп.237. Д.87
19. ЦГА Москвы. Ф.1334. Оп.1. Д.18
20. Шатина Н.В. Местный административный аппарат самодержавие в борьбе с Первой русской революцией (На примере Москвы). Дисс....канд. истор. наук. М., 1989
21. Яковлев Н.Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957
22. Asher A. The Revolution of 1905. Russia in Disarray. V. 1. Stanford University Press, 1988
23. Engelstein L. Moscow 1905: Working-class organization in Political Conflict. Stanford (Calif), Stanford University Press, 1982

THE FATE OF THE PROCLAMATIONS OF GOVERNOR-GENERAL F.V.DUBASOV TO THE MOSCOW POPULATION IN THE PERIOD OF THE DECEMBER UPRISING 1905

This article deals with the history of the proclamations of the Governor-General of Moscow, issued during the December uprising of 1905. The study of this problem can throw light upon the ability of power to convince the population in extraordinary situations of the First Russian revolution. The investigation is based on the different sources, including the proclamations, the documents of personal origin, the materials of business correspondence and press. The archive materials are of importance in studying the process of the elaboration of these announcements. The problem has not received all the attention it deserves in spite of interest of many scholars in the events of the December uprising. The author examines the history of creating these proclamation, their content, the process of spreading them and the results of it. It's pointed out the aim of the Governor-General was to draw the neutral part of the Moscow population on the side of the power and to demoralize the revolutionaries protecting prestige of the authorities. But inferiority in numbers of the administration incapable to make spread these proclamations, widespread illiteracy of Moscow citizens and default of the Governor-General about the social background of the uprising and abuses of power during its suppression dropped the effectiveness of this measure in the struggle against revolution.

Keywords: Governor-General, proclamation, exceptional security, December uprising, revolutionaries, compulsory regulation, F.V. Dubasov, N.P. Visnyakov, E.L. Kamarovskaya.

References

1. Valdin A.S. Sotsial'no-politicheskaya bor'ba nakanune i vo vremya Dekabr'skogo (1905 g.) vooruzhennogo vosstaniya v Moskve [Socio-Political Struggle on the Eve and During the December (1905) Armed Uprising in Moscow]. Diss. ... kandidata istoricheskikh nauk [Diss. for Candidate Degree in History]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2000
2. Vysshij pod'em revolyucii 1905-1907 gg. Vooruzhennye vosstaniya. Nojabr'-dekabr' 1905 goda. Ch.1 [The high tide of the Revolution of 1905-1907. The armed uprisings. November-December of 1905. P. 1]// Revolyucija 1905—1907 gg. v Rossii. Dokumenty i materialy [The Revolution of 1905-1907 in Russia. The documents and materials]. M., 1955
3. Dnevnik L.A. Tihomirova. 1905-1907 gg.. [The diary of L.A. Tikhomirov]. M., 2015
4. Zapiski grafini E.L. Kamarovskoj [The notes of the Countess E.L. Kamarovskaya] // Vlast' i obshchestvo v Pervoj rossijskoj revolyucii 1905-1907 gg. Dokumental'nye svidetel'stva. [Power and Society in the First Russian Revolution of 1905-1907. The documentary testimonies] M., 2017. S.68-91
5. Klimkov V. Raspravy i rasstrely. Pis'ma, ocherki i nabroski special'nogo korrespondenta gazety «Rus'» («Molva») [The reprisals and shootings. The letters, essays and sketches of the special correspondent of the "Rus" ("Molva")]. M., 1906
6. Kosticyn V.A. Dekabr'skoe vosstanie 1905 g. [The December uprising of 1905] // Moe utrachennoe schast'e. Vospominaniya i dnevniky. T.2. [My lost happiness. The memories and diaries]. M., 2017. S.181-211
7. Levin K.N. Vooruzhennoe vosstanie v Moskve: dni 7-19 dekabrja 1905 goda. Otryvki iz dnevnika [The armed uprising in Moscow: 7-19 December of 1905. The fragments from the diary] // Dekabr'skoe vosstanie 1905 goda v Moskve. Illjustrirovannyj sb. statej, zametok i vospominanij [The December armed uprising of 1905 in Moscow. The illustrated digest of the articles, notes and memories]. M., 1919. S.231-260
8. Moskva v dekabre 1905 g [Moscow in December of 1905]. 2-e izd. M., 2018
9. Pervaya revolyutsiya v Rossii. Vzglyad cherez stoletije [The First Revolution in Russia. A Glimpse through the Century]. M., 2005

10. Rossijskij Gosudarstvennyj Arhiv Voenno-morskogo Flota (RGA VMF). F.9. Op.1. D.448
11. RGA VMF. F.9. Op.1. D.505
12. RGA VMF. F.9. Op.1. D.751
13. Revoljucija bez retushi. 17 dokumentov iz fondov Central'nogo Istoricheskogo arhiva Moskvy. Dekabr' 1904 – maj 1907 gg [The revolution without retouch. 17 documents from the funds of the Central Moscow Historical Archive. December 1904 – May 1907]. // Moskovskij arhiv. Istoriko-kraevedcheskij al'manah. Vyp.2. Vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka. [Moscow Archive. The Historical and Lore Almanac. Is.2. The first half of the XIX – the beginning of] the XX century] M., 2000. S.439-457
14. Storozhev V.N. Dekabr'skoe vooruzhennoe vosstanie (Po arhivnym materialam) [The December Armed Uprising (On the archive materials)]// Dekabr'skoe vosstanie 1905 goda v Moskve. Illjustrirovannyj sb. dok., materialov i vospominanij [The December armed uprising of 1905 in Moscow. The illustrated digest of the articles, notes and memories]. M., 1919. S.60-207
15. F.V. Dubasov o Dekabr'skom vooruzhennom vosstanii v Moskve [F.V. Dubasov about the December armed uprising] // Vlast' i obshhestvo v Pervoj rossijskoj revoljucii 1905-1907 gg [Power and Society in the First Russian Revolution of 1905-1907. The documentary testimonies]. M., 2017. S.38-67
16. Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Moskvy (CGA Moskvy). F.16. Op.95. D.290
17. CGA Moskvy. F.16. Op.139. D.174. T.2
18. CGA Moskvy. F.16. Op.237. D.87
19. CGA Moskvy. F.1334. Op.1. D.18
20. Shatina N.V. Mestnyy gosudarstvennyy apparat samodержавiya v bor'be s pervoy rossijskoy revolyutsiyey: (Na primere Moskvy) [Local State Apparatus of Autocracy in the Fight against the First Russian Revolution: (Moscow's Case Study)]. Diss. ... kandidata istoricheskikh nauk [Diss. for Candidate Degree in History]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy istoriko-arkhivnyy institut, 1989
21. Yakovlev N.N. Vooruzhennyye vosstaniya v dekabre 1905 g. [December 1905 Armed Uprisings]. Moscow: Gospolitizdat, 1957
22. Asher A. The Revolution of 1905. Russia in Disarray. V. 1. Stanford University Press, 1988
23. Engelstein L. Moscow 1905: Working-class organization in Political Conflict. Stanford (Calif), Stanford University Press, 1982

Об авторе

Алмазов Михаил Григорьевич – аспирант кафедры истории России XIX – начала XX века исторического факультета Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова (Россия), E-mail: vnm128@mail.ru

Almazov Mihail Grigor'evich – postgraduate student of the department of the Russian history of the XIX and the beginning of the XX century, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Russia). E-mail: vnm128@mail.ru

УДК 94(470) "1920/1929"(470.333)

Алферова И.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

Трошина Д.В., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ЖЕНЩИНЫ-АКТИВИСТКИ И ДЕЛЕГАТСКИЕ СОБРАНИЯ КАК ЧАСТЬ «СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА» В БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИИ (1920-е гг.)

В статье рассмотрена деятельность делегатских собраний как специфической формы работы большевиков с женщинами-активистками для подготовки их к советской работе в 1920-е гг. в Брянской губернии. На основании документов, хранящихся в Государственном архиве Брянской области, часть которых впервые введены в научный оборот, а также материалов местной периодической печати 1920-х гг., прослежена история становления работы с женским населением, этапы организационного оформления делегатских собраний, выявлен их возрастной состав, род занятий, национальность, партийность и т. д. Интерпретация проблематики проведена в контексте политических пертурбаций, переживаемых страной в 1920-е гг. В то же время авторы статьи основное внимание уделили выявлению местных особенностей переживаемых процессов. Такой подход позволил определить ключевые факторы экономического, идеологического и общекультурного характера, которые препятствовали популяризации делегатских собраний среди жителей Брянщины, а также тормозили развитие социальной активности женщин в целом. Так, в статье приведены конкретные случаи противодействия со стороны мужского населения губернии женщинам-активисткам, указаны нерешенные проблемы социальной сферы, которые не позволяли представительницам женского населения в полной мере включиться в общественную и управленческую работу. В заключительной части статьи приводятся количественные данные, иллюстрирующие процесс мобилизации женского электората в Брянской губернии.

Ключевые слова: женский вопрос, советский проект, Брянская губерния, делегатские собрания, агитация и пропаганда, практики повседневности

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-18-28

Отечественная «женская история», пережив историографический бум в 1990-е гг., на сегодняшний день испытывает определенный кризис, который выражается, прежде всего, в количественном сокращении исследований, посвященных тем или иным аспектам бытования женщин в стране. Предпосылки кризиса многомерны как по причине не сформировавшегося общественного запроса, который историк Н.Л. Пушкарева объяснила тем, что: «"Женские исследования" не "звучали" в российском политическом контексте, в отличие от западного, в силу традиционности, патриархатности большинства социальных структур» [22, с. 62], так и в силу многочисленных постоянно меняющихся условий генерирования гуманитарного знания в стране.

Не останавливаясь на подробном рассмотрении предпосылок переживаемых сложностей, хочется отметить, что череда юбилеев эпохальных событий отечественной истории может стать для этого направления исследований определенным импульсом, позволит поставить новые задачи и сформировать актуальные проблемы, обозначит дальнейшие перспективы развития.

Речь идет, прежде всего, о столетнем юбилее русской революции 1917 г. и о важнейших вехах реализации советского проекта, которые продолжают привлекать внимание представителей различных общественных дисциплин, чьи исследования предлагают нам ответы на не утратившие за столетие значение вопросы: почему предложенная модернизация «по-большеvistки» оказалась поддержанной большинством населения страны, как происходило формирование идей проектирования и становление государственных механизмов их реализации, каким образом государство видоизменяло устоявшиеся социальные практики и воздействовало на самоидентификацию людей, насколько успешным было осуществление проекта на разных этапах его реализации и др.

Особый смысл при этом приобретает и активизация исследований, относящихся к «женской истории» советского периода, уже в силу численного преобладания женского населения на всем его временном отрезке, а в связи с этим – значением, которое придавали большевики работе с немалым в количественном значении электоратом.

На сегодняшний день историография

проблемы насчитывает немало трудов отечественных и зарубежных исследователей, которые позволяют утверждать, что в общих чертах «макроистория» советских женщин воссоздана. Однако, очевидно, что реконструкция исторической картины этого сегмента реальности будет заведомо неполной без интерпретации специфики решения «женского вопроса» на местах, без выявления модификаций большевистского проекта под влиянием специфических местных условий и в контексте трансформаций большевистской доктрины на протяжении всего советского времени.

Конкретные формы работы с женским населением в рамках большевистской модернизации в первое десятилетие советской власти определял Отдел по работе среди женщин ЦК РКП(б) – ВКП(б)¹. На местах «приводным ремнем» советской власти, по замыслу лидеров партии и государства, должны были стать женщины-общественницы, для которых уже в 1919 г. появилась оригинальная форма организации – делегатские собрания [3]. Мыслилось, что деятельность делегатских собраний (и делегатов) будет формировать новые практики повседневности² российских женщин, адекватные социалистическому обществу. Отчасти непривычное поведение и системы ценностей должны были стать социокультурной нормой, отчасти устоявшееся ритуальное поведение мимикрировать под новые «советские традиции» [7, с. 21]. Изучение специфики работы советской власти с женским населением в Брянской губернии как раз иллюстрирует этот процесс и позволяет приблизиться к воссозданию реальной картины происходивших реконфигураций.

Отсчет работы нужно вести, по-видимому, с начала 1919 г., когда в Брянске стали организовываться Бюро работниц. «Женская страничка» [2], тогда же появившаяся в местной газет «Известия Брянского уездного исполкома Совета Рабочих, Крестьянских и

Красноармейских Депутатов» свидетельствовала, что некие «организаторы работы среди женщин» в этот период провели на ж/д станции Брянск несколько собраний среди работниц с тем, чтобы «вывести их из слишком ограниченного кругозора» [16]. Однако, что следует из заметки той же газеты, их призывы к объединению, «яркие, полные воодушевления слова» встречали гробовое молчание, и присутствовавшие просто не понимали обращенных к ним речей. Можно предположить, что и сами выступавшие на тот момент не совсем ясно представляли возможные формы организации женщин и перспективы их работы.

Тем не менее, какая-то часть женского населения реагировала в положительном ключе на обращение к ним со стороны властных пропагандистов. Так, успешно прошло собрание в Володарском поселке на Минском складе, участницы которого уже «выразили желание повести культурно-просветительную работу. Были просьбы о получении литературы по женскому вопросу» [13].

С неподдельным энтузиазмом, со слов газеты, со стороны работниц был встречен торжественный митинг в клубе «Металлист», проведенный образованным в начале 1920 г. Губернским отделом по работе среди женщин в честь 8 марта. В немалой степени этому способствовала праздничная составляющая мероприятия: в организации участвовали музыкальная и драматическая секции Центроклуба [14].

Особые же надежды в активизации женщин и их мотивации на «социалистические свершения» возлагались на делегатские собрания³, которые рассматривались как особая форма привлечения женщин к советской работе, а также их политического и идеологического воспитания – необходимых предпосылок, по мнению большевиков, для последующих культурных трансформаций.

С целью «всколыхнуть массу женщин в лице ее делегатов путем широкой агитации» Губернский отдел по работе среди женщин

¹ В 1923 г. Отдел по работе с женщинами, чтобы избежать обвинений в феминизме, был переименован в Отдел по работе с работницами и крестьянками. Неофициальное название – «женотдел».

² В данном исследовании понятие «практики» исполь-

зуется для обозначения устойчивых явлений в повседневном поведении женщин (преимущественно – жительниц городов Брянской губернии) в 1920-е годы.

³ Делегатские собрания стали образовываться по всей стране в 1919 г. по решению Женотдела ЦК РКП(б) на основе Бюро работниц.

решил провести 2 апреля 1920 г. уездный съезд работников и крестьянок [17]. Женщинам предлагалось выбирать одну делегатку из пятидесяти работниц. Находясь в весьма стесненных обстоятельствах, отдел нашел средства, чтобы оплатить делегаткам проезд до Брянска, выделить суточные, предоставить обеды и ужины, что уже в некоторой степени свидетельствует о серьезных намерениях привлечения женского населения к советскому строительству. Повестка же съезда, помимо стремления «научить управлять государством каждую кухарку», т. е. вопросов участия женщин в советской работе (в народном образовании, социальном обеспечении, в совхозах), а также в организации охраны материнства и младенчества, демонстрировала присутствовавшим перспективы решения «женского вопроса» по-большевистски.

Участницы Первого Брянского уездного съезда с воодушевлением поддерживали Губернский отдел и приняли резолюцию, предписывавшую «созывать регулярно делегатские собрания». Кроме этого, намечалось посылать делегатов в ясли, детские сады, отделы социального обеспечения, «чтобы следить за ходом работ». Планировалось также привлекать к делегатской работе домохозяйек в городе и крестьянок в сельской местности, предлагая им «следить за правильным распределением пособий красноармейцам и их семьям» [18].

Выборы в делегатские собрания на предприятиях Брянской губернии прошли летом 1920 г., а первое делегатское собрание в Брянске состоялось 6-го июля 1920 г. На нем присутствовали представители от завода «Арсенал», «Союза Иглы», «Общества питания», почты, военного госпиталя, I-го инфекционного лазарета, а также коммунисток и общественниц Брянска. На нем были рассмотрены вопросы, связанные с участием женщин в переустройстве общества «по-советски». Волостные и сельские делегатские собрания возникали только при условии существования там партийной ячейки.

На практике деятельность делегатов принимала иные формы, чем это виделось первоначально организаторам из центра. Большевикам на большей части территории страны приходилось решать главную задачу

– удержание власти. Многие районы Брянщины в течение 1919–1920 гг. оказались в зоне боевых действий Гражданской войны. Задача женотделов в этой связи виделась в том, чтобы растолковывать работницам «кто враг, а кто друг трудящихся», так как «многие женщине по темноте своей скрывают дезертиров, ослабляя тем самым Красную Армию» [8]. Кроме этого со страниц местных печатных изданий женщин-работниц призывали «выполнить свое прямое обязательство по отношению к боевому фронту, дав необходимое количество сестер-пролетарок», а самое главное «заменить мужчин на трудовом фронте» [20]. В «Неделю фронта» женщин агитировали пойти в лазарет, ухаживать за ранеными, чинить и стирать им белье, писать письма и пр.

Часть женщин отзывалась на призывы. Так, известно, что среди принимавших участие в работах по благоустройству Брянска (очистке дворов, площадей, дорог, колодцев и пр.), которая развернулась по специальному распоряжению Губернского Исполкома весной 1920 г., количество женщин в определенные дни доходило до 95% [19]. Женщины устраивали субботники и воскресники по пошиву белья красноармейцев, мыли казармы и травили насекомых. Работницы Сухарного завода записывались «в специализированную школу при штабе, а после подготовки отправлялись в учреждения, обслуживавшие Красную Армию» [21]. Правда, в последнем случае был немаловажен факт того, что курсантки получали паяк и место в общежитии, а в последующем гарантированную работу. О степени опасности участия в такого рода деятельности в столь голодное и необустроенное время мало задумывались, особенно молодые девушки, не обремененные семьями и детьми.

В то же время женщины-активистки (и работницы женотдела в том числе) практически не участвовали в работе разного рода губернских и районных комрасхозов, жилотделов, потребкоммун и пр., которые занимались распределением конфискованного имущества, жилья и продуктов. Да и за прилавками в магазинах Брянска «сплошь и рядом» стояли мужчины, на что указывалось в газетной заметке [20].

Вполне объяснимо, что таял на глазах энтузиазм женщин-активисток, чье участие в

«управлении государством» сводилось к безвозмездной работе на субботниках, воскресниках, в «Неделях красноармейца», «Неделях крестьянина» и пр. Губернский женотдел бил тревогу: в определенные дни на собрания делегатов являлись единицы, да и то по большей части – партийные.

Очередная кампания по активизации движения женщин-работниц началась весной 1921 г. уже традиционным празднованием 8 марта в Брянске. Международный женский день рассматривался как день политической мобилизации женщин и поэтому включал в повестку городскую конференцию, митинги во всех районах, на которых звучали политические лозунги и призывы поддержать советскую власть во всех начинаниях. Присутствовал на празднике и ритуал коммеморации (впоследствии ставший обязательным) – поклонение могиле «героя революции» И.И. Фокина, к которой работницы «стройными рядами» прошеествовали из всех районов Брянска.

Очевидно, что организаторы подобных политических акций, не являясь политехнологами, интуитивно понимали: новые практики станут привычными, если вызовут действительный интерес. Далеко не всех из присутствовавших женщин, измученных долгими годами неурядиц, могли воодушевить туманные проекты отдаленного коммунистического будущего. Не случайно к дню празднования в районные комитеты потребкоммун были отправлены просьбы об отпуске для праздничных конференций хлеба, кофе, сахара. В столовых города было накрыто около 2000 обедов для женщин [10, д. 187, л. 30].

В какой-то степени Отдел работниц Брянского губкома при распределении делегатов в советские учреждения стал учитывать практический интерес женщин. Так, в мае 1921 г. Брянскому райженотделу предлагалось послать делегатов в магазины Потребкоммунны, где производилась выдача пайка беременным и кормящим матерям, для наблюдения за выдачей доброкачественных продуктов, объясняя это тем, что «в Губженотделе имеются сведения, что продукты выдаются по личному усмотрению зав. магазином». В детской столовой проводился учет и контроль выдачи порций. В «Рабочем Доме» для наблюдения за тем, чтобы заключению в него «не подвергались беременные и

матери с грудными детьми и кроме того малолетние преступники» [10, д. 188, л. 9].

На общем делегатском собрании в Брянске в июне 1921 г., на котором присутствовало 36 делегатов и 38 коммунисток, прошли выборы в комиссию по улучшению быта, в детскую милицию, в детскую столовую, в Рабоче-крестьянскую инспекцию, в отдел Соцбеспечения [10, д. 183, л. 3-4]. Общее делегатское собрание женщин Радицкого вагоностроительного завода им. Урицкого приняло решение «перед завкомом возбудить вопрос об отпуске нескольких пар обуви для непосредственного распределения женотделом», кроме этого, «ввиду недобросовестности служащих столовой в раздаче обедов, установить в течении четырех дней дежурство делегатов» [10, д. 186, л. 8-9].

Судя по протоколам делегатских собраний, хранящимся в Государственном архиве Брянской области, работа в контролирующих и ревизионных комиссиях действительно вызывала у делегатов наибольшее внимание, и участие в них было далеко неформальным. Уже в скором времени тов. Харитоновна, одна из активисток, докладывала делегатскому собранию об обследовании Брянского Отдела матери и ребенка, в результате которого было выяснено, что «заведующая Отделом т. Мамонова никакой работы не исполняет, а ведет агитацию в ущерб». Собрание постановило: «Ходатайствовать перед соответствующим учреждением т. Мамонову, как подрывающую работу матери и ребенка и за агитацию привлечь к ответственности в заключении в концентрационный лагерь» [10, д. 186, л. 83]. Тов. Перженцева докладывала собранию о проверке детского сада: «сколько было отпущено продуктов, как распределялись обеды и т. д.». Тов. Бабаева обследовала пенсионеров. Тов. Соколова, пришла к выводу, что работа «народного образования проходит в трудных условиях» [10, д. 183, л. 19] и т. д.

Тем не менее, работа по привлечению делегатов к функционированию советских учреждений была далеко не всегда успешной. На своих собраниях активистки отмечали, что «прикрепленные делегатки ко всякого рода учреждениям и организациям... не втягиваются в практическую работу и имеются случаи несвоевременного их извещения о дне заседания» [9, д. 1650, л. 21]. Зачастую

им приходилось выполнить «техническую работу» (уборка помещения, разбор бумаг и пр.). Так, например, в Отделе охраны материнства и младенчества делегатка использовалась как сиделка [10, д. 183, л. 19].

Далеко неоднозначной была реакция мужского населения губернии на вдруг обогнавшуюся общественную активность женщин: чаще всего она была негативной.

Так, крестьянка Почепского уезда, побывав на уездном съезде работниц и крестьянок, решила просветить односельчанок насчет правового положения женщин при Советской власти. Однако на собрание вместе с крестьянками пришли их мужья и остались очень недовольны услышанным: на докладчицу начались гонения. Более того, сельский сход принял решение об ее выселении и только после вмешательства районного женотдела преследования женщины прекратилось [11].

Крестьянка Жиздринского уезда, избранная на уездный съезд, была избита мужем [11]. В одной из деревень того же Жиздринского уезда крестьяне-мужья запретили женам посещать собрания. Крестьянки (15-20 человек) стали собираться тайком на квартире учительницы, читать книжки, обсуждать политику местных «комиссаров». Более того, усмотрев в деятельности одного из них правонарушения, донесли на него в Рабоче-крестьянскую инспекцию, было возбуждено дело [12].

В середине 1921 г. серьезной критике начинает подвергаться в центральной печати деятельность городских делегатских собраний. Действительно, по большей части делегатки были не просто профессионально не подготовлены к работе в советских учреждениях, зачастую они были малограмотны или вовсе неграмотны. Неоднократно фиксировались случаи использования ими служебного положения в собственных интересах. Так, среди проверяющих Брянскую детскую столовую делегаток разгорелся некий конфликт по поводу выявленных недочетов и злоупотреблений. В результате, делегатское собрание обратилось в Рабоче-крестьянскую инспекцию с просьбой провести «летучую ре-

визию» [10, д. 183, л. 4-5] и заменить служащих столовой.

Нарастающая безработица приводила к вытеснению работниц с предприятий. Тем более, что многочисленные прогулы женщин-работниц, прежде всего ввиду болезней детей, давали поводы к их увольнению.

В связи с введением НЭПа оставался открытым вопрос об оплате делегаток. Партийные комитеты в этих условиях посчитали, что специальная работа среди женщин, в том числе и делегатские собрания, стали не актуальными.

Только в середине 1922 г. Брянский губернский женотдел получил конкретные указания об устройстве делегаток. Было рекомендовано их посылать в отделы Охраны труда. Там же они должны были получать «жалованье, спецодежду и проч. <...> по тем же ставкам, что ассистенты инспекторов труда из среды РКСМ». В свою очередь Губженотдел должен был оставлять для работы в учреждении только «достаточно грамотных, достаточно политически грамотных и, притом, наиболее энергичных и склонных в дальнейшем специально работать в области охраны труда» [10, д. 217, л. 17]. Пресекая, неактуальную в новых социально-экономических условиях активность делегаток, циркуляр подчеркивал: «Никакими распорядительными правами практикантки не пользуются и все свои замечания передают инспектору труда, не предъявляя никаких требований на предприятии» [10, д. 217, л. 17].

Тем не менее, большевики, реализуя программу по решению женского вопроса [1], не оставляли идею сделать из делегаток «кузницу кадров». Мотивируя развитие делегатского движения, партийные лидеры всячески поощряли политику «выдвиженчества» делегаток, параллельно решая проблему повышения их общего и профессионального образования.

На страницах местной печати можно было познакомиться с биографиями женщин, которые по мнению редакции, представляли «габитус»¹ «строительниц новой жизни». Среди них была, например, П.Н. Зорина, дочь

¹ Габитус (от лат. habitus – внешность) – используемое в социологии и социальной философии понятие, обозначающее инкорпорированную, т. е. встроенную в человеческое тело, «записанную» на нем историю и социальность.

рабочего, сирота, которая в 12 лет пошла работать на завод. Здесь у нее сформировалась «злоба» к существующему строю. После революции она стала интересоваться политической литературой, посещать собрания, в Гражданскую – вступила в Общество «Красный Крест», была отправлена сначала в эпидемотряд, затем в подвижной госпиталь. После войны П.Н. Зорина занималась общественной работой, наконец, стала председателем Жудиловского потребительского общества [24, с. 34].

Другая героиня – Е.П. Калиничева, неграмотная, проработала у станка фаянсовой фабрики 32 года. В 1925 г. Калиничева была выдвинута в заведующие капсольного цеха. Осознав, что неграмотность мешает ей в работе, не побоявшись насмешек, пошла учиться и за три месяца научилась писать и читать. Вступила в партию. В 1928 г. была назначена заведующей коммунальной частью горсовета [24, с. 38].

Еще одна показательная история и образцовая биография: И.Ф. Бабичева – дочь безземельного крестьянина. С 13 лет работала нянькой, горничной у помещика, после революции батрачкой у мельника. «Кое-где и кое-как» научилась грамоте. В 1926 и 1927 гг.

была делегирована на уездные съезды работниц и крестьянок. Жирятинский сельсовет избрал ее председателем. Стала членом партии [24, с. 39].

Однако результаты работы делегатских собраний были не столь значительны. Действительно, в количественном отношении женщины-активистки составляли совсем небольшой процент от женского населения Брянской губернии. Делегатские собрания по районам состояли обычно из 25-40 женщин. Всего делегатов по губернии в 1922 г. было 483; в 1923 – 456; в 1924 г. – 795; в 1925 г. – 3726 [15]. И только в 1929 г. численность делегатов по Брянской губернии возросла до 14394 [24, с. 34] при общей численности жителей Брянской губернии по переписи 1920 г. около 1 млн 640 тыс., а в 1926 г. – свыше 2 млн человек.

Абсолютные показатели результатов выдвиженческой работы среди делегатов также были невелики.

Состав участниц губернского съезда работниц, проведенного в Брянске в честь 10-летия советской власти, дает возможность представить их возрастной состав, род занятий, национальность, партийность и пр. (См.: Таблица 1)

Таблица 1.

Всего по волостям и районам					Число делегатов с решающим голосом			Из них городских делегатов						
					164			78						
По возрасту			По роду занятий											
До 23	24-39	40 и выше	Крестьянки, не имеющие свое хозяйство		Батрачки в с\х, домработницы		Работницы на производстве		служащие			Прочие (домашние хозяйки, уча-ся и т.д.)		
35	97	32	69		1		62		12			20		
По партийности			По национальности					По грамотности			По семейному положению			
Члены и кандидаты ВКП(б)	Члены и кандидаты ВЛКСМ	беспартийные	великоросски	латвийки	украинки	еврейки	полячки	грамотные	малограмотные	неграмотные	Замужние, бездетные	Замужем с детьми	Вдовы и одиночки	разведенные
45	9	110	150	3	37	7	1	98	47	19	9	35	58	62

Из присутствующих на съезде делегатками женотделов числились 129 человек, на выборных должностях в советах губернии состояли – 132 человека, в том числе председателем сельсовета была 1 женщина, в исполнительных комитетах советов на выборных должностях находились – 32 человека [9, д. 1649, ч. 1, л. 204].

Всего по Брянской губернии в 1928 г. 36 крестьянок были председателями сельских комитетов крестьянской взаимопомощи, председателями сельсоветов, народными судьями; 503 работницы – членами ФЗМК, работающих на профессиональной работе, 36 женщин состояли в правлении губотделов профсоюзов [24, с. 34].

Главным тормозом к выдвижению женщин работниц и крестьянок была их неграмотность (75,6% неграмотных губернии – женщины), из состава делегатов неграмотных и малограмотных в конце 1920-х гг. насчитывалось – 35% [4, с. 4]. Несмотря на

заявления о большой проделанной работе в области переустройства быта на Брянщине, Губернский женотдел мог похвастаться весьма скромными результатами (См.: Таблица 2).

Таблица 2.

Сведения о наличии на территории Брянской области учреждений, которые должны были по замыслам руководителей государства «раскрепостить советскую женщину» [24, с. 34].

	1927 г.	1928 г.
Постоянных детских садов и очагов	13	22
Консультаций для детей и беременных	17	23
Молочных кухонь для детей	4	8
Роддомов		6
Родкоек	271	383
Сельских детских яслей	93	141
Детских летних площадок	130	до 200

Женщины с активной жизненной позицией зачастую не имели возможности заняться общественной работой. Не случайно на городских и сельских собраниях, волостных съездах, которые проводились в губернии в преддверии октябрьского юбилея, больше всего женщины уделяли внимания увеличению числа детских садов, яслей, детских площадок, а также усилению работы по ликвидации неграмотности среди женского населения [9, 1649, ч. 2, л. 410].

Сохранялось критическое, а порой непримиримое отношение к женщинам-активисткам со стороны мужского сообщества. Не желая видеть женщин в сельсоветах, крестьяне в Хвощевке, Глядине и др. селах сетовали: «Советы не школа, чтобы там баб учить», «Когда мне говорят о женщине – не по душе мне»; «Что это времена Екатерины, что ли, ведь это Советская власть» [23, с. 29]. Члены сельских советов, где женщина стала председателем, переживали: «Как мы пойдем домой, что мы людям скажем, когда они спросят, кого выбрали председателем» [23, с. 29].

Иногда непримиримость мужчин по отношению к женам-активисткам имела неожиданную мотивацию. После выборов в сельсовет одной крестьянки, туда обратился ее муж с просьбой «вымарать ее», так как «если член семьи в сельсовете, то ему не придется пить самогон» [5].

Появление в газете «Брянский рабочий» портрета и положительного отзыва об

общественнице, делегатке Д. Кукушкиной, вызвало взрыв негодования со стороны рабочих Людиновской фабрики: «Какая она общественница, у нее дом в грязи погряз, мужа вши заели, а она таскается по собраниям, да пороги организациям оббивает» [6]. В то же время работницы и жены рабочих поддерживали Д. Кукушкину и она была выбрана в члены горсовета.

В связи с этим женские собрания обращались в уездный исполнительный комитет с просьбой: «через соответствующие организации и учреждения обеспечить явку женщин на общие отчетные и выборные собрания, а также отдельные собрания, – от хулиганских выпадов по отношению женщин, применяя ко всем лицам, срывающим нормальную явку женщин и срывающим их работу, меру уголовного преследования» [9, д. 1650, л. 29].

Брянский губернский исполком, в свою очередь, указывал городским и уездным женотделам, что основным недочетом в работе по вовлечению женщин в советы является еще «неизжитое противодействие со стороны некоторых отсталых мужчин особенно в деревне», и призывал усилить разъяснительную работу среди населения, в частности среди крестьян, «о раскрепощении женщин и значении ее участия в советском строительстве» [9, д. 1650, л. 39].

Очевидно, что перечисленные факторы не способствовали популярности делегат-

ских собраний, и в немалой степени усложняли становление движения женщин-общественниц в губернии. Так, в информационном отчете по проведению сельских собраний и волостных съездов работниц и крестьянок по Карачевскому уезду отмечалось, что «по Хотынецкой волости собрание не состоялось за их неявкой, на других же собраниях присутствовало не более 27 человек. По Карачевской волости в одном из районов (Ружном) женщины относились безразлично и пассивно» [9, д. 1649, ч. 2, л. 413]. На собраниях, которые все же состоялись, «активность женщин проявлена недостаточно. Выступления были, но носили характер малого уделения сельским советам внимания на втягивание в практическую работу» [9, д. 1649, ч. 2, л. 413].

В Новозыбковском уезде из намеченных 83 сельских собраний, 27 не состоялись из-за неявки женщин [9, д. 1649, ч. 2, л. 425]. Особенно отмечено в отчете было собрание в с. Рыловичи (сейчас – Сновское). На собраниях женщины не задавали вопросов, не выступали, за исключением одной крестьянки, которая заявила: «Пусть рабочие празднуют Октябрьскую революцию, раз им помогает государство, наших забрали на маневры, то дали всего по 70 копеек, а хозяйство страдает. Рабочим же шло все жалованье, то пусть они и празднуют, а нам праздновать нечего» [9, д. 1649, ч. 2, л. 426].

Авторы статьи не ставили перед собой задачи определиться с окончательными оценками успехов большевистской власти в реа-

лизации эмансипаторского проекта. Тем более, что историческая реконструкция происходивших изменений в жизни женского населения страны в указанный период, учитывая ее размеры и культурное разнообразие, еще далека до окончательного завершения. Однако проведенное исследование дает возможность, опираясь на конкретный источниковый материал, представить сложность и противоречивость реализации задуманного, выявить значимые факторы противодействия реформам и определиться с реальной мотивацией участников процесса.

Предварительные итоги работы властных структур с женским населением Брянщины, что следует из представленного контента, с одной стороны вроде бы демонстрируют незначительные положительные результаты, с другой – эти же итоги свидетельствуют, что делегатские собрания дали определенное число специалистов, прежде всего, в области просвещения, охраны материнства, социального обеспечения. Делегатки налаживали деятельность яслей, детских площадок, общественных столовых, представляли с разной степенью эффективности интересы женщин-работниц в советских, профсоюзных и кооперативных учреждениях, тем самым способствуя решению «женского вопроса» в стране. Немаловажно, что практика делегатства даже политически индифферентных женщин впервые в российской истории приобщала к государственным делам, к происходившей модернизации, что не могло не влиять на их повседневные практики.

Список литературы

1. Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма. Брянск, 2011. 352 с.
2. Алферова И.В. Большевистская женская печать: к истории становления (1914–1920-е гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. III. С. 18-20.
3. Алферова И.В. Делегатские собрания 1920-х годов как проект подготовки советских женщин к управленческой деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). История. Вып. 43. С. 46-54.
4. Богатырева Е. Год работы, еще год борьбы // Коммунар. 1929. № 4.
5. Брянский рабочий. 1926. № 13. 16 января.
6. Брянский рабочий. 1927. № 50. 2 марта.
7. Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб., 2008. 298 с.
8. Герфельд Л. Женская страничка // Известия Брянского Исполкома Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов. 1920. № 144. 11 июля.
9. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 85. Оп. 1.
10. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 1249. Оп. 1.

11. Доля женщины-крестьянки // *Брянский рабочий*. 1924. № 79. 5 апреля.
12. Еще одна «подпольная организация» // *Известия Брянского Исполкома Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов*. 1920. № 250. 23 ноября.
13. Женская страничка // *Известия Брянского Исполкома Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов*. 1920. № 34. 17 февраля.
14. Женская страничка // *Известия Брянского Исполкома Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов*. 1920. № 50. 14 марта.
15. Жулина А. Ближайшие задачи партии в работе среди женщин // *Брянский рабочий*. № 125. 34 июня.
16. *Известия Брянского уездного исполкома Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов*. 1919. № 35. 15 января.
17. *Известия Брянского Исполкома Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов*. 1920. № 70. 2 апреля.
18. *Известия Брянского Исполкома Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов*. 1920. № 84. 25 апреля.
19. Неделя труда // *Известия Брянского Исполкома Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов*. 1920. № 97. 12 мая.
20. Необходимо заменить // *Известия Брянского Исполкома Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов*. 1920. № 132. 27 июня.
21. Поддержка Красной Армии // *Известия Брянского Исполкома Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов*. 1920. № 180. 16 августа.
22. Пушкарева Н.Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // *Историческая психология и социология истории*. 2010. № 2. С. 51-64.
23. Черных. Участие женщин в перевыборах советов // *Коммунар*. 1929. № 4.
24. Чикин И. Женская держава на социалистической стройке // *Коммунар*. 1929. № 4. С. 34.

WOMEN ACTIVISTS AND DELEGATE MEETINGS AS PART OF “SOVIET PROJECT” IN BRYANSK PROVINCE (1920s)

The article deals with the activity of the delegate meetings as a specific form of work of the Bolsheviks with women activists to prepare them for Soviet work in the 1920s in Bryansk province. According to the documents of the state archive of Bryansk region, some of which were first introduced into scientific circulation, as well as materials of the local periodical press of the 1920s, the history of the formation of work with the female population, the stages of the organizational registration of delegate meetings, their age composition, occupation, nationality, party membership, etc. The interpretation of the problems was carried out in the context of the political unrest experienced by the country in the 1920s. At the same time the authors focused on identifying local peculiarities of the current processes. Such an approach made it possible to identify key factors of economic, ideological and general cultural character that hindered popularization of delegate meetings among the residents of Bryansk region, and also hindered development of social activity of women in general. Thus, the article presents specific cases of opposition from the part of the male population of the province to women activists, indicates unresolved problems in social sphere that did not allow representatives of the female population to fully engage in social and managerial work. The final part of the article gives quantitative data illustrating the process of mobilization of the female electorate in Bryansk province.

Keywords: women's question, Soviet project, Bryansk province, delegate meetings, agitation and propaganda, everyday practices

References

1. Alferova I. V. (2011). «Zhenskiy vopros» v teorii i praktike bol'shevizma. ["Women's question" in the theory and practice of Bolshevism]. Bryansk, 352 s.
2. Alferova I. V. (2011). Bol'shevistskaya zhenskaya pechat': k istorii stanovleniya (1914–1920-ye gg.) [Bolshevik women's press: to the history of formation (1914–1920)] // *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov. Gramota. [Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. Tambov. 6 (12) v 3-kh ch. 18-20.
3. Alferova I. V. Delegatskiye sobraniya 1920-kh godov kak proyekt podgotovki sovetskikh zhenshchin k upravlencheskoy deyatelnosti [Delegate meetings of the 1920s as a project to prepare Soviet women for managerial activities]// *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*.

[Bulletin of Chelyabinsk state University]. 1. (216). Istoriya. Vyp. 43. 46-54.

4. Bogatyreva E. (1929). God raboty, yeshche god bor'by [Year of work, another year of struggle] // Kommunar. 4.

5. Bryanskiy rabochiy [Bryansk worker]. 1926. № 13. January, 16.

6. Bryanskiy rabochiy [Bryansk worker]. 1927. № 50. March, 2.

7. Volkov V., Kharkhordin O. (2008). Teoriya praktik [Theory of practice]. SPb., 298 s.

8. Garfield L. Zhenskaya stranichka [Women's page] // Izvestiya Bryanskogo Ispolkoma Soveta Rabochikh, Krest'yanskikh i Krasnoarmeyskikh Deputatov [Proceedings of the Bryansk Executive Committee of the Council of Workers, peasants and red army Deputies.]. 1920. №144. July, 11.

9. Gosudarstvennyy arkhiv Bryanskoy oblasti (GABO) [State archive of Bryansk region (SABR)]. F. 85. Op. 1.

10. Gosudarstvennyy arkhiv Bryanskoy oblasti (GABO) [State archive of Bryansk region (SABR)]. F. 1249. Op. 1.

11. Dolya zhenshchiny-krest'yanki [The share of peasant women] // Bryanskiy rabochiy. [Bryansk worker]. 1924. № 79. April, 5.

12. Yeshche odna «podpol'naya organizatsiya» [Another "underground organization"] // Izvestiya Bryanskogo Ispolkoma Soveta Rabochikh, Krest'yanskikh i Krasnoarmeyskikh Deputatov [News of the Bryansk Executive Committee of the Council of Workers, Peasants and Red army Deputies]. 1920. № 250. November, 23.

13. Zhenskaya stranichka [Women's page] // Izvestiya Bryanskogo Ispolkoma Soveta Rabochikh, Krest'yanskikh i Krasnoarmeyskikh Deputatov [News of the Bryansk Executive Committee of the Council of Workers, Peasants and Red army Deputies]. 1920. № 34. February, 17.

14. Zhenskaya stranichka [Women's page] // Izvestiya Bryanskogo Ispolkoma Soveta Rabochikh, Krest'yanskikh i Krasnoarmeyskikh Deputatov [News of the Bryansk Executive Committee of the Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies]. 1920. № 50. March, 14.

15. Zhulina A. Blizhayshiye zadachi partii v rabote sredi zhenshchin [The nearest tasks of the party in the work among women] // Bryanskiy rabochiy. [Bryansk worker]. № 125. June, 34.

16. Izvestiya Bryanskogo uyezdnogo ispolkoma Soveta Rabochikh, Krest'yanskikh i Krasnoarmeyskikh Deputatov [News of the Bryansk district Executive Committee of the Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies]. 1919. №. 35. January, 15.

17. Izvestiya Bryanskogo uyezdnogo ispolkoma Soveta Rabochikh, Krest'yanskikh i Krasnoarmeyskikh Deputatov [News of the Bryansk district Executive Committee of the Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies]. 1920. №. 70. April, 2.

18. Izvestiya Bryanskogo uyezdnogo ispolkoma Soveta Rabochikh, Krest'yanskikh i Krasnoarmeyskikh Deputatov [News of the Bryansk district Executive Committee of the Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies]. 1920. №. 84. April, 25.

19. Nedelya truda [The week of labor] // Izvestiya Bryanskogo Ispolkoma Soveta Rabochikh, Krest'yanskikh i Krasnoarmeyskikh Deputatov [News of the Bryansk district Executive Committee of the Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies]. 1920. № 97. May, 12.

20. Neobkhodimo zamenit' [It is necessary to replace] // Izvestiya Bryanskogo Ispolkoma Soveta Rabochikh, Krest'yanskikh i Krasnoarmeyskikh Deputatov [News of the Bryansk district Executive Committee of the Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies]. 1920. №132. June, 27.

21. Podderzhka Krasnoy Armii [Support of the red Army] // Izvestiya Bryanskogo Ispolkoma Soveta Rabochikh, Krest'yanskikh i Krasnoarmeyskikh Deputatov [News of the Bryansk district Executive Committee of the Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies]. 1920. № 180. August, 16.

22. Pushkareva N.L. Zhenskaya i gendernaya istoriya: itogi i perspektivy razvitiya v Rossii [Women's and gender history: results and prospects of development in Russia] // Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii [Historical psychology and sociology of history]. 2010. № 2. 51-64.

23. Chernykh. Uchastiye zhenshchin v perevyborakh sovetov [Participation of women in the re-election of the Soviets] // Kommunar. 1929. № 4.

24. Chikin I. Zhenskaya derzhava na sotsialisticheskoy stroyke [Female power on socialist construction] // Kommunar. 1929. № 4. 34.

Об авторах

Алферова Ирина Викторовна – доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alferovairi@yandex.ru

Трошина Дарья Владимировна – аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: darya.troshina15@mail.ru

Alfyorova Irina Viktorovna – Doctor of History, Professor of department of philosophy, history, political science. Petrovsky Bryansk State University, E-mail: alferovairi@yandex.ru

Troshina Daria Vladimirovna – post-graduate student of the Department of national history. Petrovsky Bryansk State University, E-mail: darya.troshina15@mail.ru

УДК 943.085.2

Артамошин С.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет (Россия)

НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ И КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ В ПОИСКАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОЮЗНИКОВ

Статья посвящена проблеме идеологического взаимодействия национал-большевизма и консервативной революции в годы Веймарской республики как антиреспубликанских направлений. Рассматриваются проблемы политического взаимодействия и идеологического пресечения на поле идеологического противостояния германской республики и Версальскому мировому порядку. Подчеркиваются точки пересечения направлений антивеймарской мысли в концепциях империи и национализма, а также в антиверсальском повороте на восток Европы, в сторону расширения связей с Советской Россией. В статье анализируются идейные позиции Мёллера ван ден Брука, Э. Никиша и Э. Юнгера.

Ключевые слова. Веймарская республика, национал-большевизм, консервативная революция, Мёллер ван ден Брук, Э. Никиш, Э. Юнгер.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-29-34

Политическая платформа политических партий и движений Веймарской республики была достаточно разнообразной. Она включала в себя как республиканские силы, выступавшие опорой республики, отдельные партии кайзеровской монархии, которые подстраивались под изменившуюся систему, и стремились сохранить свой электорат, а также значительное количество новых политических объединений, как партий, так и в большей степени различных обществ и групп, которые выступали против установившейся Веймарской республики. Особенностью последних было то, что объединенные в политические партии и различные группы, они представляли собой полярный спектр политических сил от правых до левых. Вместе с тем, несмотря на крайние позиции на политической сцене Веймарской республики, которые они занимали, их сближала ненависть к республике, опиравшаяся на различные основания, но достаточно глубокая и бескомпромиссная. Это не приводило к политическому объединению, которое предполагало какое-то политическое слияние, поиск компромиссов или же простое поглощение. Немецкие правые и левые были достаточно автономны и стремились к самостоятельной власти, с тем, чтобы создавать устойчивые политические союзы. Вместе с тем, между ними существовали политические контакты и пересечения политических позиций в различных период Веймарской республики.

Особенностью немецких правых и левых политических сил было то, что помимо

самых политических партий и объединений вокруг них существовали интеллектуальные группы, которые формировали политические идеи и вырабатывали политические ориентиры развития, направленного на трансформацию веймарской системы. Параллельно с политической деятельностью немецких праворадикальных организаций осуществлялась деятельность интеллектуального течения консервативной революции, выступавшей в качестве интеллектуального объединения консервативных позиций не предполагавшего участие в конкретных политических объединениях, но и не исключавшего этого. “Интеллектуальное течение “консервативной революции” существовало в пространстве германского послевоенного национализма. Политические идеи, которые культивировались в ее недрах, гармонично вписывались в ожидания националистических обществ Веймарской республики. Представители “консервативной революции” стремились не только вырабатывать консервативно-националистические идеи, но и превратиться в духовных лидеров националистической революции в Германии”[1, 409]. Конечно, интеллектуальная деятельность предполагает индивидуальность, но она может объединяться вокруг общих политических изданий, в которых печатались консервативные авторы[3;4;5]. Например, это происходило с авторами журнала “Widerstand”, представлявшим национал-большевистское направление консервативной революции.

Пионером восточной ориентации

германского веймарского консерватизма был Мёллер ван ден Брук, который будучи еще на службе в пропагандистском отделе кайзеровского МИДа, в период между Компьенем и Версалем опубликовал книгу, призванную убедить страны Антанты в необходимости компромиссного мира. В ней он выделил группу “молодых народов”, в которую включил Германию и Россию, а также США, на которые возлагал надежду на их способность воздействовать на Францию и Великобританию при заключении мирного договора. Его представления о сотрудничестве с революционной Россией не выходили за пределы кайзеровских установок о германской политике в Польше и Прибалтике[2, 207-208], с единственным исключением – Мёллер ван ден Брук не конкретизировал сферы германского цивилизаторского проникновения, а вводил расплывчатое определение русских восточных территорий, которые представляют собой зону цивилизаторской деятельности “молодых народов”, под которыми в данном случае выступали немцы[10,105]. Фактически он старался убедить Антанту в том, что германская политика на востоке Европы служит, в конечном счете, и защите англо-французских интересов. Однако высказанные Мёллером ван ден Бруком положения не встретили поддержки Антанты, но послужили основой для восточного направления германского консерватизма.

Заключение в 1919 г. Версальского мирного договора послужило основанием для рассмотрения большевистской России как потенциального союзника в противостоянии политической системе Версаля. Следует отметить, что стремление к заключению союза с большевиками было вызвано, с одной стороны, тем, что Германия и Советская Россия оказались за бортом мировой политики, с другой стороны, он надеялся на параллельную политику двух стран, которая могла исключить элемент большевизации Германии. Фактически Мёллер ван ден Брук в начале 1920-х годов призывал к организации единого фронта против Версаля как формы преодоления последствий ограничительных мер за счет коллективного противодействия. Созданный антизападный фронт будет выступать как “великий фронт, в котором бы все народы Востока выступили против Запада,

народ социализма против либерализма, континентальная Европа против негронизированной Франции”[9, 240-241].

Оккупация французскими и бельгийскими войсками Рурской области в январе 1923 г. за задержку правительством Веймарской республики выплат репараций привела к партизанской войне и диверсиям, в которых активно принимали участия бойцы фрайкоров. Расстрел лейтенанта в отставке, бойца фрайкора Альберта Лео Шлагетера 26 мая 1923 г. “за саботаж и шпионаж”, превратил его в знаковую, впоследствии превратившуюся в культовую, фигуру германского сопротивления политике Версальского мира и героя, погибшего за будущее Германии[8, 39]. Обращение к образу Шлагетера послужило основанием для политического диалога и мифологизации между консервативными революционерами и и большевиками, в данном случае между Мёллером ван ден Бруком и Карлом Радеком. Речь К. Радека 20 июня 1923 г. в Москве на пленуме ИККИ была посвящена характеристике и мифологизации образа Шлагетера, его инструментализации в контексте мировой революции. Его привлекательность состояла в том, что “Шлагетер, смелый солдат контрреволюции, заслуга которого для нас, солдат революции, состоит в обладании мужественностью и честью”[18,75]. Однако К. Радек называл его “путником в никуда” из-за того, что он не примыкал к коммунистическому движению и не боролся за мировую революцию. Вместе с тем в выступлении К. Радека прозвучало предложение об образовании единого фронта интеллектуалов и пролетариев в борьбе против капиталистической системы. В его речи прозвучал призыв о том, что “мы все сделаем, чтобы люди, такие как Шлагетер, были готовы идти за всеобщее дело на смерть, не путниками в никуда, а путниками в лучшее будущее всего человечества, что означало бы для них не разбрызгивать бескорыстно кровь во имя выгоды угольных и металлургических баронов, а за дело великого трудящегося немецкого народа, являясь членом семьи борящегося за освобождение народа. Коммунистическая партия будет говорить эту истину широким массам немецкого народа, так как она выступает не только партией борьбы за кусок хлеба для всех промышленных

рабочих, она является партией борющегося пролетариата, который сражается за свое освобождение, за свободу, равную свободе всего народа, которая объединяется со свободой всех, кто уверены, что сотни Шлагетеров ее услышат и поймут"[18, 79].

Мёллер ван ден Брук ответил на обращенный призыв об образовании единого фронта статей, в которой определил степень и форму возможного сотрудничества между правыми и левыми в Германии. Он соглашался с определением Шлагетера как национального героя, но возражал стремлению превратить его в борца за свержение капиталистического общества. Шлагетер был германским националистом, отдавшим свою жизнь в борьбе против диктатора Версаля, тем самым отрицая радековское видение движения в никуда и придавая направленности поступку Шлагетера четкие национальные черты – борьбы за будущее германского государства[11, 83]. Политическое сотрудничество между германским национализмом и большевизмом возможно только при взаимном уважении особенности социалистического проекта в обеих странах и отказ от экспорта национального социализма или большевизма. Таким образом, Мёллер ван ден Брук полагал, что национальная особенность социализма и антиверсальская направленность внешнеполитической позиции могут служить основанием политического взаимодействия. "Коммунистические левые и консервативные правые связаны недоверием к партиям, к либеральному и эгоистическому содержанию всей их партийной жизни, уделению внимания программам, а не делам, к партийному парламентаризму, таким образом, необходимому вершить дела не в интересах нации, а собственных партий, даже если для этого надо прикрыться нацией. Их объединяет идея диктатуры, которая учитывает печальный человеческий опыт, что человеческое благополучие не может быть никогда предоставлено на человеческое усмотрение, а может быть достигнуто только через принуждение, наставление, предназначенное и вышестоящее руководство"[9, 272]. Однако Мёллер ван ден Брук был больше германским националистом, чем прусским социалистом, поэтому граница политического контакта определялась интересами немецкого народа

и германского государства.

Однако попытки политического взаимодействия и поиска возможности для сотрудничества очень быстро закончились. Смерть Мёллера ван ден Брука в 1925 г. привела к потере интереса к опыту Советской России среди представителей консервативной революции. Однако оформление национал-большевистского направления, представлявшего сложную смесь немецкого национализма и марксистского социализма, придало новое звучание восточному направлению германского консерватизма. Следует отметить, что сторонники национал-большевизма были ренегатами марксистского социализма и пришли в националистический лагерь из социал-демократии, сохраняя в себе две политические позиции. Видным представителем национал-большевистского направления был Эрнст Никиш[1, 143-145].

Представления Э. Никиша о государстве представляли собой соединение идей пруссачества и социализма. Подчеркивание националистического компонента указывало на пруссачество и дух Потсдама как основу германского государства[12, 90-91]. Веймарская республика воспринималась им, с одной стороны, как результат германского поражения в Великой войне, с другой стороны, как следствие мировоззренческой победы католического Рима над протестантским Потсдамом. Таким образом, германская республика была "конституционной формой национальной капитуляции"[13, 341], которая являлась отражением утверждения либеральных принципов, чуждых прусскому духу и результатом навязывания Германии воли стран-победительниц. В программной статье 1927 г. Э. Никиш определяет основные направления деятельности германского сопротивления – это борьба против комплекса ценностей западного общества, мировоззренческих принципов философии Просвещения и либерализма. Такое противостояние будет направлено на отказ от веймарских конституционных либеральных принципов и утверждение германского национального государства путем решительной революционной борьбы[17, 3].

Принцип либерализма имели для Э. Никиша национальные очертания, придавая идеологическому противостоянию четкие

контуры политического противостояния, когда либеральные принципы выступали отражением политики Франции в отношении Германии. Это наложение либерализма и французской политики друг на друга придавало четкое понимание образа врага, делая для немцев понятной борьбу против Веймарской республики, так как “борьба против Веймарской системы есть война против Франции” [16, 104]. В силу этого германская политика должна обрести политического союзника против Версальской системы, который находится на востоке Европы, т.е. речь шла об СССР. Ориентация на восток была следствием близости антизападных позиций Германии и СССР. Э. Никиш утверждал, что земельный, антигородской, антицивилизаторский, антирационалистический характер германского духа подталкивает германский народ к ориентации на восток, где в союзе с русским большевизмом Германия сможет вновь обрести политическое величие [15, 185]. Э. Юнгер видел в советском обществе форму выражения тотальной мобилизации, когда государство и общество мобилизуется ради достижения единой цели, подчиняя индивидуальные потребности общей цели. Стирание различия между фронтом и тылом превращает пространство в единый ландшафт, который Э. Юнгер уподобляет боевому кораблю [6, 180-181]. Тотальная мобилизация является отражением современной эпохи, символом времени. Мобилизация ресурсов,

людей, целей, мыслей, энергии, жертвенности в единое целое превращает общество во взаимосвязанный мир, нити которого переплетаясь, делают сильным новый мир. “Воюющие индустриальные державы в некие вулканические кузницы <...> Для развертывания энергии такого масштаба уже недостаточно вооружиться одним лишь мечом, - вооружение должно проникнуть до мозга костей, до тончайших жизненных нервов. Эту задачу принимает на себя тотальная мобилизация, акт, посредством которого широко разветвленная и сплетенная из многочисленных артерий сеть современной жизни одним движением рубильника подключается к обильному потоку воинственной энергии” [7, 449-450]. Не случайно, что и Э. Никиш и Э. Юнгер с большим интересом относились к советской модели пятилеток, усматривая в ней отпечаток тотальной мобилизации [14, 200].

Поиск политических союзников в условиях политической борьбы консервативной революции против Веймарской республики приводил некоторых консерваторов к ориентации на восток, в сторону Советской России. Это определялось антиверсальской направленностью, которая служила объединительным элементом совместной политической деятельности, при этом консервативные революционеры подчеркивали необходимость равноправного сотрудничества, которое исключало политическое поглощение.

Список литературы

1. Артамошин С.В. Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики. – СПб., 2018.
2. Ланник Л.В. Русский фронт, 1914-1917 годы. – СПб., 2018.
3. Терехов О. Э. Феномен “консервативной революции” в Веймарской республике в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы исследования. – Кемерово, 2011.
4. Терехов О. Э. Теория “консервативной революции” Веймарской республики в современной германской историографии // Веймарская республика: история, историография, источниковедение. – Вып. 3. – Иваново, 2004.
5. Терехов О. Э. Проблема континуитета “консервативной революции” в истории немецкого консерватизма в современной германской историографии // Уральский вестник международных исследований. – Вып. 3. – Екатеринбург, 2005.
6. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. / Пер. с нем. - СПб., 2000.
7. Юнгер Э. Тотальная мобилизация // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. / Пер. с нем. - СПб., 2000.
8. Berghahn V. R. Der Stahlhelm. Bund der Frontsoldaten, 1918-1935. – Düsseldorf, 1966.
9. Moeller van den Bruck. Das dritte Reich. – 3. Aufl., bearb. von Hans Schwarz. – Hamburg;

Berlin, 1931.

10. Moeller van den Bruck. Das Recht der jungen Völker. – München, 1919.
11. Moeller van den Bruck. Der Wanderer ins Nichts // Moeller van den Bruck. Das Recht der jungen Völker. Sammlung politischer Aufsätze, hrsg. von H. Schwarz. – Berlin, 1932.
12. Niekisch E. Das Gesetz von Potsdam // Niekisch E. Widerstand. – Krefeld, 1982.
13. Niekisch E. Der religiöse Sozialismus // Widerstand. 1929 (4). Heft 11.
14. Niekisch E. Die Fünfjahrplan // Widerstand. 1930 (5). №7.
15. Niekisch E. Entscheidung. – Berlin, 1930.
16. Niekisch E. Schicksalsverfehlung // Widerstand. 1933 (8). Heft 4.
17. Niekisch E. Widerstand // Widerstand. 1927 (2). Heft 1.
18. Radek K. Leo Schlageter, der Wanderer ins Nichts // Moeller van den Bruck. Das Recht der jungen Völker. Sammlung politischer Aufsätze, hrsg. von H. Schwarz. – Berlin, 1932.

NATIONAL BOLSHEVISM AND THE CONSERVATIVE REVOLUTION IN GERMANY IN SEARCH OF POLITICAL ALLIES

The article is devoted to the problem of the ideological interaction of National Bolshevism and the conservative revolution during the years of the Weimar Republic as anti-republican trends. The problems of political interaction and ideological suppression on the field of ideological confrontation between the German Republic and the Versailles world order are considered. The points of intersection of the directions of anti-Weimar thought in the concepts of empire and nationalism, as well as in the anti-Versailles turn to the east of Europe, in the direction of expanding ties with Soviet Russia, are emphasized. The article analyzes the ideological positions of Möller van den Bruck, E. Nikisch and E. Junger.

Keywords: Weimar Republic, National Bolshevism, Conservative Revolution, Möller van den Bruck, E. Nikisch, E. Junger.

References

1. Artamoshin S.V. Konservativnaya revolyuciya v intellektual'nom prostranstve Vejmarskoj respubliki.[Conservative revolution in the intellectual space of the Weimar Republic] – SPb., 2018.
2. Lannik L.V. Russkij front, 1914-1917 gody.[Russian Front, 1914-1917] – SPb., 2018.
3. Terekhov O. E. Fenomen “konservativnoj revolyucii” v Vejmarskoj respublike v istoriografii FRG: osnovnye koncepcii i problemy issledovaniya.[The phenomenon of “conservative revolution” in the Weimar Republic in the historiography of Germany: the basic concepts and problems of research.] – Kemerovo, 2011.
4. Terekhov O. E. Teoriya “konservativnoj revolyucii” Vejmarskoj respublike v sovremennoj germanskoj istoriografii[The Theory of the “Conservative Revolution” of the Weimar Republic in Modern German Historiography] // Vejmarskaya respublika: istoriya, istoriografiya, istochnikovedenie. – Vyp. 3. – Ivanovo, 2004.
5. Terekhov O. E. Problema kontinuiteta “konservativnoj revolyucii” v istorii nemeckogo konservatizma v sovremennoj germanskoj istoriografii[The problem of continuity of the “conservative revolution” in the history of German conservatism in modern German historiography] // Ural'skij vestnik mezhdunarodnyh issledovanij. – Vyp. 3. – Ekaterinburg, 2005.
6. Yunger E. Rabochij. Gospodstvo i geshtal't[Working. Dominance and Gestalt]// Yunger E.Rabochij. Gospodstvo i geshtal't; Total'naya mobilizaciya; O boli.[Working. Dominance and gestalt; Total mobilization; About pain]/Per. s nem. - SPb., 2000.
7. Yunger E. Total'naya mobilizaciya[Total mobilization]// Yunger E.Rabochij. Gospodstvo i geshtal't; Total'naya mobilizaciya; O boli[Working. Dominance and gestalt; Total mobilization; About pain]./Per. s nem. - SPb., 2000.
8. Berghahn V. R. Der Stahlhelm. Bund der Frontsoldaten, 1918-1935.[The steel helmet. League of the front soldiers] – Düsseldorf, 1966.
9. Moeller van den Bruck. Das dritte Reich. The Third Empire [] – 3. Auf., bearb. von Hans Schwarz. – Hamburg; Berlin, 1931.
10. Moeller van den Bruck. Das Recht der jungen Völker.[The right of young peoples] – München, 1919.
11. Moeller van den Bruck. Der Wanderer ins Nichts [The hiker into nothingness]// Moeller

van den Bruck. Das Recht der jungen Völker. Sammlung politischer Aufsätze[The right of young peoples. Collection of political essays], hrsg. von H. Schwarz. – Berlin, 1932.

12. Niekisch E. Das Gesetz von Potsdam[The law of Potsdam] // Niekisch E. Widerstand.[Resistance] – Krefeld, 1982.

13. Niekisch E. Der religiöse Sozialismus[The religious socialism] // Widerstand.[Resistance]. 1929 (4). Heft 11.

14. Niekisch E. Die Fünfjahrplan[The five-year plan] // Widerstand. .[Resistance] 1930 (5). №7.

15. Niekisch E. Entscheidung.[decision] – Berlin, 1930.

16. Niekisch E. Schicksalsverfehlung[fate misconduct] // Widerstand.[Resistance]. 1933 (8). Heft 4.

17. Niekisch E. Widerstand.[Resistance] // Widerstand. .[Resistance] 1927 (2). Heft 1.

18. Radek K. Leo Schlageter, der Wanderer ins Nichts[Leo Schlageter, the wanderer to nowhere] // Moeller van den Bruck. Das Recht der jungen Völker. Sammlung politischer Aufsätze, [The right of young peoples. Collection of political essays], hrsg. von H. Schwarz. – Berlin, 1932.

Об авторе

Артамошин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, artamoshinsv@mail.ru

Artamoshin Sergey Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Department of History and International Relations of Bryansk State University named after Acad. I.G. Petrovsky, artamoshinsv@mail.ru

Блохин В.Ф., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

РОССИЙСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ 1860-х гг.: ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Статья посвящена малоизученным вопросам истории частной периодической печати, выходившей в различных регионах страны во второй половине XIX в. В качестве объекта своего исследования автор выбрал частные издания российской провинции 1860-х гг. На основе анализа цензурного законодательства этого времени, за счет привлечения ранее неизвестных документов и материалов в статье в общих чертах раскрываются особенности деятельности бюрократического механизма контроля за провинциальной прессой. Автор приходит к выводу, что созданная сложная и не отвечавшая задачам реформирования страны система контроля за печатью в провинции, продемонстрировала на практике свою ограниченность. В то же время ход преобразований в стране, особенно осуществление земской реформы, заинтересованность самой власти в развитии «гласности» и получения достоверной информации с мест, дали новые импульсы для развития местной прессы в 1860-е гг. Главным новым явлением в духовной жизни провинции становится появление на фоне традиционных видов печати (информационных листов) редкого для этого времени типа издания – частной общественно-политической газеты. Еще одной важной тенденцией становится увеличение, несмотря на искусственные ограничения, количества провинциальных изданий.

Ключевые слова: провинция, губернская периодическая печать, Временные правила 6 апреля 1865 г., частная общественно-политическая газета, газеты-листки, предварительная цензура

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-35-44

Ни один из законопроектов, знаменовавших эпоху реформ Александра II., не готовился столь долго, как закон, касавшийся проблем цензуры и развития печати. С 1857 г., когда появилось официальное высочайшее повеление о необходимости разработки нового устава о печати, и до 1865 г., т. е. до принятия очередного цензурного закона, было создано несколько специальных комиссий. Первую возглавлял в 1861 г. член Главного управления цензуры Александр Александрович Берте, две другие в 1862 и в 1863 гг. – статс-секретарь, князь Дмитрий Александрович Оболенский (сначала для Министерства народного просвещения, а затем для Министерства внутренних дел, куда 14 января 1863 г. была переведена цензура). Подготовленные проекты нового устава были отклонены, поскольку они не позволяли решить задачу сохранения государственного контроля над печатью при одновременном предоставлении ей некоторого «простора» и «гласности». Государственный совет принял решение ограничиться законом, который носил характер Временных правил, лишь обновлявших цензурный устав 1828 г.

На основании именного указа «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» [23, т. 40, отд. 1, № 41988] и утвержденного 6 апреля 1865 г. Александром

II мнения Государственного совета, подготовленный документ обрел нормативную силу, а с 1 сентября того же года вступил в действие. Временность принятых правил определялась необходимостью открытия новых судебных установлений, которые должны были поставить цензурные решения в прямую зависимость от суда. Однако император подписал Судебные уставы 20 ноября 1864 г., торжественное введение новых судов состоялось 17 апреля 1866 г., а Временные цензурные правила так и оставались «временными» еще на протяжении почти сорока лет.

Одним из ключевых пунктов, положенных в основание последующей практики взаимоотношений столичной печати с цензурным ведомством, являлся порядок административных взысканий, за обнаруженное в публикациях «вредное направление». Заимствованная из французского законодательства Второй империи Наполеона III, установленной 2 декабря 1852 г., эта система была задействована в Пруссии, Австрии и Турции, но только в России сохранялась вплоть до начала нового столетия и прекратила свое существование в условиях революционных событий 1905–1907 гг.: 24 ноября 1905 г. было отменено административное воздействие на периодическую печать, и установлена судебная ответственность за ее проступки.

Введённые в действие Временные правила распространялись только на столичные издания, сохранив предварительную цензуру для губернской печати. Известный публицист и издатель Б.Б. Глинский, констатировал: «суть дела осталась та же самая, т. е. местная администрация по-прежнему держала прессу в своих руках и была вольна в жизни и смерти любого губернского или уездного органа в каждое данное время» [8, с. 303]. Однако введенные правительством новшества не могли ни оказать воздействия на общественную жизнь провинции, поскольку губернские власти получили своеобразный сигнал из центра, определявший иное отношение к положению местной печати.

В статье предпринята попытка анализа некоторых из проблем, которые были присущи провинциальным частным периодическим изданиям в 60-е годы XIX столетия, ставится вопрос о том, как на особенностях их развития сказались законодательные новшества этого времени.

Говоря об изучении истории губернской печати, приходится констатировать, что внимательное ее исследование начиналось только тогда, когда обрело черты целостности и видимой завершённости обследование наиболее влиятельных и популярных органов периодической печати Петербурга и Москвы. Однако применительно не только к советскому, но отчасти и к современному периоду, при общей позитивной тенденции к росту интереса исследователей к проблемам провинциальной прессы, приходится констатировать сохранение, правда, в разных пропорциях элементов традиционных подходов, основанных на принципах «партийности печати».

За некоторым исключением [24, 16, 5, 11, 28, 27], провинциальные издания и сегодня зачастую изучаются только в рамках территорий, к которым они относились, без учета общих особенностей развития провинциальной прессы. Далеко не везде местные органы печати этого периода заняли достойное место в истории «нравственного влияния» [21] на общественное мнение и правительственную политику, гораздо чаще провинциальные издания рассматриваются лишь «как фактор культуры региона» [2, с. 35].

Характерная для 1840-х – 1850-х гг. тен-

денция к созданию своих собственных органов прессы только для крупных промышленных, финансовых и торговых центров страны, к концу 1860-х гг. превращается в обыденное явление практически во всех губерниях, а иногда и уездных городах империи. Главным новым явлением в духовной жизни провинции становится появление редкого в прежние времена для этих мест типа издания – частной общественно-политической газеты. Ещё сохранялись традиционные виды печати – справочные листки, которые, впрочем, к концу 1860-х гг. уже отличались не только по содержанию, но даже по своему внешнему виду от своих предшественников.

В 1866 г. появился «Астраханский справочный листок» (с 1881 г. – ежедневный), в 1867 г. с периодичностью 3 раза в неделю стал выходить «Справочный листок города Казани». В 1868 г. был учрежден «Кронштадтский листок» (ранее «Листок объявлений Кронштадта, Петергофа и Ораниенбаума»), выходивший 2 раза в неделю. «Коммерческий листок» издавался Саратовским коммерческим клубом в 1868–1869 гг. Тогда же появился «Казанский биржевой листок» (1868–1883 гг.), который в 1884 г. превратился в «политическую, общественную и литературную» газету, просуществовавшую до 1892 г., преодолев множество преград, сменив за это время более десяти редакторов и около десяти издателей. В 1869 г. возникли «Воронежский справочный листок» (1869–1871 гг.), и «Липецкий летний листок» (1869–1877 гг. еженедельно в течение летнего сезона).

Главная причина, служившая обоснованием открытия новых средств печати, оставалась прежней: удовлетворение информационных потребностей местных промышленных, финансовых и торговых кругов, но теперь к ней добавилась важная новая составляющая – заметное увеличение числа заинтересованной читающей публики из числа обычных обывателей. Помимо традиционных потребителей печатного слова из числа местных помещиков, священнослужителей, военных, чиновников, купцов, появились или увеличились в числе другие читатели: врачи, преподаватели и учащиеся новых учебных заведений и представители не существовавших ранее в России технических специальностей.

В 1860-е гг. официальная печать за счёт

обязательных подписчиков могла зачастую ещё успешно конкурировать с частными изданиями. Например, в Киеве на первом месте по их числу находились «Руководство для сельских пастырей» и «Киевские губернские ведомости», а частным органам печати приходилось бороться за своего читателя друг с другом. Характерной чертой изданий этого периода становится острая полемика, заполнявшая значительный объём печатных страниц. «*"Неуч, бездарный, безграмотный, помёт"* и т. п. слова ещё можно считать за *мягкие выражения* конкурирующих ревнителей отечественной цивилизации; чаще же доходят до сильнейших: грубые доносы, грязные намёки, клеветы, угрозы сыплются без счёта» [20].

Недобросовестные издатели остро реагировали на появление упоминаний о своей газете не только в местной печати, но и, если это случалось, в столичной, пускаясь в подробные объяснения и обвинения конкурентов в безграмотности и недобросовестности. Однако дело чаще всего было не в болезненном самолюбии, не в желании отстоять свою позицию в том или ином вопросе, а в обычной конкуренции, которая выходила за рамки обыденных коммерческих отношений того времени.

Об этом с возмущением писал публицист «Новороссийских ведомостей»: «...разве торговцы доходят когда до возмутительных приёмов издателей? Разве бакалейщик "А", например, раздаёт своим покупателям рекламы, в которых бы говорилось, что, положим, в магазине "Б" самые дрянные товары, и что он сам купить ничего не умеет и не знает, где купить» [20]. Мало того, что таким способом можно было повергнуть своего конкурента, ещё и страницы газеты, в условиях «мелкотемья» и отсутствия новостей, заполнялись бесконечными перебранками, привлекавшими непритязательного читателя.

Середина 1860-х гг. знаменовалась еще одним важным событием, отразившимся на развитии и провинциальной печати. Обстановка ожидания реформ и итогов их осуществления породила особое отношение к печатному слову. Современники к нему предъявляли особые повышенные требования, предусматривавшие обязательное отражение актуальных проблем и умонастроений. Когда 4 апреля 1866 г. гранул выстрел Д.В. Каракозова, покушавшегося на жизнь

Александра II, была создана специальная комиссия, расследовавшая это преступление. Результатом явился рескрипт на имя вице-председателя Государственного совета П.П. Гагарина от 13 мая 1866 г., в котором были намечены «новые пути» правительственной политики, в том числе и по вопросам дальнейшего взаимодействия с печатью. В постановлении комиссии констатировалась наметившаяся особенность со стороны представителей правительства «прислушиваться к органам печати» и «действовать по их внушению», для завоевания собственной популярности [19, с. 238]. «Для того, чтобы устранить притязания журналистики, надо неуклонно пользоваться существующими мерами: предостережением и закрытием изданий, которые будут нападать на правительственные начала...» [19, с. 238].

Состояние растерянности властей, характерное для неожиданно возникшей ситуации, отразилось на мерах в отношении ведущих представителей столичной прессы (были закрыты журналы «Русское слово» и «Современник»). С провинциальными изданиями до поры до времени было всё гораздо проще, однако наиболее дальновидные представители правительства, например, министр внутренних дел П.А. Валуев, понимали, что это время может очень скоро пройти. П.А. Валуев был убеждён, что печать должна была находиться в ведении Министерства внутренних дел, осознавая при этом каким источником затруднений и неудобств это может для него стать. Однако министр понимал, что пресса может и уже стала «*средством влияния и элементом власти*» [10, с. 346].

Провинциальная периодическая печать, заметно численно подросшая во второй половине 1860-х гг., также выступала в качестве предмета такого влияния, поэтому были найдены и использовались новые оперативные способы осуществления контроля над ней: «Каждый раз, когда губернатор признает нужным принять против газеты какую-нибудь административную меру взыскания или возбудить судебное преследование, разрешение центральной власти могло бы быть испрашено и получено с помощью телеграфа в два-три дня или ещё скорее» [3, с. 51].

Общей закономерностью и ключевой особенностью провинциальной печати было

то, что здесь вице-губернатор выполнял цензорские функции, заметно затрудняя возможности подробного и честного описания региональной жизни [13, с. 25]. Однако одной из, несомненно, положительных тенденций, связанных с вступлением в силу нового закона о печати 6 апреля 1865 г. было заметное увеличение числа частной прессы в провинции.

По словам газеты «Москва», редакция нового закона «обхватывает почти все публичные проявления нашей общественной жизни» [18]. Московский орган печати также отмечал, что новым правительственным распоряжением «особенно мертвится» жизнь провинции, которая ещё не может «питаться домашнею местной гласностью», более того, по мнению автора статьи, больше всех теряет от такого ограничения печатного слова сама власть, отказавшись от принципов гласности «составивших славу нынешнего правительства» [18].

В развитии провинциальных газет, по мнению большинства их издателей, должно быть заинтересовано само правительство, если оно не хочет, чтобы его слуха «достигал лишь голос местных властей, и чтобы кроме этих официальных известий всё остальное, то есть сама жизнь провинциальная, безмолвствовало». Отсюда вытекал вывод о необходимости независимых органов гласности в провинции, «ежедневно докладывающих, что думает, чем озабочено, чего желает и что делает эта всё еще во многом таинственная русская провинция» [26]. «Сибирский вестник» отмечал, что в развитии провинциальной печати – задаток развития российского самоуправления, что губернская публицистика должна была положить конец многим безобразиям, «которые не истребишь ни ревизиями, ни контролем, ни судебными преследованиями» [17, с. 425-426].

Правительственная политика применительно к частной печати строилась на более строгой основе, в сравнении с местными губернскими и епархиальными ведомостями. Например, осуществлялся регулярный внутренний обзор частной провинциальной прессы в Главном управлении по делам печати, а в отношении обязательного представления в Петербург губернских и епархиальных ведомостей было отдано распоряжение только 19 октября 1870 г. [1, 104], т. е. то-

гда, когда неофициальная часть этих газет зачастую становилась вполне самостоятельным изданием.

Сравнивая особенности нового закона 1865 г. с привычной предварительной цензурой, известный публицист, профессор государственного права А.Д. Градовский констатировал: «С предварительною цензурою боролись; изобретенную же в столицах "свободу" уступали, суживали и спускали по такой наклонной плоскости, что приходилось сомневаться в человеческом разуме и приравнивать к донкихотству простой гражданский долг и обыденное самоуважение. Некоторые чересчур напуганные издатели превосходили самую опасливую цензуру, являясь большими цензорами, нежели сама цензура» [12, с. 492].

А.Д. Градовский, находясь под впечатлением действия административных порядков в отношении столичной периодической печати, явно преувеличивал степень безобидности предварительной цензуры, продолжавшей действовать в отношении провинциальных изданий. В ее оправдание он приводил забавный эпизод из своей практики: «Помню однажды, цензорское перо положило красный крест на всю мою статью, уничтожило её целиком; но старичок-цензор тут же поинтересовался узнать кто автор и, удовлетворив свое любопытство, через посредство редактора просил мне передать своё извинение. "Очень хорошо, мне очень жаль, прибавил он, – но что же делать – нельзя". Вообще отношения были довольно благодушные, – рассуждал далее А.Д. Градовский, – и не раз случалось, что цензор, редактор и автор совокупно ломали голову, как бы так выразить и закутать в такие неуловимые формы верную мысль или полезный совет, чтобы не пропала статья, чтоб известное явление не было объединено молчанием, но чтобы не вышло и какого-нибудь "недоразумения" или "нахлобучки" со стороны местной администрации или из Петербурга» [12, с. 493].

На самом деле печать гораздо в большей степени страдала от предварительной цензуры и далеко не все цензоры были похожи на «добрых старичков» из истории А.Д. Градовского. Провинциальная же печать зависела от прихоти, благосклонности и просвещённости губернской власти, страдала от

ее произвола и косности. Правда на отдельных территориях, например, в Восточной Сибири, чиновники сами являлись не только цензорами, но и издателями, и редакторами частных газет, а объяснялось это дефицитом кадров местной интеллигенции [14, с. 76].

Многообразные ситуации, связанные с особенностями функционирования российского чиновного мира, зачастую имели непрогнозируемый характер. Например, сотрудник газеты «Орловский вестник» И.П. Белокопский вспоминал, что у этого губернского издания в качестве цензоров выступало четыре человека: губернатор, вице-губернатор, два советника правления. Произошло это не по причине необходимости особого контроля над газетой, а просто потому, что каждый из названных цензоров тяготился своими цензурными обязанностями и по возможности передавал их одному из своих коллег-чиновников. «Орловский вестник» из-за этого испытывал дополнительные трудности, поскольку каждый из членов губернского правления имел свое видение проблем печати. Однако и этого было мало: к четырем названным чиновникам ещё добавлялась дочь одного из советников, исполнявшая иногда эти обязанности вместо отца [4, с. 192].

«Канцелярский либерализм», как и «бюрократический сепаратизм», в 1860-е явился предметом обсуждения в Комитете министров, результатом которого стало появление высочайше утверждённого решения от 22 июля 1866 г., предписывавшего всем служащим подчиняться «законным требованиям губернатора и оказывать ему должное уважение», вне зависимости от старшинства, класса, должности или чина [6]. В условиях проводимых реформ провинциальный канцелярский мир стал плохо управляем даже с точки зрения центральных властей и требовал определенных вмешательств с их стороны.

Разумеется, подобного рода тенденции имели различную степень проявления в тех или иных губерниях, но не могли не сказаться на развитии местной печати. Если раньше положение провинциальной газеты было напрямую связано с благосклонностью «просвещённого администратора» в лице губернатора, то теперь она могла в полной мере быть зависима от «различных председателей,

ассессоров и управляющих губернских канцелярий», которые зачастую выступали «какими-то самостоятельными державами», а поэтому и отношения местной печати к себе и своим действиям требовали соответствующего своему положению.

В особой мере в 1860-е гг. было ограничено из-за действий местной цензуры «обличительное направление» деятельности провинциальной прессы. Примечательно, что такие ограничения возникали и в тех случаях, когда её деятельность не выходила из «рамки общих законов о печати». Впрочем, эта ситуация имела продолжение и в последующие годы, поскольку во второй половине 1880-х гг., по свидетельству одного из участников событий, местная цензура по-прежнему не имела «подробной инструкции для руководства, при исполнении своих обязанностей, далеко не лёгких, ввиду того, что должностные лица, на которых возложена цензура, обременены другими сложными занятиями» [25, с. 436]. Вполне объяснимо, что на фоне этих проблем чиновники с огромным нежеланием относились к возможности появления новых провинциальных изданий, которые ничего кроме дополнительных хлопот им принести не могли.

За редким исключением губернаторы из-за общности ситуации также демонстрировали на этот счет единство точек зрения. Речь может идти лишь о некоторых нюансах. Одни считали, что местное население в качестве регулярного потребителя печатного слова умственно для этого ещё не созрело, другие проявляли заботу о доходах чиновников губернского правления и не допускали никакой конкуренции издаваемым им губернским ведомостям, третьи являлись «запретителями» не столь откровенными и даже пытались выставить себя мнимыми сторонниками свободного слова в печати, но одновременно с этим осознавали угрозу возможной, пусть и не значительной критики в свой адрес, а потому отдавали решение об открытии нового издания на откуп чиновников Главного управления. Впрочем, российский провинциальный административный аппарат хранил в себе множество тонких различий, которые, однако, не влияли на главный итог его отношения к проблеме создания и развития провинциальной печати. Таким образом,

без ограничения зависимости редакций газет от местной администрации, губернская пресса не могла «ни окрепнуть, ни развиваться, ни даже возникнуть» [26, № 11].

Предварительная цензура выступала серьёзным, но не единственным препятствием для успешного развития губернской прессы в этот период. Редактор «Донского вестника» в 1867 г., говоря о причинах неудовлетворительного состояния местной печати, выделял в виде своеобразной «двуединой» проблемы «апатию, в которой пребывает провинциальная общественная жизнь, и <...> грошовые средства, которыми обладают провинциальные редакции газет» [22]. В большинстве случаев на первый план выходила и проблема количества читателей газеты. «Ясно, что, смотря по развитию и настроению общества или части его, увеличивается или уменьшается прилив подписчиков в той или другой газете. Притом масса, даже у нас, довольно подвижная и желания её часто изменяются и оттого газеты, играющие на слабых струнах её сердца, падают или возвышаются, смотря по тому – ретроградное или прогрессивное колебание делает общество в известный момент своей жизни» [20]. Это суждение «Новороссийских ведомостей», выходивших в Одессе, не в полной мере отражало проблемы печати в других районах страны, где вопрос стоял не в том, чтобы угодить колебаниям настроений публики, а просто, чтобы иметь хотя бы ограниченное число людей, включавших газету в число предметов своей жизненной привычки или необходимости.

В 1860-е гг. страницы периферийных газет были полны сетованиями на безразличие губернского обывателя. «Прибавьте к этому и такое понятие большинства публики о газетном деле, которая в обличении или даже в замечании видит неправду и через это делается врагом автора или редактора, – восклицал публицист «Донского вестника» в ответ на критику местной печати из столицы, – то вам, столичным журналистам или газетам, останется смеяться над своими насмешками» [22]. Ничего не было удивительного в том, что провинциальное общество в тот период ещё не приобрело привычки серьёзно размышлять над проблемами, стоявшими перед ним. Для этого необходимо было время, а

главное – систематическое участие той же местной печати в решении этих вопросов.

Ключевым положительным явлением, сказавшимся на судьбе печати в провинции, явилось осуществление судебной, а особенно – земской реформы. В 1865 г. «Санкт-Петербургские ведомости» констатировали, что земские учреждения начали свою деятельность в провинции, покрыв её сетью выборных собраний, «свободно обсуждающих все дела и вопросы местного интереса», а в скором времени рядом с земским самоуправлением, «как необходимое дополнение его, должно явиться самоуправление городское» [17, с. 428-429]. Земские вопросы постепенно завоевали всё больше и больше места на страницах местной печати, подтверждая тем самым очевидный факт, что благодаря разнообразию общественной жизни в провинции преодолевается однообразие её печатных органов. «Сибирский вестник» в 1865 г. утверждал, что с открытием земских учреждений административные вопросы выдвигаются на передний план, а «разрабатывать их – удел, конечно, не столичных деятелей, а местных; <...> при предстоящих преобразованиях хотя бы в городском устройстве, мы бы привыкли рассуждать сперва печатно о своих интересах, а потом уже выражать свободно свои мнения и в общественных собраниях» [17, 425].

В начале 1866 г. «Санкт-Петербургские ведомости» в своей передовой статье обращались к проблеме развития провинциальной печати в связи с развернувшейся деятельностью земств: «Местные земские учреждения без своих печатных органов – это всё равно, что лампа без фитиля; общественное самоуправление на выборном начале без гласности – это право на жизнь без пищи и без воздуха, которыми жизнь поддерживается», – весьма образно писала газета [26, № 11]. Между тем закон о земских учреждениях предписывал печатать их постановления в казенных губернских ведомостях, которые отличались строго официальным взглядом на возникавшие в различных местностях земские проблемы. Земские собрания в ряде мест даже возбуждали вопрос о необходимости передачи губернских ведомостей в руки земств, что, однако, было «признано неудобным» [26, № 168].

Об особой активности местной печати

в освещении земских вопросов можно судить по правительственным мерам в их отношении. Александр II утвердил 13 июня 1867 г. мнение Государственного совета «О порядке печатания постановлений, отчётов о заседаниях, а также суждений, прений и речей, состоявшихся в земских, дворянских и городских общественных и сословных собраниях». На основе представления министра внутренних дел П.А. Валуева, в дополнение к Временным правилам о печати 6 апреля 1865 г., было установлено, что печатать такого рода материалы можно не иначе, как с разрешения местного губернского начальства [23, т. 42, ч. 1, № 44691]. Таким образом, Государственный совет отменил свое прежнее решение от 6 апреля, предоставлявшее право для печати обнародовать без особых разрешений земские отчёты, суждения, прения и речи (ограничивалась лишь возможность печатания постановлений).

В 1869 г. газета «Голос» констатировала: «Теперь каждый гласный, выступая в собрании, теряется, исчезает в цельности учреждения; его личное мнение пропадает в однообразии протоколов, журналов и отчётов» [9]. В этой же статье был напечатан такой анекдот: на вопрос профессора на экзамене о том, кто председательствует в земском собрании, студент отвечал: «Губернатор». В ответ на возмущение экзаменатора – «Ведь это можно узнать даже из газет», – студент буквально воскликнул – «Но, г. профессор, о земских учреждениях так мало пишут!» [9]

Земские проблемы отразились на судьбах провинциальной печати и с ещё одной, не столь очевидной, но важной стороны. О ней писала «Камско-волжская газета» в статье под названием «Летучая интеллигенция»: «Вдруг в какой-нибудь провинции появляется некоторая предприимчивость и оживление. Работает деятельно местный статистический комитет, оживляются "Губернские ведомости" и наполняются литературным материалом, издаются этнографические сборники, памятные книжки, юридические обычаи, разрабатываются местные архивы, появляются иногда Потребительские общества, Общества грамотности, местная библиотека процветает и чтение расширяется» [15].

По утверждению газеты, в очень скором

времени, однако, могла возникнуть совершенно обратная картина: «"Губернские ведомости" принимают свой старый печальный образ, сжимаются до казенных и частных объявлений в один листочек, вместо передовой статьи появляется объяснение разве местного господина полицеймейстера с обывателями в предупреждение скорой беды, статистические комитеты ударяются в рутину и довольствуются статистикой волостных писарей, известной под именем "пьяной статистики", губернская библиотека книг новых не выписывает, подписчики уменьшаются и на губернском Парнасе, заросшем травой, бродят разве случайно забредающие ослы» [15].

Причиной столь резких изменений в жизни губернского города, которые происходили довольно часто, было названо отсутствие постоянной местной интеллигенции, связанной с провинцией и местом рождения, и земельной или недвижимой собственностью. Более того, «лучший контингент выходит из людей служащих, которые исключительно летучего, а не постоянного оседлого свойства». Подобные «приливы и отливы» людей были свойственны и Петербургу, но там потери быстро пополнялись новыми выходцами из той же провинции. Выход из ситуации, когда губерниям приходилось довольствоваться «случайной интеллигенцией», газета видела в тех переменах в жизни России, которые проявились, в том числе, в создании местных земских учреждений, способствовавших «накоплению и, так сказать, осадке местной интеллигенции». Отсюда и ещё один важный вывод – на окраинах империи, где новые учреждения ещё не были созданы, общество испытывало влияние одной «летучей интеллигенции», которая ко всему прочему оказывалась в столь непривлекательных местах главным образом ради выгод, предоставляемых службой. Такими местами, по мнению газеты, являлись «север России, отдалённая Сибирь, Ташкент и т. п.» [15].

Несмотря на все сложности развития и отрицательные явления, присущие печати 1860-х гг. в провинции, число газет в губернии постепенно возрастало, а главное – они превращались в привычное явление здешней жизни: «...публицистика всё ближе и ближе становилась к обществу, пользуясь тем расширением границ, которые предоставляло ей

само правительство, – с удовлетворением констатировал в 1867 г. публицист астраханского «Востока», – со своей стороны и общество постепенно свыкалось с мыслью о проверке своих действий заявлениями публицистики и только в близорукости и отсталости встречает она себе или прямую вражду или апатию» [7]. Необходимо также отметить, что экстренные административные мероприятия

правительства, действия, направленные на совершенствование цензурного законодательства, в этот период ещё являлись предупредительными и действенными в отношении провинциальной печати, в отличие от последующего времени 1870-х – 1880-х гг., когда они всё чаще становились лишь запоздалой ответной реакцией на процессы, происходившие в губернской прессе.

Список литературы

1. «Ничего противного закону, правительству и добронравию...». Взаимодействие органов государственного управления с печатью дореволюционной России. Сборник статей. М.: Издательство РАГС, 1999.
2. Агапов В.Л. Последняя война: Россия в Первой мировой войне в зеркале дальневосточной прессы. Владивосток, 2018. 456 с.
3. Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб., 1903. 264 с.
4. Белокопский И.П. Цензурная нецензурность // Цензура в России в конце XIX – начале XX века. Сборник воспоминаний. СПб., 2003. С. 191-193.
5. Блохин В.Ф. Провинция газетная: государственное управление периодической печатью и становление газетного дела в российской провинции (1830-е – 1870-е гг.). Брянск: Курсив, 2009. 383 с.
6. Весть. 1866. № 91. 14 ноября.
7. Восток. 1867. № 5.
8. Глинский Б.Б. Русская периодическая печать в провинции // Исторический вестник. 1898. Январь. С. 292-333.
9. Голос. 1869. № 336. 5 декабря.
10. Дневник П.А. Валугева, министра внутренних дел в двух томах. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. I. (1861–1864 гг.). 422 с.
11. Жиликова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2011. 444 с.
12. К истории русской печати: воспоминания о судьбе, постигшей газету «Русское обозрение» в 1876–1878 гг. // Русская старина. 1882. № 2. С. 491-510.
13. Козлов А.Е. Трансформация жанра внутренних обозрений в провинциальном тексте русской литературы XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 25-27.
14. Кузнецов А.А., Аграфонов М.Ю. Чиновники и периодическая печать в Восточной Сибири во второй половине XIX в. – контроль и сотрудничество // Известия Иркутского ун-та. Сер. История. 2014. Т. 9. С. 72–77.
15. Летучая интеллигенция. (Факт из провинциальной жизни) // Камско-волжская газета. 1873. № 122.
16. Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная печать и цензура // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2008. № 1. С. 109–120.
17. Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше утверждённою 2 ноября 1869 года, для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. Часть четвёртая. Отзывы повременной литературы о действующих у нас узаконениях и последовавших с сентября 1865 года правительственных распоряжениях по делам печати. СПб., 1870. 749 с.
18. Москва. 1867. № 103. 10 августа.
19. Незабвенные мысли незабвенных людей (Из истории реакции 60-х годов) // Былое. 1907. № 1/13. С. 238.
20. Новороссийские ведомости. 1869. № 2.
21. Патрушева Н.Г. Теория «нравственного влияния» на общественное мнение в правительственной политике в отношении печати в 1860-е гг. // Книжное дело в России во второй половине XIX – начала XX в. СПб., 1994. Вып. 7. С. 113-125.

22. По поводу жалкого состояния провинциальной прессы // *Донской вестник*. 1867. № 42.
23. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е.
24. Прудкогляд Т.В. Листая пожелтевшие страницы... К истории периодической печати Дальнего Востока России (1865–1917). Владивосток, 2000. 239 с.
25. Пятидесятилетие «Воронежских губернских ведомостей». Исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников. Сост. Воскресенский Н.В. Т. I. С. 436.
26. С.-Петербургские ведомости. 1866.
27. Силакова Д.В. История курской печати: 1792–1917. Курск, 2018. 185 с.
28. Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2016. 622 с.

RUSSIAN PROVINCIAL PERIODICAL PRESS of the 1860s.: FACTORS OF FORMATION

The article deals with little-studied issues of the history of the private periodical press, which was issued in different regions of the country in the second half of the 19th century. As the object of his research, the author chose private publications of the Russian province of the 1860s. On the basis of the analysis of the censorship legislation of that time, by attracting previously unknown documents and materials, the article outlines the features of the bureaucratic mechanism for controlling the provincial press. The author comes to the conclusion that the system of control over the press in the province that was created and did not meet the tasks of reforming the country demonstrated its limitations in practice. At the same time, the course of reforms in the country, especially the implementation of the Zemstvo reform, the interest of the authorities themselves in developing “press freedom” and obtaining reliable information from the field, gave new impetus to the development of the local press in the 1860s. The main new phenomenon in the spiritual life of the province is the appearance of a rare type of publication, a private social and political newspaper, against the background of traditional types of press (information sheets). Another important trend is the increase, despite artificial restrictions, the number of provincial publications.

Keywords: province, provincial periodical press, Provisional Rules April 6, 1865, private socio-political newspaper, leaflet newspapers, preliminary censorship

References

1. «Nichego protivnogo zakonu, pravitel'stvu i dobronravuyu...». Vzaimodeystviye organov gosudarstvennogo upravleniya s pechat'yu dorevolutsionnoy Rossii. ["Nothing contrary to law, government and good will ...". The interaction of government with the press of pre-revolutionary Russia]. Sbornik statey. M.: Izdatel'stvo RAGS, 1999.
2. Agapov V.L. (2018). Poslednyaya vojna: Rossiya v Pervoy mirovoy voyne v zerkale dal'nevostochnoy pressy. [The Last War: Russia in World War I in the mirror of the Far Eastern press]. Vladivostok. 456 s.
3. Arseniev K.K. (1903). Zakonodatel'stvo o pechaty. [Legislation on the press]. SPb. 264 s.
4. Tsenzurnaya netsenzurnost' [Censorship obscene]//Tsenzura v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka. Sbornik vospominaniy [Censorship in Russia in the late XIX - early XX centuries. Collection of memories]. SPb. 2003. 191-193.
5. Blokhin V.F. (2009). Provintsiya gazetnaya: gosudarstvennoye upravleniye periodicheskoy pechat'yu i stanovleniye gazetnogo dela v rossiyskoy provintsii (1830-ye – 1870-ye gg.). [Newspaper province: state administration of periodicals and the formation of newspaper business in the Russian province (1830s - 1870s)]. Bryansk: Kursiv. 383 s.
6. Vest'. [The message]. 1866. № 91. November, 14.
7. Vostok. [East]. 1867. No. 5.
8. Glinskiy B.B. (1898). Russkaya periodicheskaya pechat' v provintsii [Russian periodicals in the province]// Istoricheskiy vestnik. [Historical Bulletin]. January. 292-333.
9. Golos. [The Voice]. 1869. №. 336. December, 5.
10. Dnevnik P.A. Valuyeva, ministra vnutrennikh del v dvukh tomakh. [Diary of P.A. Valuev, Minister of the Interior in two volumes]. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1961. T. I. (1861–1864). 422 s.
11. Zhilyakova N.V. (2011). Zhurnalistska goroda Tomska (XIX – nachalo XX veka): stanovleniye i razvitiye [Journalism of the city of Tomsk (XIX - beginning of XX century): formation and development]. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta. 444 s.
12. K istorii russkoy pechaty: vospominaniya o sud'be, postigshey gazetu «Russkoye obozreniye» v 1876–1878 gg. [On the history of the Russian press: memories of fate that befell the newspaper Russkoye Obozreniye in 1876–1878]// Russkaya starina [Russian antiquity]. 1882. № 2. 491-510.

13. Kozlov A.E. Transformatsiya zhanra vnutrennikh obozreniy v provintsial'nom tekste russkoy literatury XIX v. [Transformation of the genre of internal reviews in the provincial text of Russian literature of the XIX century]// Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. [Bulletin of Tomsk State University]. 2013. № 372. 25-27.
14. Kuznetsov A.A., Agrafonov M.Yu. Chinovniki i periodicheskaya pechat' v Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX v. – kontrol' i sotrudnichestvo [Officials and periodicals in Eastern Siberia in the second half of the 19th century - control and cooperation]// Izvestiya Irkutskogo un-ta. Ser. Istoriya [Bulletin of Irkutsk University]. Ser. Story. 2014. Vol. 9. 72–77.
15. Letuchaya intelligentsiya (Fakt iz provintsial'noy zhizni) [The flying intelligentsia. (Fact from provincial life)]// Kamsko-volzhskaya gazeta. 1873. № 122.
16. Mandrika Yu.L. Provintsial'naya chastnaya pechat' i tsenzura [Provincial private press and censorship]// Vestnik Moskovskogo un-ta [Bulletin of the Moscow University]. Ser. 10. Journalism. 2008. № 1. 109–120.
17. Materialy, sobrannyye osoboyu komissiyeyu, vysochayshe utverzhdonnoyu 2 noyabrya 1869 goda, dlya peresmotra deystvuyushchikh postanovleniy o tsenzure i pechati. Chast' chetvortaya. Otzyvy povremennoy literatury o deystvuyushchikh u nas uzakoneniyyakh i posledovavshikh s sentyabrya 1865 goda pravitel'stvennykh rasporyazheniyakh po delam pechati [Materials collected by a special commission, the highest approved on November 2, 1869, for the revision of existing resolutions on censorship and the press. Part Four. Reviews of time-based literature about the legalizations in force in our country and the government press orders that followed in September 1865]. SPb., 1870. 749 s.
18. Moskva [Moscow]. 1867. № 103. August, 10.
19. Nezabvennyye mysli nezabvennykh lyudey (Iz istorii reaktsii 60-kh godov) [Unforgettable thoughts of unforgettable people (From the history of the reaction of the 60s)]// Byloye [Past]//1907. № 1/13. 238.
20. Novorossiyskiye vedomosti [Novorossiysk statements]. 1869. No. 2.
21. Patrusheva N.G. (1994). Teoriya «nравstvennogo vliyaniya» na obshchestvennoye mneniye v pravitel'stvennoy politike v otnoshenii pechati v 1860-ye gg. [The theory of “moral influence” on public opinion in government politics regarding the press in the 1860s]// Knizhnoye delo v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachala XX v. [Book business in Russia in the second half of the XIX - beginning of XX centuries]. SPb., Vyp. 7. 113-125.
22. Po povodu zhalkogo sostoyaniya provintsial'noy pressy [Regarding the miserable state of the provincial press]// Donskoy Vestnik. 1867. № 42.
23. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI) [The complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI)]. Sobr. 2-ye.
24. Prudkoglyad T.V. (2000). Listaya pozheltevshiy stranitsy... K istorii periodicheskoy pechati Dal'nego Vostoka Rossii (1865–1917) [Turning over the yellowed pages ... On the history of the periodical press of the Russian Far East (1865–1917)]. Vladivostok. 239 s.
25. Pyatidesyatiletie «Voronezhskikh gubernskikh vedomostey». Istoricheskiy ocherk s biografiyami redaktorov i sotrudnikov. Sost. Voskresenskiy N.V. [Fiftieth anniversary of the Voronezh Provincial Gazette. Historical essay with biographies of editors and staff. Comp. Voskresenskiy N.V.] T. I. 436.
26. S.-Peterburgskiy vedomosti [St. Petersburg Gazette]. 1866.
27. Silakova D.V. (2018). Istoriya kurskoy pechati: 1792–1917 [The history of the Kursk press: 1792-1917]. Kursk. 185 s.
28. Shevtsov V.V. (2016). Pravitel'stvennaya periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [The government periodical of Siberia (second half of the 19th - early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk Publishing House. University. 622 s.

Об авторе

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: blohin.val@yandex.ru

Blokhin Valery Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Petrovsky Bryansk State University, E-mail: blohin.val@yandex.ru

Воробьев Д.Н., кандидат исторических наук, научный сотрудник центра социально-политических исследований Институт США и Канады РАН (Россия)

УЧАСТИЕ АФРОАМЕРИКАНЦЕВ В ПОПУЛИСТСКОМ ДВИЖЕНИИ В США (КОНЕЦ XIX - НАЧАЛО XX вв.)

Статья посвящается анализу феномена «черного» популизма, связанного с участием афроамериканского сообщества в деятельности фермерского движения Америки (США) конца XIX – начала XX вв. В условиях отказа республиканской партии от активной поддержки негритянского населения в 1880-1890-е гг., афроамериканцы были вынуждены искать альтернативных политических союзников. Ухудшение финансового положения широких масс сельского населения Америки (американского сельского населения) в данный исторический период создавало основу для политического союза белых и «цветных» аграриев, что вылилось в активное участие афроамериканцев в популистском движении на Юге США (территории южных штатов). «Черный» популизм обладал рядом специфических характеристик: его основу составляли арендаторы и сельские рабочие, а помимо экономических вопросов чернокожих популистов особенно волновали вопросы гражданского и политического равноправия на Юге (Юге США). Для достижения союза с белыми фермерами они были готовы пойти на согласие с распространявшейся на территории южных штатов системы межрасовой сегрегации общественных мест. Главной объединительной организацией чернокожих популистов стал «Национальный альянс цветных фермеров», добившийся активного участия афроамериканцев в деятельности популистской партии, созданной в 1892 г. Союз с республиканской партией позволил популистам навязать успешную борьбу демократам в большинстве штатов Юга (южных штатов) при поддержке чернокожих избирателей. Однако дальнейшая переориентация руководства популистов на объединение с демократической партией, принявшей близкую экономическую программу, привела к резкому падению популярности популистов среди афроамериканцев, в связи с чем «черный» популизм прекратил свое существование в начале XX в.

Ключевые слова: история США, афроамериканцы, фермерское движение, популистская партия, «черный» популизм, межрасовые отношения, гражданские права.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-45-52

Широкое вовлечение сельских масс негритянского населения в популистское движение фермеров Америки, пик популярности которого пришелся на последнее десятилетие XIX в., было вызвано противоречивыми социально-экономическими и политическими итогами периода Реконструкции Юга (1865-11877 гг.). Несмотря на то, что вольноотпущенникам были дарованы гражданские и политические права XIV [11] и XV [9] поправками к Конституции США, экономические проблемы бывших рабов по большей части оказались вне законодательного поля зрения федерального центра. Вольноотпущенники, не сумевшие найти работу в городах Юга, возвращались в сельскую местность, вынужденные заключать кабальные договоры об аренде земли. Наиболее популярным видом поземельных отношений в южных штатах стала издольщина, известная в США, как кропперство. Собственник земли предоставлял арендатору сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот и семена, забирая в качестве оплаты за использование земли часть продукции, произведенной кроппером. Чаще всего арендная плата составляла

не менее половины урожая [21, Р. 72]. К 1890 г. чернокожее сельское население Юга делилось на три группы: небольшая прослойка собственников мелкого и среднего достатка (144 тыс. или 8%), издольщики (464 тыс. или 27%) и абсолютное большинство составляли безземельные рабочие батраки (1,170 тыс. или 65%), занятые в основном на сезонных работах [7, Р. 33].

Конец эпохи Реконструкции Юга ознаменовался отказом республиканской партии от активной защиты гражданских и политических прав чернокожего населения на территории южных штатов. С молчаливого согласия федерального центра демократы, вернувшие себе власть в регионе, приступили к построению однопартийной системы. Для нейтрализации афроамериканцев, как главной опоры «партии Линкольна» на Юге, демократы вводили различные цензы, способные ограничить избирательные права «цветного» населения. В 1890 г. штат Миссисипи принял новую конституцию, требовавшую оплаты избирательного налога в размере 2 долл. и исключавшую из числа избирателей осужденных и неграмотных лиц. Важным

условием для сохранения права голоса являлась необходимость «знать и уметь верно трактовать положения Конституции США и своего штата» [19]. Избирательная комиссия лично решала на сколько трактовка законов потенциальным избирателем являлась верной. В результате число избирателей в Миссисипи уменьшилось с 1888 по 1892 гг. на 25%, в числе которых оказалось около 100 тыс. негров [59]. Сочетание избирательного налога и образовательного ценза стало каноничным вариантом для остальных штатов Юга по лишению чернокожего населения избирательных прав. Надежды афроамериканцев на улучшение своего экономического положения в новых политических реалиях становились недостижимыми.

Лишенное поддержки республиканцев, чернокожее население попыталось найти нового союзника в лице набиравшего силу фермерского движения Америки. Кризисные явления в экономике последней трети XIX вв. серьезно подорвали популярность двух главных партий США среди сельского населения страны, что вылилось в появление третьей силы – популистского движения. Многочисленные политические и экономические лозунги популистов отвечали интересам не только белого фермерства, но и широких слоев негритянского сельского населения. Афроамериканцы приняли активное участие в популистском движении, а феномен «черного» популизма имел ряд отличительных особенностей.

Говоря об актуальности тематики участия чернокожего населения в популистском движении, важно отметить, что подробное рассмотрение феномена «черного» популизма долгое время оставалось вне поля зрения отечественных и зарубежных исследователей. Отечественные ученые, подробно исследовавшие участие белого фермерства в популистском движении, отмечали, что негры являлись союзниками белых аграриев в борьбе за землю [2] [3], но в то же время не уделяли внимания особенностям «черного» популизма. Американские исследователи, в свою очередь, лишь в последние десятилетия занялись изучением деятельности негритянских популистских организаций [4] [13]. В этой связи, чрезвычайно важным является не

только рассмотрение социально-экономических и политических аспектов программы «черных» популистов, но и их взаимодействие с белым популистским движением и республиканской партией на Юге США.

Появление фермерского политического движения было вызвано растущей конкуренцией в сельском хозяйстве, которая привела к сокращению стоимости агропродукции, прежде всего, пшеницы, хлопка и кукурузы на 73 % в период 1870-1890-х гг. [14, Р. 125]. В условиях ее переизбытка на мировом рынке затраты фермеров стали превышать доходы: например, стоимость акра пшеницы составляла в среднем 6 долл., а затраты – в 2 раза больше [6, Р. 467]. Ужесточились отношения фермеров с железнодорожными и закупочными компаниями, завышавшими цены за обслуживание и занижавшими плату за купленный товар. Для получения дорогостоящих банковских ссуд фермерам приходилось закладывать свою собственность. Так, в Канзасе число заложенных хозяйств в 1894 г. составляло 62 %, в Айове – 47 %, а в южных штатах кредиты под свою землю имели 40 % белых и 80 % чернокожих фермеров [1, С. 292]. Это вело к разорению мелкого и среднего фермерства, неспособного конкурировать с крупными аграрными компаниями.

Не видя поддержку со стороны главных партий страны, фермеры стали создавать собственные политические организации для защиты своих интересов. Первой массовой организацией фермерского движения стала, созданная еще в 1867 г., Лига грейнджеров (фермеров), призывавшая к борьбе с злоупотреблениями железнодорожных компаний и организации сельскохозяйственных кооперативов с целью вытеснения посредников в торговле [2, С. 92]. Движение грейнджеров пришло в упадок вследствие банкротства большинства кооперативов.

За ним последовало движение гринбекеров, создавших собственную политическую партию в 1875 г. Они требовали отказаться от введения золотого денежного стандарта в пользу «дешевых» бумажных денег, считая, что данная мера не позволит частным банкам контролировать стоимость производимого продукта и труда. Негры играли заметную роль в партийных ячейках, особенно

в Техасе, вследствие чего, среди главных лозунгов фигурировали защита избирательных прав и финансирование образования за счет государства [7, Р. 33]. На выборах 1878 г., так называемая, гринбекеро-рабочая партия завоевала более 1 млн. голосов, получив 15 мест в палате представителей конгресса США. Однако с временным улучшением экономической ситуации фермерское движение пошло на спад, что привело к падению популярности партии гринбекеров и ее распаду [2, С. 115].

В условиях более острой экономической ситуации конца 1880-х гг. политическая активность фермеров вновь возросла, что привело к созданию новых организаций. В 1889 г. фермеры Южного и Северного альянсов, собравшиеся в городе Сент-Луис, штат Миссури, приняли собственную программу, согласно которой, земля должна находиться в руках тех, кто ее обрабатывает [18, Р. 109]. Объединение фермерских движений в единую организацию продолжилось на конференции в Омахе в феврале 1892 г., когда была создана популистская партия (также известная как народная партия), избравшая собственного кандидата на президентских выборах. Популисты выдвинули широкую программу преобразований, выступая за активное вмешательство государства в социально-экономические отношения в качестве силы ответственной за порядок. Программа партии носила «антимонополистический» характер, а ее главным лозунгом были «равные права и возможности – всем, особые привилегии – никому» [25]. Серьезной проблемой в глазах популистов был вопрос долгов, для чего они призывали передать право выпуска денег исключительно федеральному правительству, а не частным банкам, уменьшить ссудный процент до 2 % и увеличить объем денежной массы для сокращения инфляции [5, Р. 129-134]. Популисты стали первой американской партией, требовавшей введения элементов «прямой демократии»: выборности сенаторов, ограничения президентских полномочий одним сроком, использования всенародных референдумов, а также предоставления избирательных прав женщинам [17, Р. 38].

Столь широкая и разноплановая программа не могла не найти отклик среди

негритянского населения, огромный процент которого составляли жители аграрных районов Юга. Чернокожие популисты состояли из трех основных групп: небольшой прослойки собственников, арендаторов и массы безземельных сельских рабочих. Так как «цветное» население особенно серьезно испытывало проблему с нехваткой земли, их в особенности привлекали такие пункты программы популистов, как введение единого налога на собственность, правительственного контроля над земельными спекуляциями и государственной программы по выделению ссуд. «Цветные» популисты придавали особую значимость таким важным для всего чернокожего сообщества вопросам, как защита гражданских и политических прав, борьба с линчеваниями, отмена системы каторжных работ, запрет исключения негров из жюри присяжных [13, Р. 502].

Со временем в рамках популистского движения стали создаваться негритянские организации на муниципальном и региональном уровнях. Наиболее популярными среди них были «Союз цветных фермеров» и «Национальный альянс цветных фермеров», известный как «Цветной альянс». К началу 1890-х гг. «черный» популизм имел несколько сотен тысяч сторонников. Лидерами этих организаций были в основном образованные люди со средним достатком – священники, учителя или фермеры-собственники, использовавшие наемный труд. Например, президент «Цветного альянса» Дж. Шаффер, рожденный рабом, обладал 235 акрами в Техасе [7, Р. 71]. Негритянские фермерские организации, в отличие от большинства белых, не были сегрегированными по расовому признаку, в результате чего, белым лицам нередко отводилась руководящая позиция в их деятельности, что должно было облегчить взаимоотношения с белыми популистскими организациями. Например, такие влиятельные члены «Цветного альянса», как Р. Хамфри, Г. Макколл и Дж. Роджерс были белыми.

Попытки «цветных» популистов объединиться с белыми организациями Юга чаще всего наталкивалось на нежелание с их стороны. Например, слияние межрасового «Фермерского союза Флориды» с белым «Национальным фермерским альянсом», стало возможным только после исключения

из рядов организации чернокожих фермеров, представлявших 14 негритянских клубов, в которых насчитывалось 1,7 тыс. афроамериканцев, что на 500 чел. превышало численность белых членов [10]. Как отмечали журналисты, практически ни в одной белой популистской организации Юга не было чернокожих активистов в начале 1890-х гг. [8]. Во главе сегрегированных белых организаций стояли крупные землевладельцы, не желавшие согласовывать свои интересы с «черными» популистами, основную массу которых составляли арендаторы и батраки.

Чернокожим популистам ничего не оставалось, как создать самостоятельное объединение, основой которого стал «Цветной альянс», основанный в 1886 г. в Техасе. Главными принципами работы организации были консультации в способах ведения сельского хозяйства, рост квалификации кадров, юридическая защита аграриев, открытие фондов для помощи неработоспособным членам [16, Р. 288]. Таким образом, «Цветной альянс» первоначально ратовал исключительно за улучшение материального положения негров на основе идей самопомощи без каких-либо политических лозунгов. Осторожность в программных установках помогала ему избежать участия большинства негритянских популистских организаций, разгромленных боевыми отрядами крупных землевладельцев. Вскоре в организацию вошли филиалы «Союза цветных фермеров», «Кооперативов рабочих Америки» и даже рабочего профсоюза «Рыцари труда», в южные филиалы которого входили в основном чернокожие сельские батраки. В 1891 г. официальный спикер «Цветного альянса» Р. Хамфри заявлял о том, что в организации числилось 1,2 млн. чел., в том числе 300 тыс. женщин и 150 тыс. несовершеннолетних мужчин (до 21 года) [16, Р. 289].

«Цветной альянс» обладал хорошо продуманной организационной структурой: в каждом южном штате было создано 10 отделений, которые имели по 3 филиала в каждом округе, посылавших на национальный съезд по одному представителю [8]. В каждом штате избирался суперинтендант, президент, вице-президент, казначей, секретарь и прочие руководящие лица. Организация имела

собственные газеты, самой известной из которых была «National Economist». Периодические издания выпускались малым тиражом, ввиду чего передавались из рук в руки по округам и зачитывались перед большой группой единомышленников, так как большинство членов было безграмотным. Газеты информировали читателей о налогообложении, ценообразовании и уровне зарплат, сообщали о новых инициативах популистов [13, Р. 461].

«Цветной альянс» по мере роста влияния становился все более активным: он организовывал бойкоты дорогостоящих товаров, пикеты с требованиями роста зарплат сельских рабочих и отмены каторжной системы. Помимо обучения своих членов, организация создавала кооперативные магазины, в которых продавалась выращенная ими сельскохозяйственная продукция, а также торговые точки, где можно было приобрести товары по более низкой цене или в рассрочку [4, Р. 54]. Правда, торговля в целом шла не лучшим образом, из-за отсутствия денег у большинства членов организации. В то же время активнее стали звучать и политические требования «черных» популистов, добивавшихся, прежде всего, введения федерального контроля над выборами на Юге. Однако размах и влияние негритянского популизма намного уступал белому движению. В то время как белые популисты открыто проводили многотысячные митинги, «Цветной альянс» ограничивался тайными встречами активистов. Без политической борьбы добиться экономических изменений было невозможно, ввиду чего чернокожим популистам требовалось найти точки соприкосновения с белыми фермерами.

Общий интерес в борьбе против железнодорожных и посреднических компаний обусловил сотрудничество «черных» и белых фермерских союзов, о необходимости чего заявляли многие влиятельные деятели, такие как лидер белых популистов Джорджии Т. Уотсон: «Вас держат отдельно друг от друга, чтобы отбирать ваши сбережения. Вас заставляют ненавидеть друг друга, потому что на этой ненависти держится весь финансовый деспотизм, который поработил вас обоих» [26], - заявлял он. Показательно, что летом 1888 г. популисты Алабамы, невзирая

на расовые отличия, совместно бойкотировали двойной рост цен на джут, необходимый для подвязки кипы хлопка [15, Р. 59]. Тем не менее, этот союз было нелегко укрепить, ввиду различия приоритетов, выдвигаемых на повестку дня. Белые популисты являлись в основном земельными собственниками и, желая сохранить связи с демократами, поддерживали введение расовой сегрегации. «Цветные» популисты были в большинстве арендаторами и батраками, выступавшими за традиционную для чернокожего населения поддержку республиканцев. И хотя программа популистов требовала реформировать избирательную систему Юга, что было в интересах, как белых, так и чернокожих бедняков, в ней опускалась проблема сегрегации при условии соблюдения «раздельного, но равного» доступа к общественным местам и инфраструктуре. Фактически ради политических и экономических перемен «цветные» популисты были готовы пожертвовать социальным равенством.

Ряд лидеров «Цветного альянса», таких как Дж. Пауэлл из Миссисипи, У. Паттилло из Северной Каролины и У. Уорвик из Виргинии, не испытывая иллюзий в отношении республиканцев, активно выступали в поддержку независимых политических сил [7, Р. 105]. В письме в редакцию «National Economist» Пауэлл подверг критике деятельность «партии Линкольна» неспособной защитить интересы чернокожего населения: «Если мы будем надеяться на то, что те, кого мы отправили в конгресс, что-то для нас сделают, мы заблуждаемся» [20], - писал он.

«Цветной альянс» регулярно отправлял делегатов на все съезды популистского движения, желая добиться как можно большей кооперации с белыми фермерами. В результате на конвенте в Сент-Луисе в 1892 г. афроамериканец У. Уорвик был избран помощником секретаря популистской партии, что стало самым высоким назначением негра в политических кругах [22].

Зная о сильных расовых предрассудках среди белых популистов, чернокожие однопартийцы использовали различную тактику на выборах: они поддерживали либо популистов, либо республиканцев в отдельности, или же коалицию двух партий в союзе с независимыми политическими силами. Так, в

Южной Каролине и Миссисипи, где популистское движение было слабым, «черные» популисты поддерживали республиканцев. Этот союз также привел к успешным итогам выборов в Северной Каролине и Алабаме. Между тем, в Техасе, Луизиане и Джорджии, где популистское движение было хорошо развито, «черные» популисты поддерживали исключительно кандидатов «третьей» партии. В результате выборов 1892 г. популисты сумели получить значительное число голосов в Луизиане и Виргинии, провести ряд кандидатов в легислатуры Джорджии (44 %), Техаса (36 %) и Алабамы (48 %) [27, Р. 276]. Более того, в 1894 г. коалиция популистов и республиканцев, получившая поддержку более половины избирателей, выиграла выборы в Северной Каролине. Придя к власти в штате, популисты отменили избирательные цензы, увеличили расходы на школьное образование, а также предоставили афроамериканцам рабочие места в муниципальном управлении [4, Р. 115].

Однако выборы 1894 г. в других штатах Юга оказались противоречивыми для популистского движения. В Техасе за них проголосовала лишь 1/3 негров, преимущественно в восточных районах, где была сильной поддержка фермерских движений еще со времен гринбекеров, в то время как остальные голоса «цветных» избирателей разделились между республиканцами и демократами. 46% афроамериканцев в Виргинии заявило о поддержке третьей партии, в то время как в Джорджии число чернокожего населения, проголосовавшего за популистов, составило лишь 15 % [4, Р. 118]. Свойственные для выборов на Юге, подкуп, запугивания и законодательное лишение основной массы афроамериканцев избирательных прав оставляли популизм без социальной базы.

Со временем усиливались противоречия и между самими членами «Цветного альянса», прежде всего, собственниками и безземельными, что ярко проявилось во время забастовки сборщиков хлопка в 1891 г. Несмотря на то, что цены на хлопок с 1866 по 1893 гг. упали в 5 раз [24], часть членов «Цветного альянса» в противовес экономической ситуации призывала к забастовке, чтобы сохранить прежний уровень зарплаты рабочих. Однако эти призывы к неповиновению

вызывали резкое неприятие со стороны белых фермерских союзов, требовавших принятия жестких мер против забастовок [23]. Противостояние между собственниками и безземельными членами привело к расколу «Цветного альянса»: в частности, Хамфри создал «Лигу сборщиков хлопка», куда вошли чернокожие арендаторы и батраки, поддерживавшие забастовку. Вскоре забастовка была подавлена вооруженными отрядами крупных землевладельцев [4, Р. 118].

Ухудшение отношений между «партией Линкольна» и популистами произошло в ходе выборов 1896 г., когда конвент «третьей» партии принял решение поддержать У. Брайана, кандидата в президенты от враждебной афроамериканцам демократической партии, принявшей близкую популистам экономическую программу направленную против монополий. Лишенный поддержки белых популистов, негритянский популизм быстро пошел на спад во второй половине 1890-х гг., сохранив остатки влияния лишь в Северной Каролине и восточном Техасе, где афроамериканцы сохраняли большое количество избирателей [4, Р. 164]. Желая покончить с последними оплотами «черного» популизма, демократы постоянно твердили об угрозе возврата к временам Реконструкции, ассоциируемой с властью негров. Распространение расовой демагогии вылилось в погромы, усиливавших миграцию чернокожего населения из наиболее опасных округов [12, Р. 144]. К началу XX в. негритянский популистский движение было окончательно сломлено. Часть активистов, представлявших «черный» популизм, мигрировала на Север, а другая – вернулась к прежним занятиям – службе в

церкви, преподаванию в школах или же фермерской деятельности. Некогда важные деятели негритянского фермерского движения, такие как Паттилло, Уорвик и Хамфри, полностью пропали из поля зрения.

Негритянский популизм стал последней попыткой политической активности афроамериканцев в борьбе за гражданское равноправие на Юге в XIX в. Крах надежд, связанных с «партией Линкольна», заставил негров искать сильных союзников в лице независимых фермерских движений. Готовые пойти на жертвы в вопросах социального равенства и интеграции в южное сообщество, они рассчитывали сохранить избирательные права, надеясь благодаря этому улучшить свое экономическое положение. При поддержке чернокожего населения популистская партия, создав успешную коалицию с республиканцами, получила значительное число голосов в большинстве южных штатах. Однако дальнейшая переориентация руководства популистской партии на демократов привела к тому, что союз белых и «цветных» популистов оказался недолговечным. В то время как большинство белых популистов являлись земельными собственниками, негритянский популизм был представлен преимущественно арендаторами и батраками, что значительно сужало возможность для продолжения союзных отношений. К началу XX в. в условиях расового насилия, дальнейшего лишения гражданских и политических прав, а также экономической неспособности негритянского населения «черный» популизм, брошенный на произвол судьбы своими союзниками, прекратил свое существование.

Список литературы

1. Байбакова Л.В. Двухпартийная система в период вступления США в индустриальное общество. М., 2002. 435 с.
2. Куропятник Г.П. Фермерское движение в США (от грейнджеров к Народной партии. 1867-1896). М., 1971. 460 с.
3. Согрин В.В. Истоки современной буржуазной идеологии США. М., 1975. 237 с.
4. Ali O.A. In the Lion's Mouth: Black Populism in the New South, 1886-1900. Jackson, 2013. 288 pp.
5. Congressional Record. 52-d Congress. 1-st Session. Washington D.C., 1891.
6. Congressional Record. 53-d Congress. 2-nd Session. Washington D.C., 1894.
7. Dickson P.J. Out of the Lions Mouth: The Colored Farmer's Alliance in the New South, 1886 – 1892. Ithaca, 2000. 208 pp.
8. Drew F.M. The Present Farmers' Movement // Political Science Quarterly. Vol. 6. 1891. June.

9. Fifteenth Amendment. Adopted February 3, 1870 // U.S. Constitution. URL: <http://www.law.cornell.edu/constitution/amendmentxv>
10. Florida Dispatch. 1887. October 17.
11. Fourteenth Amendment. Adopted July 9, 1868 // U.S. Constitution. URL: <http://www.law.cornell.edu/constitution/amendmentxiv>
12. Goodwyn L.C. Democratic Promise: The Populist Movement in America. N.Y.: Oxford University Press, 1976. 718 pp.
13. Hahn S. A Nation Under Our Feet: Black Political Struggles in the Rural South from Slavery to the Great Migration. Cambridge, 2003. 610 pp.
14. Historical Statistics of the United States from Colonial Time to 1970. Part 1. Washington D.C., 1975.
15. Holmes W.F. The Southern Farmer's Alliance and the Jute Cartel// Journal of Southern History. Vol. 60. 1994. February. Pp. 59-80.
16. Humphrey R.M. History of the Colored Farmers National Alliance and Co-Operative Union. Washington D.C., 1891. 290 pp.
17. Kazin M. Populism Persuasion: American History. Ithaca, 1995. 387 pp.
18. McMath R. American Populism: A Social History. 1877-1898. N.Y., 1993. 245 pp.
19. Mississippi State Constitution of 1890. Article 12. Section 244. URL: <http://mshistorynow.mdah.state.ms.us/articles/103/index.php?s=extra&id=270>
20. National Economist. 1890. September 13.
21. Ransom L.R., Sutch R. One Kind of Emancipation: The Economic Consequences of Emancipation. N.Y., 1977. 488 pp.
22. Richmond Dispatch. 1891. August 19.
23. Southern Mercury. 1892. July 7.
24. Southern Mercury. 1892. June 30.
25. The Omaha Platform of the Populist Party (1892). URL: <http://historymatters.gmu.edu/d/5361/>
26. Watson T.E. The Negro Question in the South// Arena. Vol. 6. 1892. October.
27. Vann Woodward C. The Strange Career of Jim Crow. N.Y., 1955. 205 pp.

AFRICAN-AMERICAN PARTICIPATION IN POPULIST MOVEMENT IN THE USA (THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of Black populism associated with the participation of the African American community in the activities of the American farmers' movement of the late XIX - early XX centuries. In conditions of the Republican Party renouncement of active support for black population in the 1880-1890s, African-Americans were forced to seek alternative political allies. The worsening finances of the broad masses of the rural population of America during this historical period created the basis for a political union of white and black agrarians, what resulted in the active participation of African-Americans in the Populist movement in the American South. Black populism possessed a number of specific characteristics: it was based on tenants and rural workers, and in addition to economic issues, black populists were especially concerned about issues of civil and political equality in the South. To achieve an alliance with white farmers, they were ready to agree with the system of interracial segregation of public places spreading in the southern states. Colored Farmers' National Alliance became the main unifying organization of black populists having achieved the active participation of African Americans in the activities of the People's Party created in 1892. The union with the Republican Party allowed populists to impose a successful struggle on Democrats in most states of the South with the support of black voters. However, a further reorientation of the Populist leadership to unite with the Democratic Party, which adopted a close economic program, led to a sharp drop in the popularity of populists among African Americans, and therefore black populism ceased to exist at the beginning of the 20th century.

Keywords: the US history, African-Americans, farmers' movement, People's Party, black populism, interracial relations, civil rights.

References

1. Baybakova L.V. Dvuhpartynaya sistema v period vstupleniya SShA v industrialnoye obshchestvo [The bipartisan system during the period of the US entry into industrial society]. M., 2002. 435 s.
2. Kuropyatnik G.P. Fermerskoye dvizheniye v SShA (ot greyndzherov k Narodnoy partii). 1867-

- 1896) [The farmers' movement in the USA (from the Grangers to the People's Party)]. M., 1971. 460 s.
3. Sogrin V.V. Istoki sovremennoy burzhuaiznoy ideologii SShA [The origins of modern bourgeois ideology in the USA]. M., 1975. 237 s.
4. Ali O.A. In the Lion's Mouth: Black Populism in the New South, 1886-1900. Jackson, 2013. 288 pp.
5. Congressional Record. 52-d Congress, 1-st Session. Washington D.C., 1891.
6. Congressional Record. 53-d Congress. 2-nd Session. Washington D.C., 1894.
7. Dickson P.J. Out of the Lions Mouth: The Colored Farmer's Alliance in the New South, 1886 – 1892. Ithaca, 2000. 208 pp.
8. Drew F.M. The Present Farmers' Movement // Political Science Quarterly. Vol. 6. 1891. June.
9. Fifteenth Amendment. Adopted February 3, 1870 // U.S. Constitution. URL: <http://www.law.cornell.edu/constitution/amendmentxv>
10. Florida Dispatch. 1887. October 17.
11. Fourteenth Amendment. Adopted July 9, 1868 // U.S. Constitution. URL: <http://www.law.cornell.edu/constitution/amendmentxiv>
12. Goodwyn L.C. Democratic Promise: The Populist Movement in America. N.Y.: Oxford University Press, 1976. 718 pp.
13. Hahn S. A Nation Under Our Feet: Black Political Struggles in the Rural South from Slavery to the Great Migration. Cambridge, 2003. 610 pp.
14. Historical Statistics of the United States from Colonial Time to 1970. Part 1. Washington D.C., 1975.
15. Holmes W.F. The Southern Farmer's Alliance and the Jute Cartel // Journal of Southern History. Vol. 60. 1994. February. Pp. 59-80.
16. Humphrey R.M. History of the Colored Farmers National Alliance and Co-Operative Union. Washington D.C., 1891. 290 pp.
17. Kazin M. Populism Persuasion: American History. Ithaca, 1995. 387 pp.
18. McMath R. American Populism: A Social History. 1877-1898. N.Y., 1993. 245 pp.
19. Mississippi State Constitution of 1890. Article 12. Section 244. URL: <http://mshistorynow.mdah.state.ms.us/articles/103/index.php?s=extra&id=270>
20. National Economist. 1890. September 13.
21. Ransom L.R., Sutch R. One Kind of Emancipation: The Economic Consequences of Emancipation. N.Y., 1977. 488 pp.
22. Richmond Dispatch. 1891. August 19.
23. Southern Mercury. 1892. July 7.
24. Southern Mercury. 1892. June 30.
25. The Omaha Platform of the Populist Party (1892). URL: <http://historymatters.gmu.edu/d/5361/>
26. Watson T.E. The Negro Question in the South // Arena. Vol. 6. 1892. October.
27. Vann Woodward C. The Strange Career of Jim Crow. N.Y., 1955. 205 pp.

Об авторе

Воробьев Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник центра социально-политических исследований Институт США и Канады РАН (Россия), E-mail: worobjowdmitrij@gmail.com

Vorobyev Dmitry Nikolayevich – candidate of historical sciences, Institute for the U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia), E-mail: worobjowdmitrij@gmail.com

УДК 94 (47)

Дзюбан В.В., доктор исторических наук, профессор, НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций» (Россия)

Тулянов В.А., аспирант, Московский государственный областной университет (Россия)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (X в. – 1920-Е ГГ.)

В статье исследованы основные этапы развития церковной благотворительности в период X в. – 1920-е гг. Хронологические рамки исследования обусловлены появлением феномена церковной благотворительности в X в. и законодательным ее запрещением советской властью в 1920-е гг. Целью статьи является изучение развития церковной благотворительности с X в. до 1920-х гг. Для достижения поставленной цели в ходе работы над статьей были поставлены следующие исследовательские задачи: выявить основные этапы в развитии церковной благотворительности; проанализировать взаимоотношения государства и РПЦ по вопросам благотворительности. В ходе исследования были получены некоторые результаты: удалось выделить пять этапов развития церковной благотворительности – домонгольский, монгольский, послемонгольский («царский»), императорский и советский. В большинстве этапов практика церковной благотворительности всегда была тесно связана с государством. Однако после революции 1917 г. советское государство начало борьбу с церковной благотворительностью, в основном завершившуюся к концу 1920-х гг.

Ключевые слова: церковная благотворительность, феномен благотворительности, Русская Православная Церковь, церковь и государство.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-53-62

Социальный феномен благотворительности в значительной мере характеризует любое цивилизованное общество, его экономические, социальные и культурные обстоятельства развития. Благотворительность выполняет своеобразную компенсаторную функцию [20, с. 85] – выступает формой социальной активности людей и является предпосылкой решения многих социальных проблем и преодоления общего кризиса духовности. В наши дни развитие благотворительности может способствовать консолидации гражданского общества, что позволяет решать проблемы, не решенные, по разным причинам, государством. Именно поэтому изучение благотворительности в конкретный исторический период является важной составляющей изучения всего общества в целом.

Предметом исследования данной статьи является феномен благотворительности Русской Православной Церкви (далее – РПЦ). Целью статьи является изучение развития церковной благотворительности с X в. до 1920-х гг. Для достижения поставленной цели в ходе работы над статьей были поставлены следующие исследовательские задачи: выявить основные этапы в развитии церковной благотворительности; проанализировать взаимоотношения государства и РПЦ по вопросам благотворительности.

Как принято считать, сам термин «благотворительность» в России впервые был использован Н.М. Карамзиным (1766-1826 гг.), как «буквальный перевод французского слова “bienfaisance” (“bien” и “faisant” – “хорошо, благо” и “делать” – Т.В.)» [37, с. 21] – сострадание ближнему, негосударственная форма помощи нуждающимся. До этого для обозначения подобного рода деятельности использовалось древнерусское слово «призрение» [10]. В современной литературе термин «благотворительность» трактуется несколько более широко. К примеру, «благотворительность – это не только бескорыстная помощь, оказываемая имущими нуждающимся, но и стимулирование, поддержка, влияние и развитие культуры, науки, искусства, образования, спорта, здравоохранения, одаренных детей, социальная защита населения, социальная поддержка, юридическая и мн. др.» [17, с. 7].

Сама идея благотворительности, безусловно, имеет глубокие религиозные корни. Во всех мировых религиях есть представления о благотворительной деятельности, которую обязаны вести представители той или иной конфессии. В христианстве идея благотворительности, изначально связанная с моральными и этическими нормами этой религии, восходит к ветхозаветному представлению о милосердии, развитому в новозаветном учении Иисуса Христа, принятом апостолами

и распространенном в разных частях света.

В ветхозаветном представлении о милосердии, учении Иисуса Христа и апостолов «христиане первых веков имели твердое основание для развития учения о благотворительности и милостыне как важнейшем проявлении благочестия, понимаемом как всецелое, деятельное служение Истине» [13, с. 37]. Уже в I-III вв. во всех памятниках христианской письменности говорится о необходимости служения бедным. К примеру, в «Учении двенадцати апостолов» читаем: «всякому просящему у тебя давай и не требуй обратно. Ибо Отец хочет, чтобы всем было дано от Его даров. Блажен дающий по заповеди» [23, с. 42-43], «не отвергай нуждающегося, но во всем будь общник с братом твоим и [ничего] не называй своим» [23, с. 48]. В «Пастыре» Ерм пишет, что христианин должен «служить вдовам, печься о сиротах и бедных» [23, с. 253]. О том же пишет св. Игнатий Богоносец: «вдовицы не должны быть пренебрегаемы. После Бога ты будешь попечителем их» [23, с. 371]. Характерно, что милостыня считалась обязательным делом для всех христиан: как принимающих, так и дающих ее.

Идея благотворительности прошла долгий путь развития, углубления своих положений и расширения направлений деятельности сперва в Римской империи, затем в Византийской, пока вместе с христианством не была привнесена на Русь в X в. Уже великий князь Владимир Святославич (978-1015 гг.), вместе с христианством заимствовавший из Византии и новозаветное учение о милосердии, занимался благотворительностью: князь «повелъ всяку нищу и убогу приходити на дворъ княжъ и възимати всяку потребу, питье и ядение, и от скотницъ кунами», а затем «повелъ пристроити кола, накладше хлѣбъ и мясъ, рыбъ, овоць различныхъ, медовъ в бочкахъ, а въ другихъ квасъ, и возити по граду, и выпрашати: “кдѣ болнии, нищии, не могуци ходити”; и тѣмъ раздаваху на потребу» [19, с. 166-167]. Вероятно, уже тогда благотворительностью занималась и Церковь, тратившая на эти цели причитающуюся ей десятину [9, с. 15]. Так, по Уставу князя Владимира Святославича, в ведении епископа находились больницы, гостиницы, забота о слепых, хромых, калеках и вдовицах [11, с. 12].

Митрополит Иларион в «Слове о законе

и благодати» также особо подчеркивал милосердно-благотворительную деятельность великого князя Владимира, имея в виду, вероятно, не только личную инициативу князя по помощи нуждающимся, но и поддержку, оказанную им в формировании церковной благотворительности [15, с. 100].

Центром благотворительности, окончательно оформившегося уже в правление Ярослава Мудрого (1019-1054 гг.) русского православия, стал Киево-Печерский монастырь. Из истории этого монастыря известно, что преп. Феодосий Печерский, основатель обители, устроил при монастыре богадельню, на которую тратил десятую часть доходов монастыря. Преп. Феодосий также проявлял заботу о заключенных, отправляя им каждую субботу воз печеного хлеба, ходатайствовал о безвинно осужденных перед князем [16, с. 254].

Таким образом, уже в домонгольский период институт благотворительности имел два основных направления – церковная благотворительность, осуществляемая, в основном, монастырями, и государственная (княжеская), нашедшая свое отражение, в частности, в деятельности великого князя Владимира Святославича, о чем говорилось выше, а также в «Поучении» Владимира Мономаха [21, с. 196].

В XII в. начался процесс постепенной децентрализации Киевского государства. Киевская Русь начала распадаться на отдельные независимые и полунезависимые феодальные княжества и уже в XIII в. ослабленная междоусобными войнами князей попала в зависимость от Золотой Орды. В монгольский период светское попечение о нуждающихся, видимо, стало настолько редким явлением, что московский князь Иван Данилович (1325-1340 гг.), который, согласно летописи, «многу милостыню даяше» [30, с. 169], получил прозвище «Калита». Безусловно, благотворительность приобрела особое значение в период «татарщины», когда количество «нищих» и «убогих» на Руси возросло в несколько раз [4, с. 238]. Тем не менее, светская благотворительность, вероятно, была отнюдь не частым явлением. Основным источником оказания помощи нуждающимся становилась Церковь, которая была освобождена от ордынского «выхода» и могла сосредоточить в своих руках существенные по тем временам ресурсы. Известно, что митр. Фотий (1408-

1431 г.) закрепил за собой доходы и пошрины, которые были предназначены для оказания помощи убогим и нищим [11, с. 13]. В «Житии» митр. Ионы (1448-1461 гг.) упомянут некий «ключник Пимин», которому было поручено оказывать помощь нуждающимся [24, с. 44].

В этот период развивалась и монастырская благотворительность, связанная с деятельностью преп. Сергия Радонежского и его учеников. Так агиограф самого радонежского игумена характеризует как «сиротамъ акы отецъ милосердь, вдовицамъ яко заступникъ тепль; ... нищим же и маломощнымъ сокровище неоскудное, убогымъ, не имущимъ повседневныя пища великое утешение, болящимъ въ мнозех недужех посетитель, ... всемъ просящим подаание» [29]. К заслугам преподобного относится соединение функций русского православного монастыря с благотворительной деятельностью. Так, например, в Николаевско-Пешношском монастыре, основанном учеником Сергия Мефодием в пос. Луговом на р. Яхроме, оказывалось бесплатное лечение в больнице и имелся гостинный двор [8, с. 464-468]. «Монастырская реформа» второй половины XIV в., в которой непосредственное участие принимали митр. Алексей и преп. Сергей, возродившая на Руси общежительное монашество, во многом и стала тем фактором, благодаря которому при монастырях стали появляться больницы, богадельни и другие социальные объекты.

Позднее наибольшую известность получил Иосифов Волоколамский монастырь (1479 г.), при котором располагались странноприимный дом, гостиница, больница и богадельня [8, с. 438-442]. Уже после освобождения от ордынского владычества, в 1505 г., больницы и богадельни для нищих и странствующих были учреждены при Корнильевом и Печерском монастырях [11, с. 13]. А в конце XVI в., прославился Коневский Рождественский мужской монастырь, имевший бесплатную гостиницу для путешественников и странноприимный дом для богомольцев [8, с. 189-190].

Значимой вехой в развитии церковной благотворительности в эпоху Ивана IV Грозного (1533-1584 гг.) стал Стоглавый собор 1551 г. Глава 73, посвященная устройству бла-

готворительности, предписывала нуждающихся, прокаженных и состарившихся, «не имущих где главы подклонити», переписать по всем городам и «устроить в богадельнях пищу и одежею». Во главе богаделен поставить «священников добрых да целовальников» и содержать за счет пожертвований [32, с. 183]. Подобная перепись, вероятно, была обусловлена тем, что государственные и церковные деятели середины XVI в. убедились, что раздача милостыни без разбору отнюдь не уменьшает нищенство, а увеличивает его. В общественном сознании вызрела идея о переходе к системе общественного и государственного призрения, создание которой и было отражено в главе 73. Вероятно, Иван IV понимал, что благотворительность – не только средство спасения души, но и общественно полезная деятельность. Так, царь повелел здоровых скитающихся чернецов и мирян направлять на работы в монастыри [31, с. 12]. Таким образом, в период правления Ивана IV государство предприняло первые попытки регулирования благотворительности.

Тем не менее, до конца XVIII в. попытки государства сделать институт благотворительности более организованным были весьма слабы. Период с XVII в. до 1861 г. характеризовался расширением функций благотворительности при сохранении контролирующей роли государства. Так, в историографии высказывалась точка зрения, что во время правления царя Федора Алексеевича (1676-1682 гг.) началось строительство официальных государственных заведений призрения, проведена дифференциация категорий нуждающихся, приняты меры в борьбе с нищенством, продолжила свое развитие монастырская благотворительность [1, с. 22]. Однако определенные новшества в организации государственной благотворительности начали проявляться еще во время правления царя Бориса Годунова (1598-1605 гг.), когда началось казенное строительство в Москве, обеспечившее работой крестьян, разоренных в голодные годы. Подобная практика использовалась и после периода Смуты как средство преодоления народной нищеты [31, с. 14].

В конце XVII-начале XVIII в. ведущая роль в благотворительной сфере все больше переходит от Церкви к государству. Особую роль в этом сыграли меры, предпринятые в

правление Петра I (1682-1725 гг.). Упразднение патриаршества и замена его коллегиальным управлением по сути поставила Церковь на службу государству, что не могло не сказаться на характере социальной деятельности Церкви. Так, при Петре I открытие и содержание больниц и богаделен входило в обязанности сперва Патриаршего, а с 1701 г. Монастырского приказа. В целом, Петр не был доволен деятельностью Церкви, потому в регламенте Духовной Коллегии от 25 января 1721 г. поручил Синоду разработать указы для предупреждения опасностей, возникающих из-за большого количества нищих в России, часть из которых «при совершенномъ здравіи, за лѣность свою пускаются на прошеніи милостыни, и по міру ходять безстудно» [25]. Петр I предпринял настоящую борьбу с нищенством. Нищим запрещалось переходить за милостыней из одного города в другой или из одного уезда в другой, за раздачу милостыни полагался штраф. Тем же, кто хотел пожертвовать деньги для помощи нуждающимся, полагалось отправлять их в богадельни [5, с. 236-239]. При Петре I появились и первые работные дома, идея которых, вероятно, была заимствована царем из Голландии [6, с. 145].

Несмотря на произошедшие изменения, Церковь продолжала оказывать помощь нуждающимся. Так, на деньги, пожертвованные П.М. Апраксиным, новгородским митр. Иовом в Новгородском Антониевом монастыре была учреждена больница. В 1706 г. им же был открыт монастырь в Колмове, недалеко от Новгорода, а также больницы для инвалидов и дом призрения для сирот и незаконнорожденных, где детей обучали грамоте и азам других наук [11, с. 17].

Во второй половине XVIII в. церковное участие в благотворительной деятельности еще более снизилось в результате секуляризации церковных земель в правление Елизаветы Петровны (1741-1761 гг.), а затем и закрытия более половины всех монастырей в правление Екатерины II (1762-1796 гг.), что практически лишило Церковь доходов [27, с. 39-48]. Центр благотворительности перемещается в приказы общественного призрения, учрежденные в 1775 г. императрицей. Приказы общественного призрения устраивали богадельни, сиротские и работные дома [12,

с. 7]. Тем не менее, при многих монастырях оставались созданные ранее богадельни, странноприимные и сиротские дома.

Серьезные изменения в церковной благотворительности произошли лишь в 1860-е гг. И этому были вполне объективные причины. Освобождение крестьян от крепостной зависимости в 1861 г. вызвало череду новых проблем социального характера: появилось огромное число безработных и нищих [31, с. 33]. Уже в 1864 г. было принята законодательство о церковно-приходских попечительствах, создаваемых «для благотворительных действий в пределах прихода» [26]. В состав попечительства входили: местные священнослужители и прихожане, избираемые на определенный срок. Также членами попечительства должны были быть церковный староста или волостные старшины. Председательство принадлежало лицу, избираемому собранием прихожан [26].

Источниками материальных средств для попечительств должны были стать добровольные пожертвования. Причем сбор пожертвований производился отдельно: 1) в пользу церкви, 2) в пользу причта, 3) для школы и благотворительных учреждений. «Если бы таковых пожертвований оказывалось недостаточно для удовлетворения всех потребностей, то попечительство, по совещании с почетнейшими прихожанами, составляет предположение о назначении определенного сбора с прихожан, единовременного или постоянного, деньгами или натурой, для производства причту пособия или для другой надобности» [26].

В обязанность попечительствам вменялось связываться с другими попечительствами для оказания помощи бедным больными, приютами, школами. Таким образом, попечительства содействовали бы, по мере возможности, улучшению и расширению церковной благотворительности в стране.

Ведомости о приходских попечительствах стали появляться лишь в 1868 г., хотя открываться попечительства стали вскоре после принятия законодательства о них в 1864 г. [3, с. 51] Общее количество попечительств было достаточно большим. Согласно отчетам обер-прокурора Святейшего Синода, в 1869 г. были открыты приходские попечительства: в Ли-

товской епархии – 228, Рязанской – 144, Новгородской – 77, Смоленской – 50, Вологодской – 36, Киевской – 38, Подольской – 33, Вятской – 28, Черниговской – 28, Самарской – 27 [14, с. 124]. Всего приходских попечительств в 1871 г. насчитывалось 7596 [14, с. 120], а к 1907 г. их число достигло 20 045 [3, с. 51]. В одной Москве, как свидетельствуют материалы Московской духовной консистории, к началу XX в. насчитывалось около 110 приходских попечительств [22, с. 366]. В число их обязанностей входила забота о бедных, малолетних и престарелых. Возникающие приходские попечительства были очень недолговечны. Так в 1893 г. по стране возникло 872, а закрылось 689 попечительств [3, с. 51].

При кажущемся большом количестве приходских попечительств результаты их социальной работы были весьма скромными: в 1899 г. при православных церквях было 68 больниц на 905 кроватей (из них на частном и общественном содержании 49 больниц на 673 кровати). Богаделен на частном и общественном содержании – 772 на 9549 человек, на частном и казенном – 96 на 1369 человек [3, с. 51], что при масштабах Российской империи, конечно, было недостаточным.

Незадолго до революции 1917 г. были поставлены вопросы о проведении церковной реформы, которая, в частности, должна была затронуть управление церковными приходами – дать им финансовую самостоятельность и возложить на них устройство школ, больниц, домов престарелых. Считалось, что приход является общественной единицей, наиболее близко знающей нужды простого народа, следовательно, приходская благотворительность наиболее полно отвечала бы реальным потребностям нуждающихся в помощи. Новый приходской устав («Определение о православном приходе») был принят на Поместном соборе РПЦ только 18 апреля 1918 г. [36, с. 109] Однако условия уже изменились и реально в силу он так и не вступил.

Постепенно набравшая силу в России церковная благотворительность была практически уничтожена в ходе революции. Декрет СНК от 20 января (2 февраля) 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» юридически и практически лишил РПЦ возможности осуществлять свою благо-

творительную миссию. Так п. 12 декрета лишил церковные и религиозные общества прав собственника и прав юридического лица [7, с. 371-374].

Тем не менее, несмотря на условия явного притеснения, РПЦ не отказалась от социальной активности. Это ярко проявилось в ходе кампании по ликвидации голода в Поволжье. В августе 1921 г. в структуре РПЦ были созданы всецерковный и епархиальные комитеты помощи голодающим, которым удалось собрать свыше 9 млн. руб. [18, с. 119] Безусловно, поднятие авторитета РПЦ в обществе было не в интересах новой власти. Вскоре Всецерковный комитет был закрыт, а собранные средства конфискованы. Однако государство не могло справиться с голодом самостоятельно. Уже 9 декабря ВЦИК разрешил сбор пожертвований религиозным организациям. Вслед за этим комитет помощи голодающим (Помгол) предложил Церкви добровольно сдавать ценности, не использующиеся в богослужениях, на что было получено согласие патр. Тихона [38, с. 81-82].

В первой половине 1920-х гг. церковной благотворительностью активно занимались православные братства: бр. «Воскресения Христова», бр. «Животворящего Креста Господня», Александро-Невское братство, бр. «Апостола и евангелиста Иоанна Богослова» и др. Так, например, к благотворительным инициативам Александро-Невского братства относят организацию нескольких «питательных пунктов» для пострадавших от голода 1921-22 гг., которые в большом количестве прибывали в крупные города, в том числе в Петроград [2, с. 265]. Однако в результате репрессивной политики советского государства по изъятию церковных ценностей в 1922-1923 гг. по некоторым данным было уничтожено 2691 священник, 1962 монаха, 3447 монахинь и большое число мирян [28, с. 106], что фактически свело на нет церковную благотворительность уже к середине 1920-х гг.

Окончательный запрет на осуществление церковной благотворительности прозвучал в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» (8 апреля 1929 г.). В частности, в постановлении (п. 17) значилось, что религиозным объединениям воспрещается: а) создавать кассы взаимопо-

мощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; б) оказывать материальную поддержку своим членам [35, с. 33]. Вместе с фактическим разгромом организационной структуры РПЦ, организацией антирелигиозной пропаганды, закрытием храмов и монастырей, физическим уничтожением священнослужителей и простых верующих это постановление сделало практически невозможным осуществление любой социально значимой деятельности Церкви.

Итак, на протяжении пяти рассмотренных этапов в истории нашей страны – домонгольский, монгольский, послемонгольский («царский»), императорский и советский – практика церковной благотворительности была тесно связана с государством. Еще великий князь Владимир Святославич выделил Церкви десятину, что, вероятно, стало одним из источников для церковной благотвори-

тельности. Затем наступил относительно короткий период, когда церковная благотворительность существовала почти независимо от государства (в следствие, феодальной раздробленности и зависимости от Орды) и осуществлялась, в основном, монастырями. Со времени Ивана IV начались первые попытки государства контролировать и регулировать церковную благотворительность. Своего апогея эти попытки достигли в имперский период (до 1860-х гг.) и ознаменовались установлением полного контроля государства над церковной благотворительностью и почти полным отсутствием тенденции к ее расширению. Лишь после отмены крепостного права благотворительность Церкви вновь начала развиваться, благодаря появлению церковно-приходских попечительств. Однако после революции 1917 г. советское государство начало борьбу с церковной благотворительностью, в основном завершившуюся к началу 1920-х гг. Восстановлена церковная благотворительность была лишь в 1990 г. [33, с. 92-98; 34, с. 112-119]

Список литературы

1. Батоева С.А. Развитие благотворительности в России в 1861-1917 гг. (На примере Забайкалья). Чита: ЧитГУ, 2011. 203 с.
2. Беглов А.Л. Церковно-общественные движения на рубеже 1910-1920-х гг. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2009. Т. 1. № 19. С. 263-269.
3. Белоножко Е.П. Деятельность церковно-приходских попечительств в осуществлении социального призрения в России в XIX-XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. № 8 (39). 2007. С. 49-53.
4. Борисов Н.С. Политика Московских князей (конец XIII – первая половина XIV в.). М.: Изд-во МГУ, 1999. 391 с.
5. Галай Ю.Г. Законодательные меры Петра Великого по искоренению нищенства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1. С. 236-239.
6. Головкин Р.Б., Нарышкина Н.И. Правовые и организационные основы функционирования работных домов в европейских странах и России в XVI-XVIII вв. // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3 (21). С. 143-147.
7. Декреты советской власти. Том 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. 625 с.
8. Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908. 984 с.
9. Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / подг. Я.Н. Щапов. М.: Издательство «Наука», 1976. 240 с.
10. Дуплий Е.В. Становление и развитие приказов общественного призрения в России (1775-1864 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2004. 260 с.
11. Зубанова С.Г., Патюлина Н.Д., Рузанова Н.П. Социальное служение Церкви: связь традиции с современностью. М.: ЛИКА, 2012. 376 с.

12. Иваняков Р.И. Церковная благотворительность как средство профилактики и предупреждения преступности несовершеннолетних в истории российского государства в XVIII-XIX вв. // Актуальные проблемы российского права. № 2 (19). 2011. С. 4-11.
13. Игумен Тарасий (Ланге). Благотворительность и милостыня как важнейшие аспекты христианского благочестия в творениях отцов доникейского периода // Христианские чтения. № 1. 2014. С. 35-50.
14. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода гр. Д. Толстого по ведомству православного вероисповедания за 1871 год. СПб.: Синодальная типография, 1872.
15. Иларион. Слово о Законе и Благодати. М.: Столица, Скрипторий, 1994. 146 с.
16. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. С. 2009. 784 с.
17. Клемантович И.П., Скоч А.В. Зарождение и развитие благотворительности как социального института особого типа. М.: РИЦ МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2000. 220с.
18. Марченко А.Н. Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви в советском государстве (1918-1964 гг.) // Вестник ЧелГУ. История. Выпуск 24. №15 (116). 2008. С. 118-132.
19. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А.Н. Насонова. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. 642 с.
20. Основы религиоведения / под ред. И.Н. Яблокова. М.: Высш. шк., 2005. 368 с.
21. Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 1: Домонгольский период / сост. И.Н. Данилевский. М.: РОССПЭН, 2010. 352 с.
22. Панкрат Т.В. Основные направления благотворительной деятельности приходских попечительств Москвы (вторая половина XIX – начало XX столетия) (тезисы доклада) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2009. Т. 1. № 19. 366 с.
23. Писания мужей апостольских. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. 672 с.
24. Повесть имат сказание собрано отчасти жития и чудотворения иже во святых отца нашего Ионы, Митрополита всея Руси // Вестник церковной истории. 2007. № 2. С. 17-60.
25. Полное собрание законов Российской империи. Том VI. № 3718. Ч. 3. П. 12.
26. Полное собрание законов Российской империи. Том XXXIX. Отделение первое. № 41144.
27. Полянцева А.В. Секуляризация церковных вотчин в условиях развивающегося абсолютизма. Манифест 1764 года // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 60. С. 39-48.
28. Пospelовский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
29. Похвальное слово Сергию Радонежскому, написанное Епифанием Премудрым в 1412 году [Электронный ресурс] // Клосс Б.М. Житие Сергия Радонежского. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/zhitie-sergija-radonezhskogo/ (дата обращения: 26.06.2018).
30. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949. 464 с.
31. Разумцев С. Праведный Иоанн Кронштадтский и Дома трудолюбия в России. М.: Фонд региональных социальных программ «Наше будущее»; Отчий дом, 2012. 232 с.
32. Стоглав. Собор, бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче. Лондон, 1860. 239 с.
33. Тулянов В.А. Благотворительность Русской Православной Церкви в рамках феномена современной российской благотворительности (на примере православной службы «Милосердие») // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Том 25. № 1. С. 92-98.
34. Тулянов В.А. Церковная благотворительность в современной истории России: неко-

торые аспекты финансирования Благотворительного фонда Московской епархии по восстановлению порушенных святынь // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 112-119.

35. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановления Правительства РСФСР. Том второй. 1929-1939 гг. М., 1959. 495 с.

36. Цыпин В., прот. Определения и постановления Поместного собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. // Богословский вестник. 1993. Т. 1. № 1. С. 102-224.

37. Шафранов-Куцев Г.Ф. Благотворительность в России: традиции и современность // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. №4. С. 20-32.

38. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье; Общество любителей церковной истории, 1999. 400 с.

MAIN STAGES OF DEVELOPMENT OF CHARITY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH (X CENTURY – 1920S.)

The article studies main stages of development of Church charity in the period X V. – 1920s, the Chronological scope of the study due to the emergence of the phenomenon of Church charity in the X century and its legislative prohibition of the Soviet power in the 1920s, the Purpose of this article is to study the development of Church charity from the tenth century to the 1920s To achieve this goal during the work on this article we posed the following research objectives: to identify the main stages in the development of Church charity; to analyze the relationship between the state and the ROC on charity. In the course of the study, some results were obtained: it was possible to identify five stages of development of Church charity – pre-Mongolian, Mongolian, post-Mongol ("Royal"), Imperial and Soviet. In most stages, the practice of Church charity has always been closely connected with the state. However, after the revolution of 1917, the Soviet state began to struggle with Church charity, which basically ended by the early 1920s.

Keywords: Church charity, phenomenon of charity, Russian Orthodox Church, Church and state.

References

1. Batoeva S.A. Razvitie blagotvoritel'nosti v Rossii v 1861-1917 gg. (Na primere Zabajkal'ya). CHita: CHitGU, 2011. 203 s.
2. Beglov A.L. Cerkovno-obshchestvennye dvizheniya na rubezhe 1910-1920-h gg. // Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. 2009. T. 1. № 19. S. 263-269.
3. Belonozhko E.P. Deyatel'nost' cerkovno-prihodskih popechitel'stv v osushchestvlenii social'nogo prizreniya v Rossii v XIX-XX vv. // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika. № 8 (39). 2007. S. 49-53.
4. Borisov N.S. Politika Moskovskih knyazej (koniec XIII – pervaya polovina XIV v.). M.: Izdvo MGU, 1999. 391 s.
5. Galaj YU.G. Zakonodatel'nye mery Petra Velikogo po iskoreneniyu nishchenstva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2007. № 1. S. 236-239.
6. Golovkin R.B., Naryshkina N.I. Pravovye i organizacionnye osnovy funkcionirovaniya rabotnyh domov v evropejskih stranah i Rossii v XVI-XVIII vv. // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2015. № 3 (21). S. 143-147.
7. Dekrety sovetskoj vlasti. Tom 1. 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1957. 625 s.
8. Denisov L.I. Pravoslavnye monastyri Rossijskoj imperii. M., 1908. 984 s.
9. Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI-XV vv. / podg. YA.N. SHCHapov. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1976. 240 s.
10. Duplij E.V. Stanovlenie i razvitie prikazov obshchestvennogo prizreniya v Rossii (1775-1864 gg.): dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. M., 2004. 260 s.
11. Zubanova S.G., Patyulina N.D., Ruzanova N.P. Social'noe sluzhenie Cerkvi: svyaz' tradicii s sovremennost'yu. M.: LIKA, 2012. 376 s.
12. Ivanyakov R.I. Cerkovnaya blagotvoritel'nost' kak sredstvo profilaktiki i preduprezhdeniya prestupnosti nesovershennoletnih v istorii rossijskogo gosudarstva v XVIII-XIX vv. // Aktual'nye

problemy rossijskogo prava. № 2 (19). 2011. S. 4-11.

13. Igumen Tarasij (Lange). Blagotvoritel'nost' i milostynya kak vazhnejšie aspekty hristianskogo blagochestiya v tvorenijah otcov donikejskogo perioda // Hristianskie chteniya. № 1. 2014. S. 35-50.

14. Izvlechenie iz vsepoddannejshego otcheta ober-prokurora Svyatejshego Sinoda gr. D. Tolstogo po vedomstvu pravoslavnogo veroispovedaniya za 1871 god. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1872.

15. Ilarion. Slovo o Zakone i Blagodati. M.: Stolica, Skriptorij, 1994. 146 s.

16. Kartashev A.V. Oчерki po istorii Russkoj Cerkvi. T. 1. M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2009. S. 2009. 784 s.

17. Klemantovich I.P., Skoch A.V. Zarozhdenie i razvitie blagotvoritel'nosti kak social'nogo instituta osobogo tipa. M.: RIC MGOPU im. M.A. SHolohova, 2000. 220s.

18. Marchenko A.N. Blagotvoritel'naya deyatel'nost' Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v so-vetskom gosudarstve (1918-1964 gg.) // Vestnik ChelGU. Istoriya. Vypusk 24. №15 (116). 2008. S. 118-132.

19. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov / pod red. A.N. Nasonova. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1950. 642 s.

20. Osnovy religiovedeniya / pod red. I.N. Yablokova. M.: Vyssh. shk., 2005. 368 s.

21. Pamyatniki obshchestvennoj mysli Drevnej Rusi. T. 1: Domongol'skij period / sost. I.N. Danilevskij. M.: ROSSPEN, 2010. 352 s.

22. Pankrat T.V. Osnovnye napravleniya blagotvoritel'noj deyatel'nosti prihodskih popechitel'stv Moskvyy (vtoraya polovina XIX – nachalo XX stoletiya) (tezisy doklada) // Ezhegod-naya bogoslovskaya konferenciya Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. 2009. T. 1. № 19. 366 s.

23. Pisaniya muzhej apostol'skih. M.: Izdatel'skij Sovet Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2008. 672 s.

24. Povest' imat skazanie sobrano otchasti zhitia i chudotvoreniya izhe vo svyatyh otca nashego Iony, Mitropolita vseya Rusii // Vestnik cerkovnoj istorii. 2007. № 2. S. 17-60.

25. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom VI. № 3718. CH. 3. P. 12.

26. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom XXXIX. Otdelenie pervoe. № 41144.

27. Polyanceva A.V. Sekulyarizaciya cerkovnyh votchin v usloviyah razvivayushchegosya ab-solyutizma. Manifest 1764 goda // Voprosy sovremennoj yurisprudencii. 2016. № 60. S. 39-48.

28. Pospelovskij D.V. Russkaya pravoslavnaya cerkov' v XX veke. M.: Respublika, 1995. 511 s.

29. Pohval'noe slovo Sergiyu Radonezhskomu, napisannoe Epifaniem Premudrym v 1412 godu [Elektronnyj resurs] // Kloss B.M. Zhitie Sergiya Radonezhskogo. URL: https://az-byka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/zhitie-sergija-radonezhskogo/ (data obrashcheniya: 26.06.2018).

30. PSRL. T. 25. Moskovskij letopisnyj svod konca XV v. M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949. 464 s.

31. Razumcev S. Pravednyj Ioann Kronshtadtskij i Doma trudolyubiya v Rossii. M.: Fond re-gional'nyh social'nyh programm «Nashe budushchee»; Otchij dom, 2012. 232 s.

32. Stoglav. Sobor, byvsij v Moskve pri velikom gosudare care i velikom knyaze Ivane Va-sil'eviche. London, 1860. 239 s.

33. Tulyanov V.A. Blagotvoritel'nost' Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v ramkah fenomena sovremennoj rossijskoj blagotvoritel'nosti (na primere pravoslavnoj sluzhby «Miloserdie») // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. Tom 25. № 1. S. 92-98.

34. Tulyanov V.A. Cerkovnaya blagotvoritel'nost' v sovremennoj istorii Rossii: nekotorye aspekty finansirovaniya Blagotvoritel'nogo fonda Moskovskoj eparhii po vosstanovleniyu porushen-nyh svyatyh // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2019. № 1. S. 112-119.

35. Hronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta i post-anovleniya Pravitel'stva RSFSR. Tom vtoroj. 1929-1939 gg. M., 1959. 495 s.

36. Cypin V., prot. Opredeleniya i postanovleniya Pomestnogo sobora Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi 1917-1918 gg. // Bogoslovskij vestnik. 1993. T. 1. № 1. S. 102-224.

37. SHafranov-Kucev G.F. Blagotvoritel'nost' v Rossi: tradicii i sovremennost' // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. №4. S. 20-32.

38. SHkarovskij M.V. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' pri Staline i Hrushcheve (Gosudarstvenno-cerkovnye otnosheniya v SSSR v 1939-1964 godah). M.: Krutickoe Patriarshee Podvor'e; Obshchestvo lyubitelej cerkovnoj istorii, 1999. 400 s.

Об авторах

Дзюбан Валерий Валерьевич – доктор исторических наук, профессор, НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций» (Россия)

Тулянов Владислав Андреевич – аспирант, Московский государственный областной университет (Россия)

Dzuban Valery Valer'evich – doctor of historical Sciences, Professor, Institute of world civilizations (Russia)

Tulyanov Vladislav Andreevich – post-graduate student, Moscow state regional University (Russia)

УДК 902.4

Еськова Д.К., кандидат исторических наук, Институт археологии РАН (Россия)**Лев С.Ю.**, кандидат исторических наук, Институт археологии РАН (Россия)

ОТ НОВИЧКА К МАСТЕРУ: МЕТОДЫ ОЦЕНКИ УРОВНЯ УМЕНИЯ В РАСЩЕПЛЕНИИ КАМНЯ

В статье рассматриваются возможности и ограничения используемых на данный момент подходов к выявлению археологических свидетельств различных уровней умения в расщеплении камня: экспериментальной археологии, этноархеологии, ремонта и пространственного анализа каменного инвентаря, метода отклонений. Суммированы существующие в рамках этих подходов критерии оценки уровня умения в расщеплении камня. Обсуждается степень обоснованности атрибуции предметов, демонстрирующих признаки неумелого расщепления, в качестве «детского расщепления».

Ключевые слова: Каменный век, технология расщепления камня, уровень умения, археология детства, экспериментальная археология, этноархеология, ремонт, пространственный анализ, метод отклонений

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-63-73

Умение – «способность делать что-либо, основанная на знании, опытности, навыке» («Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова). Приобретение любого умения занимает определенное время, большее или меньшее в зависимости от его сложности. Оно включает не только получение необходимого для выполнения определенной задачи набора знаний, но и выработку навыка. Навык – это «автоматизированное действие, сформированное путем многократного повторения, воспроизводимое без элементной сознательной регуляции и контроля» («Толковый словарь психиатрических терминов» под ред. В.М.Блейхера, И.В. Крук). Согласно наблюдениям современных экспериментаторов и этнологов достижение высокой степени мастерства в расщеплении камня занимает годы, а также требует регулярной практики для поддержания навыка [10; 32; 37]. Обработка камня до энеолита включительно являлась одной из основных сфер жизнеобеспечения человека, следовательно, передача умений в этой области от старшего поколения к младшему должна была носить если не всеобщий, то достаточно массовый характер.

Важной спецификой обработки камня является необратимость технологического процесса. В процессе расщепления каждая операция, удачная и неудачная, оставляет след – негатив скола и сам скол, трещину от безуспешного удара и т.д. В случае с керамикой, напротив, «игровая» или «учебная» продукция может подвергаться обжигу, наравне с продукцией мастеров, как это принято,

например, в этнической группе Кусаси (Северо-Восточная Гана) [13], но может и полностью подвергаться переработке, как это происходит при обучении гончаров мингей в Японии [33]. Таким образом, приобретение умения в области расщепления камня – длительный процесс, который должен оставлять материальные следы там, где происходил.

Проблема выявления различного уровня умений древних мастеров расщепления камня начала разрабатываться археологами относительно недавно, около тридцати лет назад. Внимание к феномену ученичества было связано с развитием целого направления, в рамках англо-саксонской традиции получившего название «Археология детства» [6; 8; 21; 35], и общим интересом к изучению материальных свидетельств существования отдельных индивидов в рамках исследуемых доисторических коллективов. Данная проблема рассматривалась за прошедшее десятилетие в контексте этноархеологии [28; 29; 32; 37; 38; 39], экспериментальной археологии [10; 14; 15; 16; 34; 36], когнитивной археологии [11; 12], палеосоциологии [9; 25; 26; 27]. Данные, полученные в рамках перечисленных подходов, в последнее время активно используются в технологическом анализе каменных индустрий (См., например: [1; 2; 3; 5; 18; 23; 35]).

В задачи настоящей статьи входит охарактеризовать сильные и слабые стороны различных подходов к выявлению уровней умения в расщеплении камня и материальных проявлений процесса обучения, а также

суммировать известные на настоящий момент признаки, характеризующие «ученическое расщепление».

Экспериментальная археология дает надежные свидетельства устойчивых различий, наблюдаемых в результатах расщепления камня опытными мастерами и людьми, начинающими осваивать этот вид умения. С начала 1990-х было проведено несколько серий экспериментов с целью выявить морфологические критерии, которые позволили бы установить уровень мастерства автора расщепления [14; 15; 16; 34; 36]. Объектами сравнения являлись предметы, огранка которых состоит из наибольшего количества негативов, и, следовательно, в морфологии которых отображается наиболее длинная история операций – нуклеусы и двусторонне обработанные орудия.

Следует изначально отметить несколько слабых сторон экспериментального подхода. Во-первых, все эксперименты, целью которых являлось выявить археологические признаки различных уровней умения в расщеплении камня были краткосрочными (1-2 дня) и фиксировали не динамику изменения навыка, а «срез умений» для определенного уровня в отдельно взятый момент. Во-вторых, принципы деления испытуемых по уровням варьируют у разных авторов и не подчинены строгим общепринятым критериям. В части экспериментов анализировались результаты расщепления двух групп: опытных мастеров и новичков [34; 14; 15], в части – трех групп: опытных мастеров – новичков – мастеров среднего уровня [16] или опытных мастеров – новичков – начинающих [36]. Наиболее проблематичной, в данном случае, является атрибуция среднего уровня. Так, для П. Шелли студенты на финальном этапе 3-х недельной практики по расщеплению камня являются представителями группы «новички», для Ф. Стернке и М. Серенсена индивид после месячной практики – представитель группы «начинающих» - промежуточного уровня мастерства в противопоставление «новичкам», Н. Финли, в свою очередь, относит к среднему уровню испытуемых с многомесячным, и даже многолетним опытом расщепления камня. В-третьих, при экстраполяции результатов экспериментов с испытуемыми, являющимися в большинстве

случаев студентами высших учебных заведений, на археологический материал, нельзя не учитывать результаты одного из экспериментов Дж.Р.Фергюсона. Они показали существенную разницу в результатах обучающихся расщеплению камня между испытуемыми, имевшими на момент начала эксперимента существенный опыт «ручного труда» или ремесленный опыт различного характера, и испытуемыми, не имевшими такового [15]. Логично предположить, что условия жизни в традиционном обществе готовят индивида к восприятию новых физических навыков лучше, чем условия жизни постиндустриального общества.

Несмотря на вышеперечисленные ограничения метода, в результате экспериментов удалось выявить повторяющиеся морфологические признаки, маркирующие расщепление «новичков» (испытуемых, имеющих минимальный опыт расщепления): 1) кольцевые трещины на площадке или поверхности нуклеуса или бифаса (следы неточных ударов) (англ. – incipient cones) [16; 34; 36]; 2) разбитые и раскрошенные карнизы, иногда ребра между гранями (англ. – battering) [34]; 3) множественные ступенчатые заломы (англ. – stacked hinges) [16; 34; 36]; 4) грубые концептуальные ошибки, неумение избежать предсказуемых ошибок [34; 36]; 5) неумение видеть и обходить проблемы, связанные с качеством сырья [16]; 6) причина оставления нуклеуса или бифаса у новичков - многочисленные ошибки (а не дефекты сырья или истощенность нуклеуса, что является, как правило, причиной завершения цикла расщепления для опытного мастера) [34].

Для промежуточного уровня между новичками и мастерами – «начинающих» у Ф.Стернке и М.Серенсена и «испытуемых среднего уровня» Н.Финли – экспериментаторы отмечают присутствие тех же ошибок, что и у новичков, но встречающихся реже, наряду с освоением ими приемов оживления поверхности расщепления и ударной площадки [36]. Результаты их расщепления, демонстрируют противоречивые характеристики, типичные для результатов расщепления мастеров и новичков одновременно [16].

Выявленные в результате экспериментов признаки гораздо более четко позволяют

атрибутировать продукты расщепления (нуклеусы или двусторонне обработанные орудия), полученные в результате действий «новичков» (людей, находящихся на наиболее ранней стадии обучения), чем аналогичные продукты, полученные несколько более опытными испытуемыми. Важной особенностью набора признаков, характерных для расщепления камня «новичком», является их универсальность. Они представляют собой отраженные в морфологии артефактов проявления ошибок новичков, связанных, с одной стороны, с непониманием общих принципов расщепления (необходимого угла между площадкой и поверхностью расщепления, степени продольной и поперечной выпуклости поверхности расщепления, необходимой для осуществления успешного скола), с другой стороны – со слабым моторным навыком.

Отдельно следует остановиться на вопросе продуктивности расщепления испытуемых с разным уровнем умения. Существует консенсус относительно того, что «устойчивая продуктивность расщепления» - признак, присущий исключительно уровню мастера, эксперта в расщеплении камня. Между тем, существуют различные мнения относительно того, могут ли операции учеников, в особенности, относящихся к уровням «новички» и «начинающие» быть минимально продуктивны. Н.Финли отмечает, что в эксперименте по получению пластин-заготовок для микролитов «все испытуемые, независимо от опыта, могли скалывать заготовки, пригодные для изготовления микролитов» [16, р. 82]. Б.Бредли, в свою очередь, подчеркивает, что к концу трехлетнего(!) периода интенсивного обучения, включавшего как практику, так и теоретическую подготовку, ни один испытуемый не овладел на высоком уровне умением получать заготовки в рамках Леваллуазского метода [10, р. 59]. Здесь необходимо учитывать, что испытуемые в эксперименте Н.Финли не были ограничены в использовании различных техник расщепления, и прибегали по желанию к прямому удару твердым минеральным, мягким органическим отбойником и даже контрударному расщеплению на наковальне, кроме того выбирали любой удобный им метод скалывания пластинчатых заготовок с небольших галек.

Целевые продукты расщепления – пластинчатые сколы – оценивались вне строгих технико-морфологических критериев. В случае с экспериментом Б.Бредли, тестировалась способность испытуемых получать заготовки, соответствующие определенным технико-морфологическим критериям в рамках строго определенного, концептуально достаточно сложного, метода расщепления.

Во многих работах свидетельства неумелого расщепления камня служат аргументом для доказательства обитания на стоянке индивидов, принадлежащих к разным возрастным группам, в том числе детей [18; 26; 35]. Между тем, на настоящий момент существует ограниченное количество данных относительно специфики освоения детьми навыка расщепления камня и его возможных археологических проявлений: эксперименты Ф. Стернке и М.Серенсена с детьми 9-10 лет [36] и наблюдения М.Серенсена и Дж.Р. Фергюсона над игровой имитацией расщепления камня двумя детьми 5-6 лет [15; 36]. В целом, признаки, связанные с первыми попытками детьми 9-10 расщепления камня повторяют признаки, выявленные для взрослых испытуемых другими экспериментаторами [16, 34]. Кроме того, существуют наблюдения относительно специфики подбора заготовок детьми для изготовления орудий: дети уделяют больше внимания изначальному соответствию форме заготовки, чем её соответствию технологическим требованиям, стремясь подобрать форму, очертаниями сходную с будущим орудием [36, р. 722]. Кроме того, из-за неспособности длительное время концентрировать внимание детям 9-10 лет крайне сложно воспроизводить многоэтапную схему расщепления [36, р. 722].

Наиболее выразительное отличие между взрослыми новичками в расщеплении и детьми относится к наблюдениям за поведением 5-6 летних испытуемых. Наблюдаемые в разных странах двумя разными экспериментаторами дети, мальчик и девочка, шести и пяти лет соответственно, демонстрировали сходное поведение: без какого-либо специального инструктажа и обучения они имитировали поведение взрослых мастеров, пытаясь изготовить каменные орудия. При этом оба ребенка прибегали к самостоятельно, интуитивно ими самими освоенной технике

контрударного расщепления на импровизированной наковальне – ни в одном случае взрослые перед ними не кололи камень при помощи этой техники [15; 36]. Кроме того, зафиксирована связанная со спецификой когнитивного развития особенность: дети этой возрастной группы игнорируют объем орудий и считают важной только их форму. Соответственно, они изготавливают плоскостные имитации объемных двусторонне обработанных орудий, напоминающие последние лишь общими очертаниями [36].

Второе направление, в рамках которого исследовались возможные археологические свидетельства уровня умения в расщеплении камня – это прямые этнологические наблюдения за процессом обучения в регионах и обществах, где эта форма деятельности до сих пор практикуется. Несмотря на существование обширной литературы, затрагивающий вопросы обработки камня у аборигенов Новой Гвинеи, Австралии, некоторых племен Эфиопии, долины Амазонки и ремесленников одного из регионов Индии, проблема участия детей в расщеплении камня и процесс обучения этому виду деятельности с точки зрения морфологии конечных продуктов рассматривается в относительно небольшом количестве работ [28; 29; 32, 37; 38; 39].

Следует отметить, что наиболее подробное рассмотрение процесса расщепления камня в сложных многоэтапных производственных цепочках, выходящее в детализации описания за рамки обобщенных категорий «маленький-большой», «высокое качество-низкое качество» представлено в работах, посвященных контекстам, где расщепление камня – высокоспециализированный вид деятельности [32; 37]. В рассматриваемых случаях, оно направлено на производство конкретных категорий предметов – базальтовых тесел в деревне Лангда (Ириан-Джая, Новая Гвинея) и халцедоновых бусин в городском поселении Кхамбат (Индия). Тесла имеют в Лангде не только практический, но символический и статусный смысл. Бусины в Кхамбате производятся с коммерческими целями. В обоих случаях мастер по расщеплению камня – это уважаемая специальность, обучение которой занимает в некоторых случаях более 10 лет и происходит в рамках фор-

мального института ученичества. Для наблюдения в вышеуказанных контекстах (на момент проведения исследований) были доступны только мастера и подмастерья – ученики, постоянно практиковавшиеся в течение длительного периода времени.

Сравнительный анализ морфологии продуктов расщепления мастеров и учеников позволил установить устойчивую разницу между ними на уровне морфологии: в степени симметрии (в плане и в профиле) бусин [32] и степени стандартизации соотношения между длиной-шириной-толщиной тесел [37, р. 706]. Меньшая «стандартизация» продукции учеников была, согласно исследованиям, вызвана не только не до конца наработанным моторным навыком, но и упрощением самой производственной цепочки – учениками меньшее внимание уделяется оформлению ребер между гранями предметов [32; 37].

Отдельного обсуждения заслуживает такой параметр как размер финальных продуктов расщепления и его корреляция с уровнем умения автора расщепления. Г.Политис приводит данные относительно изготовления для своих детей индейцами племени Нукак (долина Амазонки, Колумбия), а также самими детьми уменьшенных копий орудий и предметов вооружения для использования в игре. При этом увеличение их размера происходит в соответствии с взрослением ребенка [29, р. 136]. В контексте специализированного производства тесел в Лангде и бусин в Кхамбате, в котором участвуют только индивиды достигшие зрелости (начиная с 13 лет для Лангды), также была выявлена устойчивая корреляция между размером продуктов расщепления и принадлежностью автора расщепления к категориям мастер-ученик. В Лангде ученики иногда изготавливают слишком маленькие для практического применения тесла исключительно ради практики, кроме того, ученикам никогда не дают по-настоящему крупных отдельностей сырья, способность обработать которые считается признаком мастерства [37, р. 702]. Изготовление длинных бусин считается прерогативой мастеров и в Кхамбате [32].

Согласно существующим этнологическим данным, корреляция между неумелостью в расщеплении камня и возрастом не может считаться абсолютной, даже если исключать из

рассмотрения специфические контексты, подразумевающие высокую специализацию. Так, К.Видмэн отмечает, что у племени Гамо (Эфиопия) скребки, оформленные нерегулярной ретушью, с шипами на лезвии – это как правило продукция детей и стариков [38, р. 738-739], то есть утрата навыка в связи с возрастной деградацией также может иметь место. Также опыт и «стаж» в расщеплении не в ста процентах случаев коррелируют с уровнем навыка. Д.Стаут отмечал, что среди наблюдаемых им изготовителей тесел в группе опытных мастеров был индивид, чья продукция сильно напоминала ученическую (и даже учитывалась автором исследования вместе с продукцией учеников, чтобы не исказить статистику)[37]. Таким образом, недостаток способностей у отдельных опытных мастеров нельзя полностью исключать, когда речь идет о разграничении «среднего уровня» и «экспертов».

В рамках вышеописанных направлений при обсуждении критериев, позволяющих различать продукцию новичков, начинающих, мастеров среднего уровня и мастеров-экспертов, упор делается на анализ морфологии законченных предметов. Палеосоциологические реконструкции представителей французской и скандинавской технологических школ [25; 26; 9; 17] базируются не на современных данных (экспериментальных и этнологических), а непосредственно на изучении археологического материала. В качестве отправной точки анализа используется не морфология отдельно взятых предметов, а восстановленные посредством массового ремонта расщепленного камня операции и отдельные производственные цепочки. Ключевым понятием при интерпретации операций в качестве ученических является их непродуктивность. Точная продуктивность каждой отдельной производственной цепочки оценивается исходя из количества продуктов расщепления, подвергшихся вторичной обработке или унесенных с места расщепления, что определяется на основании пространственного анализа результатов ремонта сколов [26]. Технологический анализ продуктивных производственных цепочек позволяет оценить технологическую норму во всей ее вариативности в рассматриваемой индустрии. Степень отхождения от этой нормы, с учетом грубых концептуальных ошибок, нарушающих базовые универсальные принципы расщепления камня,

в сочетании с оценкой продуктивности (от нулевой до высокой) позволяет выделять различные ступени овладения умением. Их количество может варьироваться на различных стоянках, даже относящихся к одной культурной традиции [20; 26]. Огромным достоинством рассматриваемого метода является возможность выявления операций и производственных цепочек, осуществляемых индивидами более опытными, чем «новички» и «начинающие», но менее опытными, чем «мастера – эксперты».

Между тем, слабыми сторонами рассматриваемого метода являются очень строгие требования, предъявляемые к степени сохранности культурного слоя, исследованной раскопками площади памятника, а также огромные трудозатраты, связанные с массовым ремонтом продуктов расщепления – в случае с многотысячными коллекциями его осуществление под силу только крупным исследовательским коллективам.

В ходе проведенного в 2013 г. семинара «Изучение уровней умения в доисторических технологиях и ученичество в дописьменных обществах» представителями французской технологической школы была сделана попытка разработать методику оценки уровней умения, которая не требовала бы идеальной сохранности культурного слоя, полностью исследованной площади памятника и осуществления массового ремонта, и, следовательно базировалась бы на анализе отдельных предметов, сохраняя при этом возможность выявлять результаты работы мастеров уровнем выше, чем «начинающий». В итоге был разработан «метод отклонений», наиболее полное выражение нашедший в работах Л.Кларика и Л.Андерсона [4; 19]. В рамках указанного метода объектом анализа становятся нуклеусы и двусторонне обработанные орудия – продукты расщепления, в морфологии которых отображается наиболее длинная история операций. В данном случае, анализируются не отдельные характерные морфологические признаки (ступенчатые заломы, кольцевые трещины и т.д.), но цепочка операций, которая может быть реконструирована на основе анализа огранки предмета. Реконструированная полная производственная цепочка, включающая отбор сырья и заготовки, сопоставляется с выявленной при помощи

детального технологического анализа нормой. Степень ее соответствия технологической норме и безошибочного исполнения является отображением степени мастерства. Тонким моментом в этой методике является выявление технологической нормы. Здесь исследователь имеет дело со своего рода уравнением с двумя неизвестными, где облик индустрии является суммой технологической нормы и отклонений от нее. Ключевым моментом здесь - выявление целевых продуктов-заготовок на основании технико-морфологических характеристик законченных орудий.

Предложенная в работах Л.Кларика и Л.Андерсона балльная система оценки отклонений от технологической нормы [4; 19], с одной стороны делает сравнение между несколькими стоянками более объективным, но с другой стороны, на наш взгляд, не является универсальной. Она успешно работает при изучении вторичных нуклеусов или орудий – в тех случаях, когда для большей части предметов можно выявить специфику ранних этапов расщепления и, соответственно, оценить все критерии. В случае с нуклеусами для получения пластин признаки, характеризующие ранние стадии расщепления зачастую не видимы из-за последующих операций.

Все рассмотренные выше подходы сфокусированы на определении критериев, которые позволили бы в археологическом материале выявлять признаки, свидетельствующие о различном уровне умения индивидов, занимавшихся расщеплением кремня. Между тем, то, каким образом форма передачи знаний и навыков может отражаться в археологическом материале, остается фактически неизученным. Для передачи рассматриваемого умения предложено несколько моделей обучения: обратное проектирование (англ. *reverse engineering*, выявление и воспроизведение технологии на основе морфологии законченного предмета), имитация, объяснение при помощи демонстрации и жестикуляции, вербальное объяснение, и, наконец, «метод костылей» (англ. – *scaffolding*) [14; 15; 22; 24; 30]. Почти все эксперименты с этими вариантами обучения имели цель оценить их эффективность для передачи знаний и навыков в рамках определенных методов расщепления, но не обнаружить

их возможные проявления в археологическом материале. Единственное исключение – сравнение «метода костылей» с вербальным и жестовым объяснением, проведенное Дж.Р.Фергюсоном [14; 15]. «Метод костылей» заключается в непрерывном контроле ученика мастером, который позволяет первому осуществлять лишь те действия, которые ему под силу. Все ошибки расщепления корректируются мастером. С каждым разом действий, производимых учеником становится больше. Этот метод обучения, согласно наблюдениям Дж.Р.Фергюсона, является не менее эффективным способом освоения умения, чем самостоятельная практика учеников, сопровождаемая вербальными и жестовыми объяснениями мастера. При этом, готовые продукты, полученные таким образом мастером и учеником совместно, не уступают по степени стандартизации результатам работы мастера. В условиях малой доступности сырья, и, соответственно, высокой его ценности, этот метод обучения вполне мог активно применяться, не оставляя явных следов, читаемых в археологическом материале.

Подводя итог, необходимо отметить, что за последние тридцать лет было накоплено большое количество данных, позволяющих с определенной долей уверенности соотносить продукты расщепления камня с различными категориями «мастеров»: от новичков до экспертов. Несомненно, до сих пор существуют определенные лакуны, в особенности, в том, что касается соотношения уровня умений и возрастных групп, а также выявления форм обучения, использовавшихся в рамках определенной культурной традиции. На настоящий момент, выявление различных уровней умения должно стать необходимой составной частью технологического анализа каменных индустрий. Это обосновано тем, что оно является не только одним из ценнейших источников для палеосоциологических реконструкций доисторических обществ, но и необходимым инструментом критики источника. Без его применения, понятия технологической и типологической нормы размываются, что существенно затрудняет любые сопоставления каменных индустрий.

Список литературы

1. Захариков А.П. Раскопки стоянки Непряхино в 2016 г. // Археологические записки. Ростов-на-Дону. 2017. Вып. 9. С. 6-11.
2. Лев С.Ю., Еськова Д.К. Кремневые скопления как элемент структуры стоянки Зарайск В // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 83-93.
3. Тарасов А.Ю. Обучение и ученичество в древней индустрии каменных орудий // Финно-угорская мозаика. Сборник к юбилею Ирмы Ивановны Муллонен. Studia Nordica I. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. С. 276-284.
4. Anderson L. Knowledge and know-how in Early Aurignacian lithic assemblages: the example of la Tuto de Camalhot (Ariege, France) // The Prehistoric apprentice: Investigating apprenticeship, know-how and expertise in prehistoric technologies. Brno: The Czech Academy of Sciences, 2018. P. 117-136.
5. Assaf E., Barkai R., Gopher A. Knowledge transmission and apprentice-knappers in the Acheulo-Yabourdan: a case study from Qesem cave, Israel // Quaternary international. 2015. Vol. 398. P. 70-85.
6. Archaeology and apprenticeship: Body knowledge, identity and communities of practice. Ed. Wendrich W. Tucson: University of Arizona press, 2013. 269 p.
7. Bamforth D.B., Finlay N. Introduction: archaeological approaches to lithic production and craft learning // Journal of archaeological method and theory. 2008. Vol. 15. № 1. P. 1-27.
8. Baxter J.E. The archaeology of childhood. Children, gender and material culture. Oxford: Altamira Press, 2005. 68 p.
9. Bodu, P. Karlin, C and Ploux, S. "Who's Who? The Magdalenian Flintknappers of Pincevent, France // The big puzzle : International Symposium on Refitting Stone Artefacts. Monrepos: Studies in Modern archaeology, 1987. P. 143-163.
10. Bradley B., Khreisheh N. Knapping skill assessment // Archaeology and crafts: Experiences and experiments on traditional skills and handicrafts in archaeological open-air museums in Europe. Proceedings of the VI Open-Arch-Conference in Albersdorf, Germany, 23-27 Sept 2013. Ed. Kelm R. Husum, 2015. P. 54-61.
11. Bril B., Rein R., Nonaka T., Wenban-Smith F., Dietrich G. The role of expertise in tool use: skill differences in functional action adaptations to task constraints // Journal of experimental psychology: human perception and performance. 2010. Vol. 36. № 4. P. 825-839.
12. Bril B., Rein R., Nonaka T. How do stone knappers predict and control the outcome of flaking? Implications for understanding early stone tool technology // Journal of Human Evolution. 2010. Vol. 59. P. 155-167.
13. Calvo Trias M., Garcia Roselló J., Javaloyas Molina D., Alberó Santacreu D. Playing with mud? An ethnoarchaeological approach to children's learning in Kusasi ceramic production / Sanchez Romero M., Alarcon Garcia E., Aranda Jimenez G. Eds. Children, identity and space, SSCIP Monograph series 4. Oxford: Oxbow, 2015. P. 88-104
14. Ferguson J.R. An Experimental Test of the Conservation of Raw Material in Flintknapping Skill Acquisition // Lithic Technology. 2003. Vol. 28. № 2. P. 113-131
15. Ferguson J.R. The When, Where and How of Novices in craft production // Journal of archaeological method and theory. 2008. Vol. 15. № 1. P. 51-67.
16. Finlay N. Blank concerns: Issues of skill and consistency in the replication of Scottish Later Mesolithic Blades // Journal of archaeological method and theory. 2008. Vol. 15. № 1. P. 68-90.
17. Fischer A. A late Paleolithic "school" of flint-knapping at Trollesgave, Denmark. Results of refitting // Acta archaeologica. 1990. Vol. 60. P. 33-49.
18. Höberg A. Playing with flint: Tracing a child's imitation of adult work in a lithic assemblage // Journal of archaeological method and theory. 2008. Vol. 15. № 1. P. 112-131.
19. Klaric L. Levels of flintknapping expertise and apprenticeship during the late Upper Paleolithic: several illustrative examples from the Early and Late Aurignacian and Middle Gravettian // The Prehistoric apprentice, Investigating apprenticeship, know-how and expertise in prehistoric technologies. Brno: The Czech Academy of Sciences, 2018. P. 49-95.

20. Les derniers magdaléniens d'Etiolles. Perspectives culturelles et paléohistoriques. XXXVII suppl. à Gallia Préhistoire (L'unité d'habitation Q 31). Ed. N. Pigeot. Paris: CNRS, 2004. 168 p.
21. Lillehammer J. A child is born. The child's world in the archaeological perspective // Norwegian Archaeological review. 1989. Vol. 22. Is. 2. P. 89-105.
22. Lombao D., Guardiola M., Mosquera M. Teaching to make stone tools: new experimental evidence supporting a technological hypothesis for the origins of language // Scientific reports. 2017 (nature com)
23. Milne S. B. Raw material availability and paleo-Eskimo novice flintknapping // Project Muse. 2013. Vol. 4. P. 119-144.
24. Onhuma K., Aoki K., Akazawa T. Transmission of tool-making through verbal and non-verbal communication: preliminary experiments in Levallois flake production // Anthropological Science. 1997. Vol. 105. № 3. P. 159-168.
25. Pigeot N. Apprendre à débiter les lames: un cas d'éducation technique dans l'Unité d'Etiolles // Bulletins de Société Préhistorique française. 1986. No 3. Vol. 83. P. 67-69.
26. Pigeot N. Magdaléniens d'Étiolles : économie de débitage et organisation sociale. XXV suppl. à Gallia Préhistoire. Paris: CNRS, 1987. 168 p.
27. Ploux S., Karlin C. Le travail de la pierre au Paléolithique ou comment retrouver l'acteur technique et social grâce aux vestiges archéologiques. // De la Préhistoire aux missiles ballistiques: l'intelligence sociale des techniques. Paris: La Découverte. P. 46-65.
28. Politis G. Arqueología de la infancia: una perspectiva etnoarqueológica // Trabajos de Prehistoria. 1998. Vol. 55. № 2. P. 5-19.
29. Politis G. Children's activity in the production of archaeological record of hunter-gatherers, an ethnoarchaeological approach / Global archaeological Eds. Funari P.P.A., Zarankin A., Stovel E. London: Springer, 2005. P. 121-143.
30. Putt S.P., Woods A.D., Franciscus R.G. The role of verbal interaction during experimental bifacial stone tool manufacture // Lithic Technology. 2014. Vol. 39. № 2, P. 96-112.
31. Roux V., David E. Planning abilities as a dynamic perceptual-motor skill: An actualist study of different levels of expertise involved in stone knapping // Stone knapping: The necessary conditions for a Uniquely hominin behavior. Eds. Roux V., Bril B. Cambridge: McDonald Institute monographs, 2005. P. 91-108.
32. Roux V., Bril B., Dietrich G. Skills and Learning Difficulties Involved in Stone Knapping: The Case of Stone-Bead Knapping in Khambhat, India // World Archaeology. 1995. Vol. 27. № 1. P. 63-87.
33. Singleton, J. (1989). Japanese Folkcraft Pottery Apprenticeship: cultural patterns of an educational institution. / Coy M. Ed. Apprenticeship: from theory to method and back again. Albany: State University of New York Press, 1989. P. 13-30.
34. Shelley P.H. Variation in lithic assemblages: an experiment // Journal of Field Archaeology. 1990. Vol. 17. P. 187-193.
35. Stapert D. Neanderthal children and their Flints // PalArch's Journal of Archaeology in Northwest Europe. 2007. № 1. Vol. 2. P. 16-38.
36. Sternke F., Sørensen M. The identification of children's flint knapping products in Mesolithic Scandinavia / McCartan S., Schilting R., Warren G. and Woodman eds. Mesolithic Horizons, Vol. II, Papers presented at the seventh international conference on the Mesolithic in Europe, Belfast, 2005. Oxford: Oxbow books, 2009. P. 722-729.
37. Stout D. Skill and cognition in stone tool production: An ethnographic case study from Iran Jaya // Current anthropology. 2004. Vol. 43. № 5. P. 693-722.
38. Weedman K. On the spur of the moment: Effects of age and experience on hafted stone scraper morphology // American Antiquity. 2002. Vol. 67. № 4. P. 731-744.
39. Weedman K. An ethnoarchaeological study of stone-tool variability among the Gamo Hide-workers of Southern Ethiopia // Le travail du cuir de la préhistoire à nos jours. XXIIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes (dir. Audouin-Rouzeau F., Beyries S.). Antibes: Editions APDCA, 2002. P. 131-141.

FROM NOVICE TO EXPERT: METHODS OF FLINTKNAPPING SKILL-LEVEL EVALUATION

The paper considers capacities and limitations of currently used approaches to identification of the archaeological evidences of different flintknapping skill-level: experimental archaeology, ethnoarchaeology, refitting and spacial analysis, method of deviations. Their advantages and disadvantages are being discussed. Previously determined criteria of flintknapping skill-level evaluation are summarized. The degree of validity in low-skill-leveled production attribution to children is discussed.

Keywords: Stone Age, lithic technology, skill-level, Archaeology of Childhood, experimental archaeology, ethnoarchaeology, refitting, special analysis, method of deviations

References

1. Zaharikov A.P. Nepriahino site excavations in 2016 // *Archaeologicheskiiye zapiski*. Rostov-na-Donu [Archaeological bulletin. Rostov-on-Don] 2017. Vol. 9. P. 6-11.
2. Lev S.Yu., Eskova D.K. Lithic concentrations as the structure element of the site Zarsk B // *KSIA* [Brief reports of Institute of archaeology RAS]. 2012. Vol. 227. P. 83-93.
3. Tarasov A.Yu. Apprenticeship in flintknapping // *Finno-ugorskaya mozaika*. Sbornik k yubileyu Irmi Ivanovni Mullonen. *Studia Nordica* I [Finno-ugric mosaic. Paper collection dedicated to the anniversary of Irma Ivanovna Mullonen. *Studia Nordica* I]. Petrozavodsk: Korelian scientific center, 2016. P. 276-284.
4. Anderson L. Knowledge and know-how in Early Aurignacian lithic assemblages: the example of la Tuto de Camalhot (Ariege, France) // *The Prehistoric apprentice: Investigating apprenticeship, know-how and expertise in prehistoric technologies*. Brno: The Czech Academy of Sciences, 2018. P. 117-136.
5. Assaf E., Barkai R., Gopher A. Knowledge transmission and apprentice-knappers in the Acheulo-Yabourdan: a case study from Qesem cave, Israel // *Quaternary international*. 2015. Vol. 398. P. 70-85.
6. *Archaeology and apprenticeship: Body knowledge, identity and communities of practice*. Ed. Wendrich W. Tucson: University of Arizona press, 2013. 269 p.
7. Bamforth D.B., Finlay N. Introduction: archaeological approaches to lithic production and craft learning // *Journal of archaeological method and theory*. 2008. Vol. 15. № 1. P. 1-27.
8. Baxter J.E. *The archaeology of childhood. Children, gender and material culture*. Oxford: Altamira Press, 2005. 68 p.
9. Bodu, P. Karlin, C and Ploux, S. "Who's Who? The Magdalenian Flintknappers of Pincevent, France" // *The big puzzle : International Symposium on Refitting Stone Artefacts*. Monrepos: Studies in Modern archaeology, 1987. P. 143-163.
10. Bradley B., Khreisheh N. Knapping skill assessment // *Archaeology and crafts: Experiences and experiments on traditional skills and handicrafts in archaeological open-air museums in Europe*. Proceedings of the VI Open-Arch-Conference in Albersdorf, Germany, 23-27 Sept 2013. Ed. Kelm R. Husum, 2015. P. 54-61.
11. Bril B., Rein R., Nonaka T., Wenban-Smith F., Dietrich G. The role of expertise in tool use: skill differences in functional action adaptations to task constraints // *Journal of experimental psychology: human perception and performance*. 2010. Vol. 36. № 4. P. 825-839.
12. Bril B., Rein R., Nonaka T. How do stone knappers predict and control the outcome of flaking? Implications for understanding early stone tool technology // *Journal of Human Evolution*. 2010. Vol. 59. P. 155-167.
13. Calvo Trias M., Garcia Roselló J., Javaloyas Molina D., Albero Santacreu D. Playing with mud? An ethnoarchaeological approach to children's learning in Kusasi ceramic production / Sanchez Romero M., Alarcon Garcia E., Aranda Jimenez G. Eds. *Children, identity and space*, SSCIP Monograph series 4. Oxford: Oxbow, 2015. P. 88-104
14. Ferguson J.R. An Experimental Test of the Conservation of Raw Material in Flintknapping Skill Acquisition // *Lithic Technology*. 2003. Vol. 28. № 2. P. 113-131
15. Ferguson J.R. The When, Where and How of Novices in craft production // *Journal of archaeological method and theory*. 2008. Vol. 15. № 1. P. 51-67.

16. Finlay N. Blank concerns: Issues of skill and consistency in the replication of Scottish Later Mesolithic Blades // *Journal of archaeological method and theory*. 2008. Vol. 15. № 1. P. 68-90.
17. Fischer A. A late Paleolithic “school” of flint-knapping at Trollesgave, Denmark. Results of refitting // *Acta archaeologica*. 1990. Vol. 60. P. 33-49.
18. Höberg A. Playing with flint: Tracing a child’s imitation of adult work in a lithic assemblage // *Journal of archaeological method and theory*. 2008. Vol. 15. № 1. P. 112-131.
19. Klaric L. Levels of flintknapping expertise and apprenticeship during the late Upper Paleolithic: several illustrative examples from the Early and Late Aurignacian and Middle Gravettian // *The Prehistoric apprentice, Investigating apprenticeship, know-how and expertise in prehistoric technologies*. Brno: The Czech Academy of Sciences, 2018. P. 49-95.
20. Les derniers magdaléniens d’Etiolles. Perspectives culturelles et paléohistoriques. XXXVII suppl. à *Gallia Préhistoire* (L’unité d’habitation Q 31). Ed. N. Pigeot. Paris: CNRS, 2004. 168 p.
21. Lillehammer J. A child is born. The child’s world in the archaeological perspective // *Norwegian Archaeological review*. 1989. Vol. 22. Is. 2. P. 89-105.
22. Lombao D., Guardiola M., Mosquera M. Teaching to make stone tools: new experimental evidence supporting a technological hypothesis for the origins of language // *Scientific reports*. 2017 (nature com)
23. Milne S. B. Raw material availability and paleo-Eskimo novice flintknapping // *Project Muse*. 2013. Vol. 4. P. 119-144.
24. Onhuma K., Aoki K., Akazawa T. Transmission of tool-making through verbal and non-verbal communication: preliminary experiments in Levallois flake production // *Anthropological Science*. 1997. Vol. 105. № 3. P. 159-168.
25. Pigeot N. Apprendre à débiter les lames: un cas d’éducation technique dans l’Unité d’Etiolles // *Bulletins de Société Préhistorique française*. 1986. No 3. Vol. 83. P. 67-69.
26. Pigeot N. Magdaléniens d’Étiolles : économie de débitage et organisation sociale. XXV suppl. à *Gallia Préhistoire*. Paris: CNRS, 1987. 168 p.
27. Ploux S., Karlin C. Le travail de la pierre au Paléolithique ou comment retrouver l’acteur technique et social grâce aux vestiges archéologiques. // *De la Préhistoire aux missiles ballistiques: l’intelligence sociale des techniques*. Paris: La Découverte. P. 46-65.
28. Politis G. Arqueología de la infancia: una perspectiva etnoarqueológica // *Trabajos de Prehistoria*. 1998. Vol. 55. № 2. P. 5-19.
29. Politis G. Children’s activity in the production of archaeological record of hunter-gatherers, an ethnoarchaeological approach / *Global archaeological Eds. Funari P.P.A., Zarankin A., Stovel E.* London: Springer, 2005. P. 121-143.
30. Putt S.P., Woods A.D., Franciscus R.G. The role of verbal interaction during experimental bifacial stone tool manufacture // *Lithic Technology*. 2014. Vol. 39. № 2, P. 96-112.
31. Roux V., David E. Planning abilities as a dynamic perceptual-motor skill: An actualist study of different levels of expertise involved in stone knapping // *Stone knapping: The necessary conditions for a Uniquely hominin behavior*. Eds. Roux V., Bril B. Cambridge: McDonald Institute monographs, 2005. P. 91-108.
32. Roux V., Bril B., Dietrich G. Skills and Learning Difficulties Involved in Stone Knapping: The Case of Stone-Bead Knapping in Khambhat, India // *World Archaeology*. 1995. Vol. 27. № 1. P. 63-87.
33. Singleton, J. (1989). Japanese Folkcraft Pottery Apprenticeship: cultural patterns of an educational institution. / Coy M. Ed. *Apprenticeship: from theory to method and back again*. Albany: State University of New York Press, 1989. P. 13-30.
34. Shelley P.H. Variation in lithic assemblages: an experiment // *Journal of Field Archaeology*. 1990. Vol. 17. P. 187-193.
35. Stapert D. Neanderthal children and their Flints // *PalArch’s Journal of Archaeology in Northwest Europe*. 2007. № 1. Vol. 2. P. 16-38.
36. Sternke F., Sørensen M. The identification of children’s flint knapping products in Mesolithic Scandinavia / McCartan S., Schilting R., Warren G. and Woodman eds. *Mesolithic Horizons*,

Vol. II, Papers presented at the seventh international conference on the Mesolithic in Europe, Belfast, 2005. Oxford: Oxbow books, 2009. P. 722-729.

37. Stout D. Skill and cognition in stone tool production: An ethnographic case study from Iran Jaya // *Current anthropology*. 2004. Vol. 43. № 5. P. 693-722.

38. Weedman K. On the spur of the moment: Effects of age and experience on hafted stone scraper morphology // *American Antiquity*. 2002. Vol. 67. № 4. № 731-744.

39. Weedman K. An ethnoarchaeological study of stone-tool variability among the Gamo Hide-workers of Southern Ethiopia // *Le travail du cuir de la prehistoire a nos jours. XXIIe rencontres internationales d'archeologie et d'histoire d'Antibes* (dir. Audoin-Rouzeau F., Beyries S.). Antibes: Editions APDCA, 2002. P. 131-141.

Об авторах

Еськова Дарья Кирилловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН (Россия), E-mail: bdim@mail.ru

Лев Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН (Россия), E-mail: zaraysk@yandex.ru

Eskova Daria Kirillovna – PhD, researcher at the Institute of archaeology RAS (Russia), E-mail: bdim@mail.ru

Lev Sergey Yurievich – PhD, researcher at the Institute of archaeology RAS (Russia), E-mail: zaraysk@yandex.ru

Кулаков В.И., доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Россия)

ДЕКОР РУКОЯТОК МЕЧЕЙ ЭПОХИ ВИКИНГОВ ИЗ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛТИИ

Археологический материал, добытый археологами за последние годы в ареалах балтских племён, настолько многогранен, что появилась возможность изучить орнамент, которым были украшены рукояти некоторых мечей эпохи викингов, найденных в юго-восточной Балтии. Ранее данный аспект в изучении клинкового раннесредневекового оружия внимания археологов не привлекал. После анализа декора рукоятей 16 клинков, а разной степенью связанности с Балтией, можно констатировать следующее: С определённой долей уверенности прусскую принадлежность можно признать лишь для клинка типа Kazakevičius Desiukiškių, найденного в водах Вислинского/ Калининградского залива. Остальные привлечённые в статье мечи или происходят из собственно скандинавских захоронений могильника Große Kaup, или были обнаружены в погребениях, расположенных на прусском могильнике Ūrzekapinis/Клинцовка-1, обладавших рядом признаков скандинавской погребальной обрядности эпохи викингов. Складывается парадоксальная ситуация: найденные в прусском племенном ареале мечи с декорированными рукоятями к прусской культуре прямого отношения не имеют. Семантика их декоров имеет либо статусно-социальных, либо охранительный характер и не выходит за пределы норм, установившихся в североевропейском декоративном искусстве IX–XI вв. Можно предположить, что собственно балтская по своему происхождению композиция на навершии меча из Вислинского/ Калининградского залива была создана под пусть и косвенным, но – влиянием скандинавских традиций. Более того, значительная часть предметов воинского и конского снаряжения копировалась прусскими мастерами эпохи викингов со скандинавских образцов.

Ключевые слова: Балтия, каролингские мечи, семантика декора рукоятей мечей

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-74-83

Археологический материал, добытый археологами за последние годы в ареалах балтских племён, настолько многогранен, что появилась возможность изучить орнамент, которым были украшены рукояти некоторых мечей эпохи викингов, найденных в юго-восточной Балтии. Ранее данный аспект в изучении клинкового раннесредневекового оружия внимания археологов не привлекал.

Двулезвийные (реже – однолезвийные) каролингские мечи являются довольно распространённой находкой в могилах западно-балтских дружинников X–XI вв. Например, в 70 погребениях, вскрытых в предвоенные годы Карлом Энгелем на грунтовом могильнике Linkuhnen/Ржевское, было найдено 143 меча. Несмотря на то, что в массиве мечей из юго-восточной Балтии, частично обработанных Витаутасом Казакевичюсом [12], интересующие нас клинки составляют не более 15%, в любом случае по сравнению с холодным оружием других раннесредневековых народов Европы, орнаментированные мечи из юго-восточной Балтии достаточно многочисленны. В предлагаемой статье привлечены данные о 16 мечах из Балтии и сопредельных территорий.

Мечи типа J.P.E., датирующиеся в балтийском материале с сер. IX по сер. X в. [12, р. 27], на Самбии известны по раскопкам скандинавского курганного могильника

Кауп, восточнее Янтарного берега – в низовьях Немана на могильнике Linkuhnen/Ржевское (рис. 1). В собственно прусских дружинных погребениях такие мечи обнаружены не были. «Детали их рукоятей украшены ямчатым орнаментом (прототип кольчатого декора, позднее, в раннеорденское время широко распространившегося по Балтии). Способ его изготовления путём плакировки таков: перекрытый по железной поверхности навершия фон, составленный из сплетённой из медной проволоки сетки, выстилался серебряной фольгой. В ней были проделаны круглые отверстия, в которых виднелись фрагменты медной проволоки» [8, с. 134, 135]. С учётом сугубо утилитарного характера декора, отсутствия на деталях рукоятей мечей типа J.P.E. следов композиции можно с определённой долей уверенности утверждать исключительно декоративный характер изображений на упомянутых деталях с отсутствием какой-либо семантической таксономии.

Мечи типа J.P.S датируются Яном Петерсеном X в. [10, с. 177]. Один из них был обнаружен на самой западной границе прусского ареала (рис. 2,2), в восточной части дельты р. Висла, а другой – в Среднем Поднепровье (рис. 2,1). Композиция изображения на навершии рукоятей указанных мечей в своей центральной части включает или

плетённую фигуру, или нижнюю часть мужского туловища. По краям от него – стилизованные головки хищных (судя по загнутым клювам) птиц. Указанные специфические черты свидетельствуют в пользу однозначной интерпретации таких изображений как поздней версии языческой древнегерманской «икон» «Один и вороны», самые ранние образцы которой восходят к началу эпохи Великого переселения народов [5. с. 211-213]. Учитывая высокое социальное значение данного канона, можно предположить о княжеской принадлежности мечей из Mewe/Gniew и Блестова [9. с. 148, 149] и обозначить принцип их использования как статусные детали вооружения, не имевшие практического боевого характера.

Мечи типа J.P.V., датирующиеся Яном Петерсеном первой пол. X в. [10. с. 184]. В балтских древностях В. Казакиявичюс датировал такие клинки X – первой пол. XI вв. [12. р. 64]. В ряде случаев детали рукоятей мечей типа V украшены плакированным «ступенчатым» орнаментом (термин предложен Я. Петерсеном – 10. с. 184). Декорированные сложносоставные навершия рукоятей этих мечей снабжены с обеих сторон миниатюрными изображениями штурмовых значков викингов, расположенных под наклоном, симметрично (**рис. 3,2**). Мечи с такими изображениями, довольно многочисленные (не менее 30 экз.) на просторах Европы встречены по «Пути из варяг в греки...» (**рис. 3**), по мнению П. Паульсена принадлежали знаменосцам конунгов [13. S. 14]. Автор этих строк поддержал эту точку зрения [5. с. 59]. К сожалению, современный немецкий исследователь мечей с упомянутыми изображениями не обратил внимания на их специфическое значение [14. S. 140, 141], скорее всего, просто не заметив эти штурмовые значки.

Меч типа J.P.T., датирующийся Яном Петерсеном X в. [10. с. 180]. Меч был обнаружен в 1929 г. Карлом Энгелем в погр. Li-53 скальвского могильника Linkuhnen/Ржевское. В процессе погребальной церемонии клинок был согнут и побывал на погребальном костре [7. с. 129]. Перекрестие меча и навершие его рукояти украшено плакированными изображениями, близкими стилю Mammen. Если боковые участки навершия имеют весьма схематические

трапециевидные фигуры (стилизованные головы животных/птиц?) (**рис. 4**). Центральная часть навершия рукояти меча занята тщательно изготовленной фигуркой птицы с отсутствующей головой. Она интерпретируется как символ жертвы, приносимой князем для процветания вверенного ему богами народа [2. с. 114, рис. 7,1]. Казалось бы, этот аспект должен свидетельствовать в пользу принадлежности меча из погр. Li-53 князю, однако скромность инвентаря, обнаруженного здесь (кольчатые удила с витым грызлом) [7. с. 129] делает этот вывод (во всяком случае – для данного захоронения) проблематичным.

Меч типа J.P.K., датирующийся Яном Петерсеном IX в. [10. с. 141]. Такой меч был найден при раскопке пней в лесной урочище (Große) Каур в кург. K/151b, датированном по инвентарному комплексу второй пол. IX – нач. X вв. [5. с. 133]. Перекрестие меча из кург. K/151b украшено плакированным декором в виде ряда плетёных крестов, помещённых в разделённые желобками зоны прямоугольной формы (**рис. 5**, внизу). Конструктивно аналогичный декор (правда – орнаментальные фигуры здесь не повторяются) представлен на мече из камерной гробницы в Hedeby (**рис. 5**, вверху). Примечательно то, что фигуры из сплетённых треугольников на навершии меча из Gr. Каур близки (почти аналогичны) таким же фигурам на навершии меча из Hedeby. Данный аспект позволяет предполагать возможное происхождение упомянутых мечей из одной мастерской (круга мастерских). Так как некоторые фигуры на деталях рукояти меча из Hedeby несут следы влияния каролингского искусства, упомянутая мастерская (круг мастерских), скорее всего, находилась на западном побережье Балтики. В определённой доле осторожности можно предполагать характер изображений на представленных двух мечах как обереги их хозяев.

Меч типа J.P.X был обнаружен в 1977 г. в погр. Y-16 могильника Yrkeapinis/Клинцовка-1 и датирован по вещевому комплексу данного захоронения первой пол. XI в. [3. с. 222]. Данный меч представляет собой по форме рукояти почти полную аналогию мечу из Sandefjord, Vestfold, Norge, «который представляет собой переходную

форму к средневековым мечам – нижняя часть навершия стала чуть округлённой» [10. с. 193, рис. 129]. В отличие от норвежских клинков типа J.P.X, лишённых декора, рукоять меча из погр. Y-16 снабжена плакированным орнаментом. На перекрестии он реализован в виде повторяющихся геометрических конструкций, что характерно для прусского декора поздней фазы эпохи викингов [4. с. 263]. На навершии рукояти представлены змеевидные переплетения. Часть из полос этого переплетения заполнена косой штриховкой, что характерно для орнамента в стиле Jellinge (рис. 6). Роскошный характер оформления меча и прочих деталей инвентаря погр. Y-16 позволяет отнести его к числу княжеских захоронений [3. с. 222].

Мечи типа *Kazakevičius Desiukiškių* отличаются серповидным перекрестием и трапцевидным навершием рукояти [12. р. 23]. Такие мечи вместе с типологически близкими им мечами с антенновидным навершием были распространены в поствикинговское время в южной части куршского племенного ареала, являясь церемониальным (культурным) оружием [8. с. 134]. Об указанной специфике использования данных клинков свидетельствуют изображения жертвенных козлов, являвшихся мифическими спутниками бога Перкуно (рис. 7). Перекрестия этих мечей (особенно – меча из музея Барджелло – рис. 7,2) близки по особенностям своей формы перекрестиям мечей типа J.P.Æ. Ян Петерсен отметил распространение этих клинков преимущественно в Восточной Норвегии и датировал их поздней фазой эпохи викингов [10. с. 205, 206].

С определённой долей уверенности прусскую принадлежность можно констатировать лишь для клинка типа *Kazakevičius Desiukiškių*, найденного в водах

Вислинского/ Калининградского залива (рис. 7,1). Остальные привлечённые в статье мечи или происходят из собственно скандинавских захоронений могильника Große Kaup, или были обнаружены в погребениях, расположенных на прусском могильнике *Yrζεkapinis/Клинцовка-1*, обладавших рядом признаков скандинавской погребальной обрядности эпохи викингов (в частности – сожжение в ладье). Таким образом складывается парадоксальная ситуация: найденные в прусском племенном ареале мечи с декорированными рукоятями к прусской культуре прямого отношения не имеют. Семантика их декоров имеет либо статусно-социальных, либо охранительный характер и не выходит за пределы норм, установившихся в североевропейском декоративном искусстве IX-XI вв. Можно предположить, что собственно балтская по своему происхождению композиция на навершии меча из Вислинского/Калининградского залива была создана под пусть и косвенным, но – влиянием скандинавских традиций. Кстати, об этом писали первые публикаторы данного клинка, датировав его XIII в. [11. S. 24]. Более того, значительная часть предметов воинского и конского снаряжения копировалась прусскими мастерами эпохи викингов со скандинавских образцов [6. с. 30].

Из широкого ассортимента каролингских клинков балтские мастера копировали исключительно мечи типа J.P.Æ., простой декор рукоятей которых был удобен для воссоздания на местных изделиях. Остальные мечи, как показывает их каталог, приведённый в статье, оставались в составе инвентаря северных воинов, волею своих непростых судеб оказавшихся в эпоху викингов на Янтарном берегу.

Список литературы

1. Кулаков В.И. Семантика оружия пруссов // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии. Тарту, 1982 - С. 186, 187.
2. Кулаков В.И. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX-XI вв. // Советская археология, № 3, М.: «Наука», 1988 - С. 106-117.
3. Кулаков В.И. Ирζεкапинис // *Stratum plus*, № 5, СПб-Кишинёв-Одесса: Высшая антропологическая школа, 1999 - С. 211-273.
4. Кулаков В.И. Стилистика и символика прусского орнамента I-XI вв. // *Senovės baltų kultūra*, vol. 6, Vilnius: Mintis, 2002 - С. 248-273.

5. Кулаков В.И. Неманский янтарный путь в эпоху викингов, Калининград: Калининградский ПЕН-центр, 2012 - 222 С.
6. Кулаков В.И. Прусские дериваты скандинавской *militaria* // *Acta Militaria Medievalia*, vol. XII, Kraków-Sanok-Wrocław, 2016 - s. 25-33.
7. Кулаков В.И. Linkuhnen/Ржевское: мужские и женские комплексы в раскопках Карла Энгеля (1929, 1932 гг.) // Исторический формат, № 3-4, М., 2017 - С. 125-153.
8. Кулаков В.И. Статусные мечи куршей // Труды КАЭЭ ПГТПУ, вып. XIV, Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2018 - С. 133-143.
9. Коваленко В.П., Кулаков В.И. Мечі конунгів Скандінавії і князів Русі // Друга Чернігівська областна наукова конференція з історичного краєзнавства. Вип. II. Чернігів-Ніжин, 1988 - С. 18-20.
10. Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. Типологическое изучение оружия эпохи викингов, СПб: «Альфарет», 2005 - 331 С.
11. Born H., Neumayer H. Das Erbe der Wikinger? Ein hochmittelalterlichen Schwertgriff mit Tierstil-Tauschierung aus Ostpreußen // *Acta Praehistorica et Archaeologica*, Bd. 46, Berlin, 2014 - S. 1-26.
12. Kazakevičius V. IX-XIII a. baltų kalaviai, Vilnius: Alma littera, 1996 - 173 p.
13. Paulsen P. Feldzeichen der Normannen // *Archiv für Kulturgeschichte*, Bd. 39, H. 1, Bonn, 1957 - S. 3-26.
14. Petri I. Vier ULFBERHT-Schwerter aus der Sammlung des Museums für Vor- und Frühgeschichte, Staatliche Museen zu Berlin // *Acta Praehistorica et Archaeologica*, Bd. 49, Berlin: Staatliche Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz, 2017 - S. 137-187.

Рис. 1. Рукояти мечей типа J.P. E с ямчатым декором: 1 – реконструкция рукояти меча из кург. K2/ могильника Кауп; 2 – погр. Li-131 могильника Linkuhnen/Ржевское; 3 – кург. Inv. РМ III,258,1119:В2 могильника Кауп; 4 - погр. Li-125 могильника Linkuhnen/Ржевское; 5 – реконструкция рукояти меча из погр. We-152 могильника Alt-Wehlau/Прудовка (1 – 5. рис. 148; 2-5 – 8. рис. 4, 5).

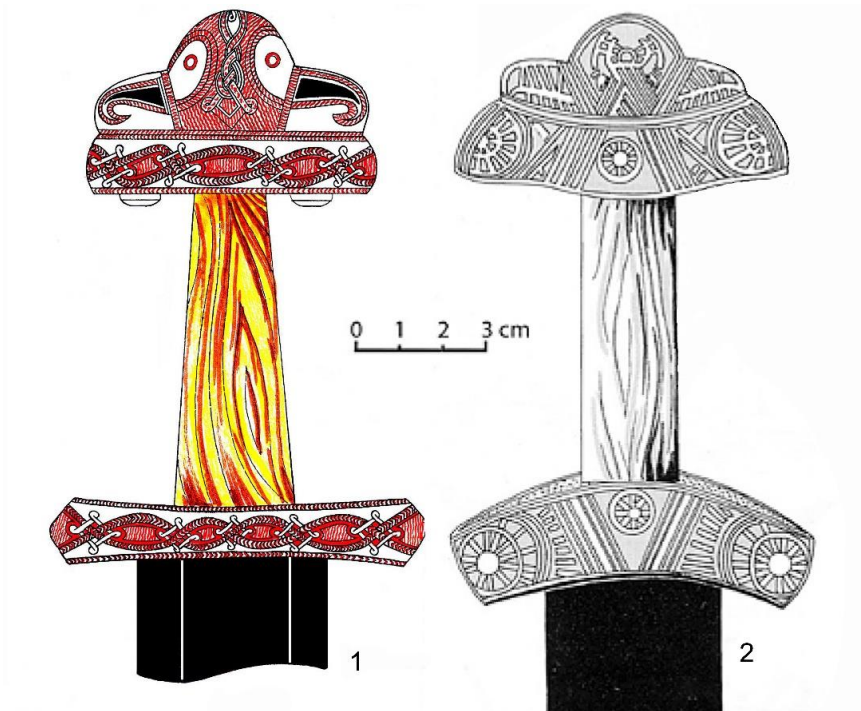

Рис. 2. Реконструкции рукояти мечей с элементами канона «Один и вороны»: 1 – Блистова, Украина; 2 – Mewe/Cieple, woj. Pomorskie, Polska (1 – 9. рис. 1; 2 – 6. рис. 3).

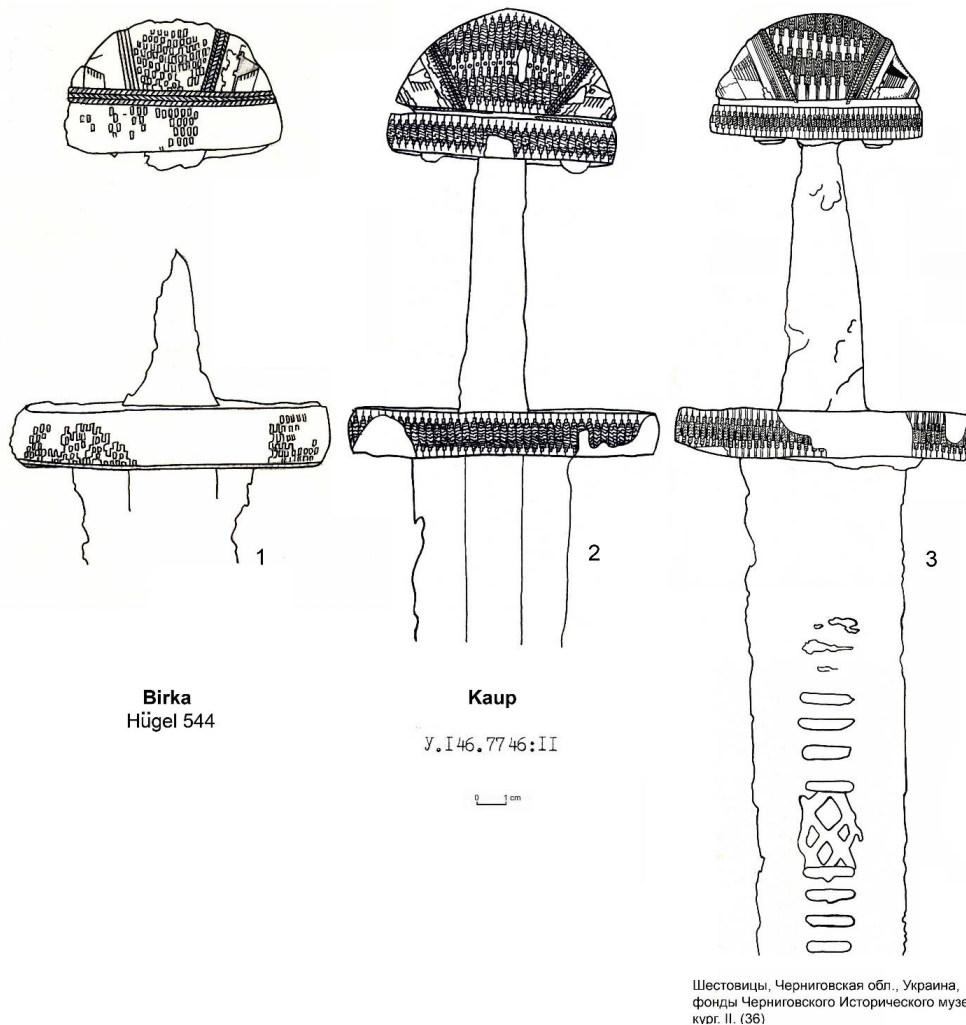

Рис. 3. Мечи с изображениями знамён в находках на Неманском пути: 1 – кург. 544 могильника Birka, Sverige; 2 – кург. Inv. PM V.146.7746:II могильника Кауп; 3 – кург. II (36) могильника Шестовицы, Черниговская обл., Украина [5. рис. 63].

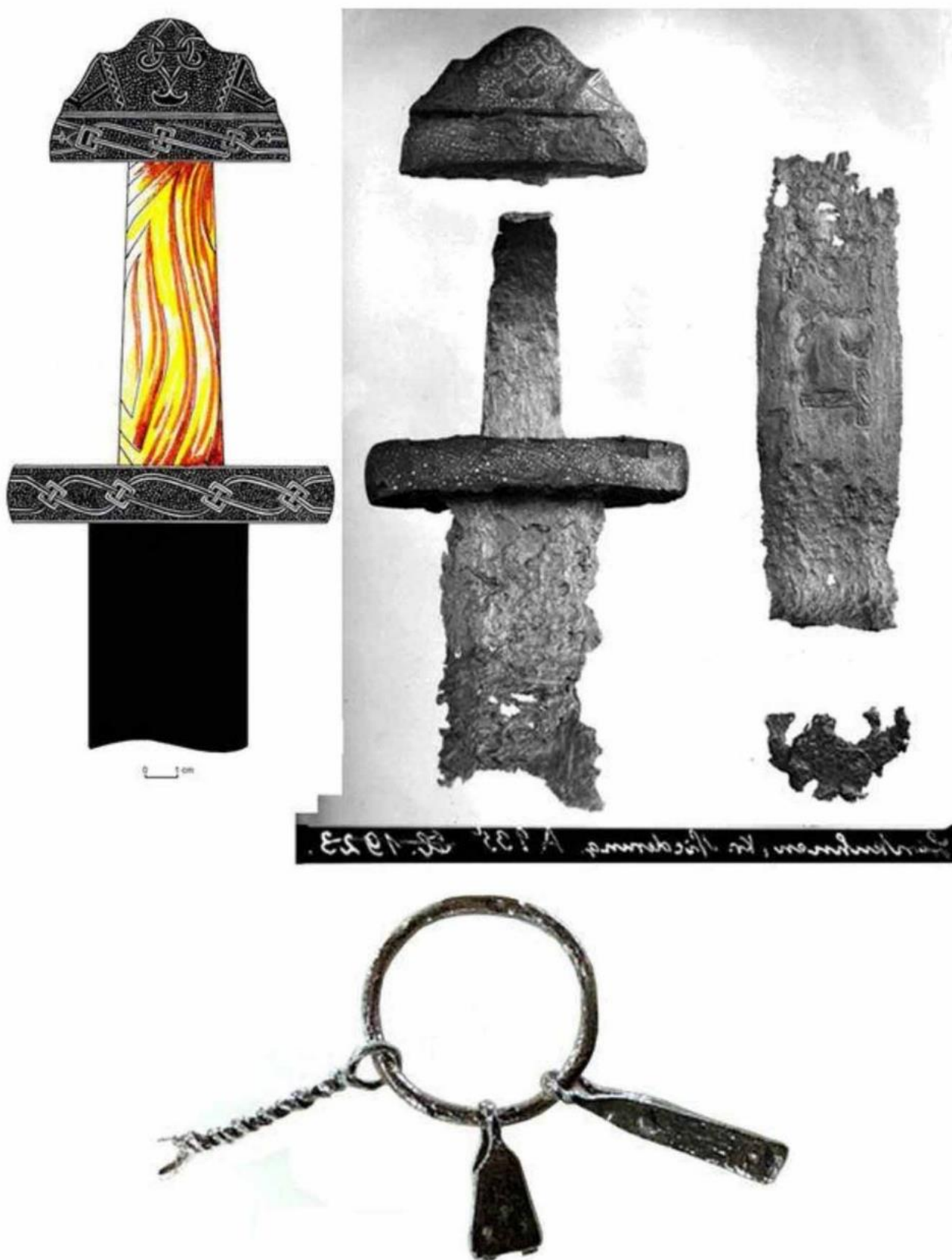

Рис. 4. Часть инвентаря погр. Li-53 могильника Linkuhnen/Ржевское (справа) и реконструкция рукояти найденного здесь меча (слева) [7. рис. 4].

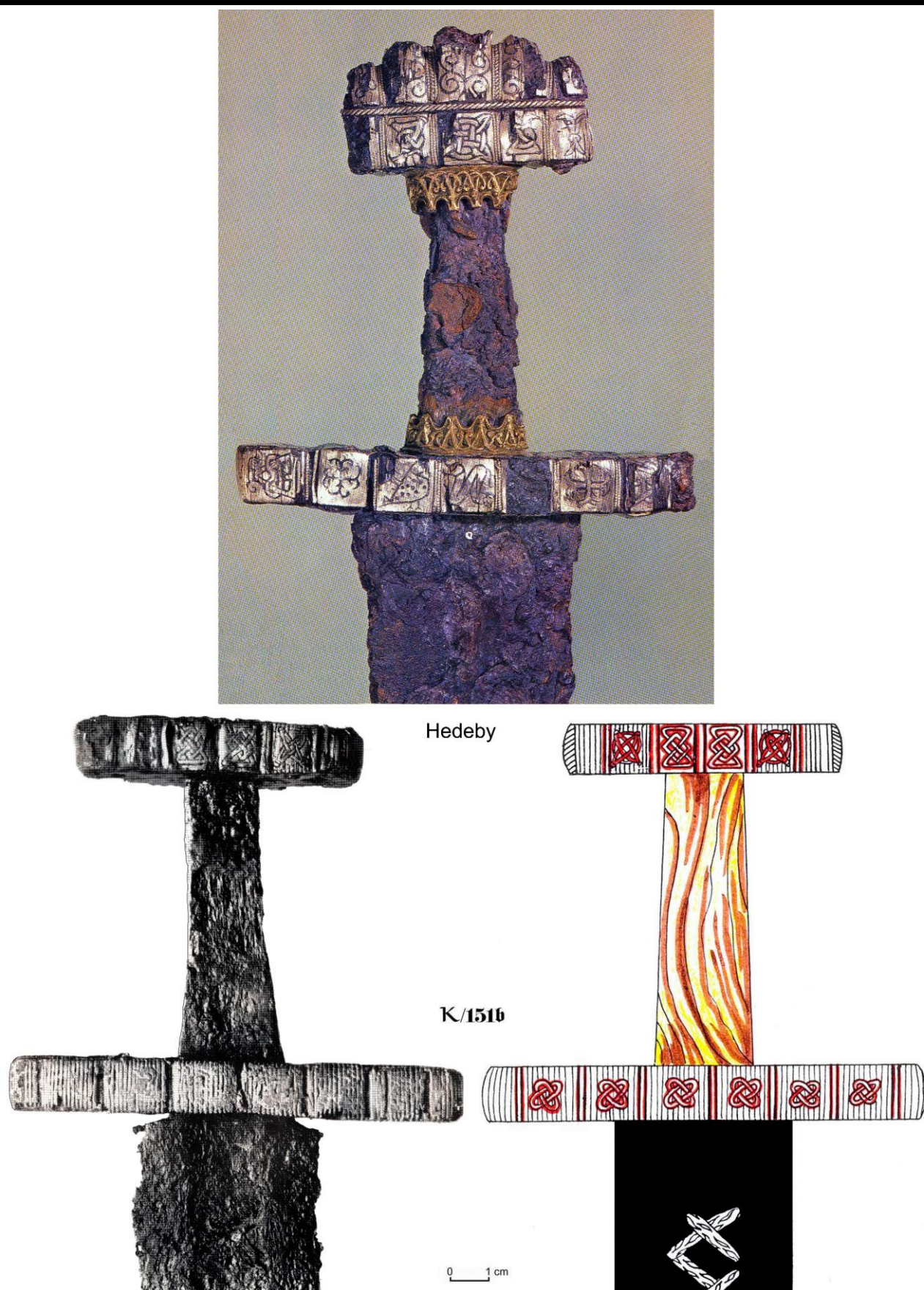

Рис. 5. Рукояти мечей типа J.P.K. из камерной гробницы могильника Hedeby, Land Schleswig-Holstein, Deutschland (вверху) и из кург. K/151b (внизу) [5. рис. 120].

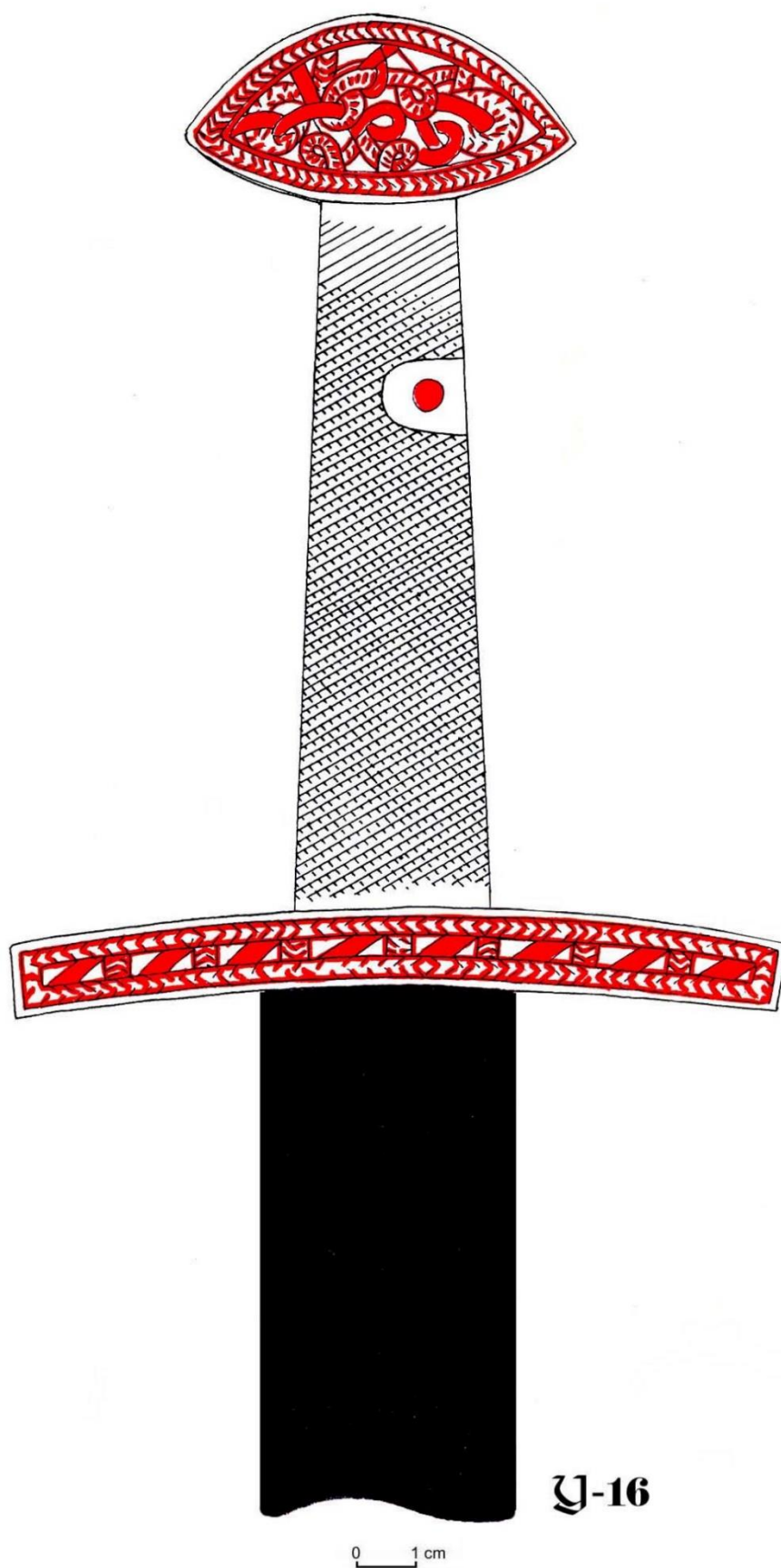

Рис. 6. Реконструкция рукояти меча из погр. У-16 Yrzekapinis/Клинцовка-1 (архив автора).

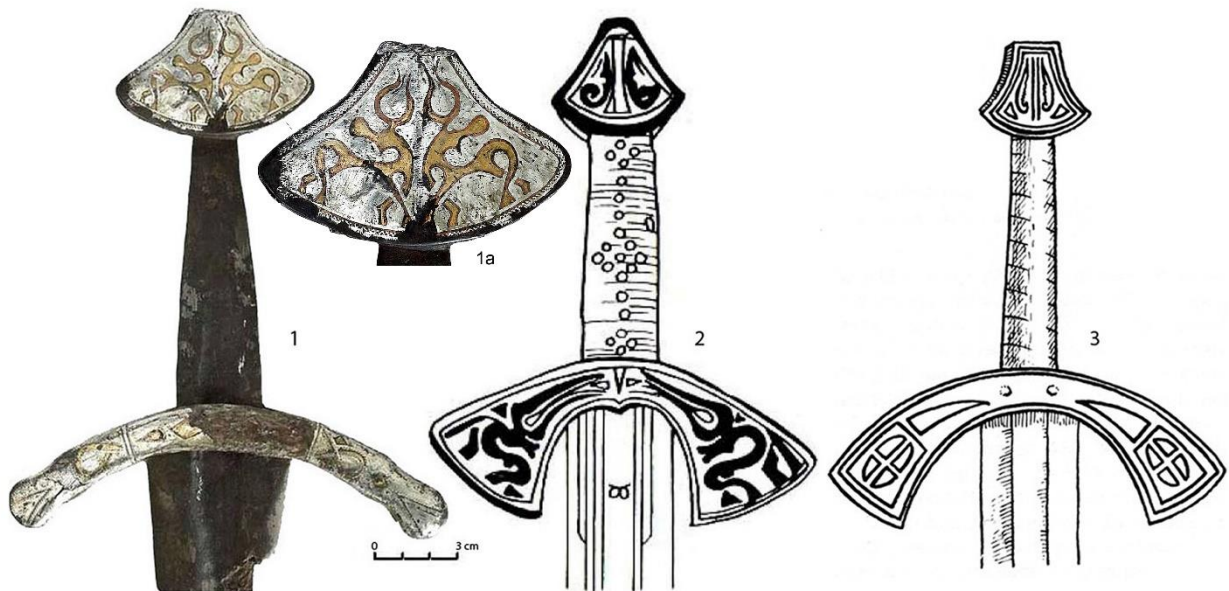

Рис. 7. Рукояти мечей с изображениями жертвенных козлов: 1 – Heiligenbeil/Мамоново; 1a – навершие рукояти меча из Heiligenbeil/Мамоново; 2 – музей Bargello, Fiorenz, Italia; 3 – могильник Desiukiškės, Lietuva (1-3 – 8. рис. 2).

Список сокращений:

КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция

М. - Москва

ПГТПУ - Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

DECOR OF HANDS OF SWORDS OF THE VIKING ERA FROM SOUTH-EAST BALTIC

The archaeological material obtained by archaeologists in recent years in the areas of the Baltic tribes is so multifaceted that it became possible to study the ornament that adorned the hilt of some swords of the Viking Age found in the south-eastern Baltic. Previously, this aspect in the study of blade early medieval weapons did not attract the attention of archaeologists. After analyzing the decor of the handles of 16 blades, and with varying degrees associated with the Baltic, we can state the following: With a certain degree of certainty, Prussian affiliation can only be recognized for a blade of the Kazakevičius Desiukiškių type found in the waters of the Vistula / Kaliningrad Gulf. The remaining swords used in the article either originate from the Scandinavian burials of the Große Kaup burial ground, or were found in burials located at the Prussian burial ground Yrzekapinis / Klintsovka-1, which had a number of signs of the Scandinavian burial rituals of the Viking era. There is a paradoxical situation: the swords with decorated handles found in the Prussian tribal area are not directly related to Prussian culture. The semantics of their decors is either status social or protective in nature and does not go beyond the norms established in the Northern European decorative art of the 9th-11th centuries. It can be assumed that the composition, actually Baltic in origin, on the top of the sword from the Vistula / Kaliningrad Bay was created under the influence of Scandinavian traditions, albeit indirectly. Moreover, a significant part of the items of military and horse equipment was copied by the Prussian masters of the Viking era from the Scandinavian samples.

Keywords: Baltic, Carolingian swords, semantics of sword hilt décor

References

1. Kulakov V.I. The semantics of the weapons of the Prussians // IX All-Union Conference on the Study of History, Economics, Language and Literature of the Scandinavian Countries and Finland. Tartu, 1982 - S. 186, 187.
2. Kulakov V.I. Bird of prey and bird of prey in the symbols and emblems of the IX-XI centuries. // Soviet archeology, No. 3, M.: "Science", 1988 - S. 106-117.
3. Kulakov V.I. Yrzekapinis // Stratum plus, No. 5, St. Petersburg-Chisinau-Odessa: Higher Anthropological School, 1999 - S. 211-273.
4. Kulakov V.I. The style and symbolism of the Prussian ornament of the I-XI centuries. // Senovės baltų kultūra, vol. 6, Vilnius: Mintis, 2002 - S. 248-273.
5. Kulakov V.I. Neman Amber Route in the Viking Age, Kaliningrad: Kaliningrad PEN Center,

2012 - 222 С.

6. Kulakov V.I. Prussian derivatives of the Scandinavian militaria // *Acta Militaria Medievalia*, vol. XII, Kraków-Sanok-Wrocław, 2016 - s. 25-33.

7. Kulakov V.I. Linkuhnen / Rzhevskoye: male and female complexes in the excavations of Karl Engel (1929, 1932) // *Historical format*, No. 3-4, M., 2017 - P. 125-153.

8. Kulakov V.I. Status Swords of the Curon // *Proceedings of the KAEE PSTU*, vol. XIV, Perm: Perm State Humanitarian and Pedagogical University, 2018 - S. 133-143.

9. Kovalenko V.P., Kulakov V.I. The swords of the Scandinavians and the princes of Rus // *Druha Chernigivska regional science conference with historical kraznevstva. Vip. II. Chernigiv-Hizhin*, 1988 - S. 18-20.

10. Petersen J. Norse swords of the Viking era. Typological study of weapons of the Viking era, St. Petersburg: "Alpharet", 2005 - 331 С.

11. Born H., Neumayer H. Das Erbe der Wikinger? Ein hochmittelalterlichen Schwertgriff mit Tierstil-Tauschierung aus Ostpreußen // *Acta Praehistorica et Archaeologica*, Bd. 46, Berlin, 2014 - S. 1-26.

12. Kazakevičius V. IX-XIII a. baltų kalaviai, Vilnius: Alma littera, 1996 - 173 p.

13. Paulsen P. Feldzeichnen der Normannen // *Archiv für Kulturgeschichte*, Bd. 39, H. 1, Bonn, 1957 - S. 3-26.

14. Petri I. Vier ULFBERHT-Schwerter aus der Sammlung des Museums für Vor- und Frühgeschichte, Staatliche Museen zu Berlin // *Acta Praehistorica et Archaeologica*, Bd. 49, Berlin: Staatliche Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz, 2017 - S. 137-187.

Об авторе

Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Россия), E-mail: drkulakov@mail.ru

Kulakov Vladimir Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, E-mail: drkulakov@mail.ru

УДК 94:070 "1985/1991"

Моисеенко А.Д., магистрант 2 курса, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Россия)

Шевцов В.В., доктор исторических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Россия)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ ПРАЗДНОВАНИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЕ ЗНАМЯ» (1985–1991 гг.).

В статье исследуются идеологические нарративы позднесоветской эпохи, посвященные празднованию дня Октябрьской революции (1985–1991). Эмпирическая база исследования основана на материалах газеты «Красное знамя» (г. Томск). Ставится вопрос относительно динамики структуры празднования дня Октября на страницах позднесоветских идеологических текстов в контексте изменения коммеморативного и политического пространства эпохи перестройки на локальном материале. Основным теоретическим принципом является предложенный Виктором Тёрнером синтез структуры и антиструктуры ритуального действия, на основании которых строится любое праздничное действие. Актуализация исследования основана на современном состоянии коммеморативных пространств «травмы» и «ностальгии» в российском политическом дискурсе относительно событий Октябрьской революции. Основные исследовательские выводы связаны с понятиями двойственная идентичность советского обывателя, политическая отчужденности и рессентимент.

Ключевые слова: история СССР, перестройка, праздник, день Октябрьской революции, коммеморативные практики, идеологический дискурс, газеты, Томск.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-84-92

Исследования перестроечных событий осуществляются разными направлениями, сконцентрированными на изучении институциональных структур, таких как: политические и экономические реформы и т. д. [24; 30]. Но в отличие от изучения более раннего периода, присутствует существенный недостаток исследований в рамках такого направления как «историческая антропология».

В современном политическом дискурсе существуют противоположные интерпретации относительно событий Октября и его празднования. Спектр мнений варьируется в зависимости от коммеморативного пространства, в рамках которого оно выражается: от «ностальгии» по прошедшим событиям, до «травмы», влекущей за собой попытку «забвения» [4]. В данном диапазоне контекстов представляется актуальным рассмотреть базовые механизмы трансформации коммеморативных практик перестройки относительно Октябрьской революции, поскольку советские праздники представляют собой интерес не только в рамках историко-культурной сферы изучаемого периода, но и в контексте определенной преемственности конвенциональных практик советской и постсоветской эпох. Безусловно, не стоит отождествлять социальные структуры двух указанных периодов, что неизбежно ведёт к по-

иску устойчивых исторических закономерностей. Современные культурные практики не могут быть идентичны позднесоветским. Однако выразим солидарность замечанию Д. Г. Горина, согласно которому переориентация одних важных дат на другие не меняет базовые структуры культурной логики, которая основана на сакрализации определенных исторических феноменов [8]. Именно в таком ключе возможно рассуждать об условной «преемственности».

По мнению Алексея Юрчака, позднесоветский идеологический дискурс до перестройки имел статичную структуру в виде «авторитетного дискурса» и организовывался на базе гипернормализации идеологических нарративов. Поскольку «новые» тексты повторяли уже существующие формулировки, он перестал выполнять одну из важнейших функций идеологии – описание реальности, а его основой стал перформативный сдвиг, который позволял создавать новые параметры социальной реальности. Этот феномен конструировал пространство вненаходимости, которое позволяло советскому обывателю находиться одновременно внутри и вне дискурсивной системы. Идеология советского государства приобрела характерную «застойность», преобразовавшаяся позднее в кризис. Реформы перестройки

были направлены на выход из него, но в институциональном выражении. Горбачёв «создал» новое мета-дискурсивное пространство по отношению к дискурсу, которое было сконструировано несознательно через политику гласности, позволившей осуществлять поиск механизмов трансформации системы не только партийным функционерам, но и другим элементам [28, С. 572–583].

Настоящая статья обращается к коммеморативным структурам празднования дня Октябрьской революции. В таком контексте следует обозначить базовые элементы не только функционирования идеологического дискурса, но и символического порядка системы. Томас Шерлок обозначает основу позднесоветской символической системы как «ленинский миф», который образуется слиянием двух означающих «Ленин» и «Октябрьская революция». По мнению Шерлока, этот миф выполнял две важнейшие функции: 1) системная – конфигурировала символы и взаимоотношения между партией и обществом; 2) узко политическая – была некоторым идеальным механизмом действия для партийных функционеров, людей создававших идеологические тексты, и именно в этом значении «ленинский миф» конструировал общую советскую идентичность [26, С. 88–91]. Однако отдельной функцией важно выделить – коммеморативную, поскольку представленные означающие являлись базисом для всех существовавших в обществе стратегий воспоминания. Даже День Победы изначально существовал в рамках синтеза с событиями Октября. Но в 1970-х гг. связка «революция – война» стала приобретать более антропологические черты. Со временем память о войне начинает приобретать зримую автономность, отрываясь от образа революции [3]. Однако попытка объединения двух исторических событий из разных контекстов, свидетельствует о важности коммеморативной функции «ленинского мифа».

В седьмом номере журнала «Коммунист» за 1987 г. вышла статья «Ленинизм, революция, современность», в которой перестройка интерпретировалась как «прямое продолжение дела Октября. Её цель – претворить в жизнь очищенные от всего наносного принципы и идеалы социалистической революции» [11, С. 58–68]. В таком контексте

«сшивки» в эпоху политических трансформаций значимо рассмотреть логику празднования одного из главных событий в истории государства. Тем не менее, для настоящей работы не представляет принципиальной значимости проследить взаимосвязь внутренне-политической составляющей и механизмов празднования Октября. Релевантным видится рассмотрение исключительно трансформации структуры празднования в обозначенный период. Понимание «структура» заимствовано из работы антрополога Виктора Тёрнера, который определял ритуальный процесс как совокупность структурных и антиструктурных элементов. Согласно данной дихотомии структура представляется как особая конфигурация правил повседневной реальности, определяющая и базовые действия праздничного ритуала, а антиструктура – как поле несоответствия обыденной жизни, которая в конечном итоге возвращает искаженное понимание реального через призму разрушения «нормального» в обратное состояние структуры (то есть реальности). В противопоставлении структуры и антиструктуры определяющим значением наделено состояние «лиминальности», т.е. это модус субъекта ритуального действия, характеризуемый Тёрнером как положение «ни здесь ни там, ни то ни сё; ... в промежутке между положениями, предписанными и распределёнными законом, обычаем, условностями и церемониалом» [20, С. 169]. Исследуемый генезис «структуры», т.е. октябрьских репрезентаций позволит определить изменения коммеморативной логики как отдельно взятого празднования Октябрьской революции, так и «ленинского мифа».

Источниковый материал ограничен анализом газеты «Красное знамя» (главной в г. Томск), ретранслировавшей официальную позицию и имевшей строго организованную структуру представления материалов. «Красное знамя» издавалась органом Томского областного комитета КПСС и областного Совета депутатов трудящихся. В период с 1985 по 1991 тираж газеты значительно снизился: от 162427 экземпляров (07.11.1985) до 107408 экземпляров (07.11.1991). Газета выходила 300 раз в год. Локализация обусловлена исследовательским интересом, который

вписан в изучение структурных и антиструктурных основ празднования Октябрьской революции на протяжении всей эпохи позднего социализма в периферийном городе.

С определенной долей условности репрезентационную логику структуры празднования Октябрьской революции в обозначенный период можно разделить на базовые этапы: 1985–1989 (1989 г. – переходный) и период 1990–1991. Первый этап характеризуется определенной преемственностью эпохи «застоя» относительно структурного базиса празднования. Логика конструирования праздничных нарративов характеризовалась строгими гипертекстуальными формами. Основные сюжеты задавались контекстами усердного труда накануне праздника, награждения особо отличившихся и победителей соцсоревнований, а также устойчивого порядка проведения демонстрации и обозначения значимости Октябрьской революции для мировой истории и общественности. В подтверждение данного тезиса представляется важным привести типичные примеры подобных нарративов:

«Демонстрацию открывают городские сводные колонны учащихся школ, профессионально-технических училищ, средних специальных учебных заведений. ... С площади Революции демонстранты следуют по пр. Ленина и на Московский тракт. ...» [16, С. 4].

«Для томичей площадь Революции – место святое, с которым связана история города и личная жизнь. Дважды в год – 1 Мая и 7 Ноября – приходим мы в колоннах на эту площадь... Всего сотни шагов по площади Революции... Эти шаги – наша память о похороненных на этой площади. Эти шаги – наш рапорт о сделанном. Священная часть города...» [19, С. 1].

Часть нарративов в газете связывает перестройку с событиями Октября 1917 г., таким образом легитимируя выбранную партией стратегию реформации идеологического дискурса. В докладе «Октябрь и Перестройка: революция продолжается» М. С. Горбачёв обозначил основные положения, ставшие главной задачей политических изменений, а именно – «дальнейшее углубление и развитие социалистической демократии» на

базе «теоретического и практического восстановления ленинской концепции социализма» [7, С. 31–32]. Примеры, коррелирующие с положениями Горбачёва:

«Перестройка – наследница революции, воплощение ее преобразующего порыва в реальных условиях сегодняшнего дня» [13, С. 1].

«Семьдесят первый год нашей революции. Четвертый год нашей перестройки. Разделенные десятилетиями эти два факта истории накрепко соединяются одним именем – именем Владимира Ильича Ленина» [15, С. 1].

Важным отличием структурной формы репрезентаций празднования периода перестройки от «застоя» было увеличение статей направленных на описание повседневных аспектов празднования, которые редко встречались в предыдущий период. Аргументом являются тексты рекламирующие магазины и товары («выработают больше тортов, пользующихся повышенным спросом, таких, как “Ожидание”, “Первый снег”, “Бисквит с какао”, и других» [21, С. 4] и др.), подготовку потребительских продуктов, которые можно приобрести во время демонстрации («Сейчас готовимся к обслуживанию с лотков во время прохождения демонстрации ... томичей первыми поздравят с праздником продавцы» [9, С.2]), а также проведение праздничного досуга (например, рекомендация «куда пойти в праздники» [10, С. 3] и др.).

70-летний юбилей Октябрьской революции в газете Красное знамя выделяется особыми репрезентационными механизмами новых коммеморативных практик. За 1987 год можно увидеть ряд элементов конструирования памяти об Октябре, которых не было ни до, ни после юбилея. Объём различных событий и открытий памятных мест даже в провинциальном городе крайне сложно изложить в настоящей работе. Скорее это объект изучения отдельной аналитической статьи. Тем не менее, приведём часть примеров: выставка-конкурс молодежного плаката к юбилею Октябрьской революции [5, С. 4]; коллективная работа историков Томского университета “Октябрь в Сибири. Хроника событий (март 1917 – май 1918)” к 70-летию революции [29, С. 2]; открытие мемориальной доски в память о «героях-революционерах,

павших в борьбе против царизма» [18, С. 4] и ряд других не менее значимых примеров, которые в рамках обозначенного тезиса показывают конкретные мероприятия легитимации реформы идеологического дискурса в период перестройки. Таким образом конструировалась новая логика смыслов в коммеморативном пространстве, которое было направлено на синтез ленинского мифа и перестроечных принципов. Однако стоит также отметить, что после юбилейного года газета почти не печатала информацию по подобным коммеморативным практикам.

Выпуски за 1989 год обозначены в работе как переходные, так как в своей структуре они мало чем отличаются от предыдущего рассмотренного периода. Также, в газете можно увидеть подготовительные мероприятия к демонстрации, организации праздничного досуга, соцсоревновательную риторику и т. д. Тем не менее, количество номеров, которые наполнялись октябрьскими нарративами сократилось с 10 до 5 (по сравнению с 1987), а количество статей уменьшилось значительно (с 47 до 10). Однако более важный момент можно выразить в следующей цитате: «Октябрь – важнейшая веха в истории не только народов нашей страны, но и всего человечества. **С разных позиций можно, конечно, по-разному оценивать грандиозность этого события.** Но невозможно не признавать его судьбоносного значения» – высказывания из статьи, написанной корреспондентом ТАСС Г. Шишкиным [27, С. 1]. После неё в номере следует публикация «Моё понимание перестройки», продолжающая общий посыл Шишкина, но в другом формате. Приведём несколько цитат: «Боюсь, для многих разрушение пока и является конечной целью. Ибо часто не вижу желания созидать. ... **Наша сегодняшняя революция не может быть только разрушающей. Грош ей цена без созидания**» [12, С. 1]. Статья корреспондента ТАСС впервые допустила возможность альтернативного взгляда на события Октября 1917 г., но в целом посыл работы повторял логику взаимосвязи перестройки с ленинским мифом прошлых лет. Но следующая после передовицы публикация развивает этот тезис альтернативного взгляда и перекладывает его в иную

плоскость. Автор, ссылаясь на «Интернационал», описывает перестроечную логику через призму формулы «до основания, а затем...». По его мнению, забастовки как метод революционной борьбы (в контексте формулы «перестройка – продолжение революции») в совокупности с различными институциональными действиями (например, Закон о собственности) являются разрушениями «до основания», которые «уже были 70 лет назад». Но при этом автор остаётся в состоянии непонимания того, что современная ему «революция» разрушает уже созданный Октябрьской революцией «духовный и интеллектуальный потенциал нации, народа». Такое понимание поиска общего знаменателя между перестройкой и ленинским мифом является новым в рамках репрезентаций официальной партийной газеты. Безусловно, оно вызвано переосмыслением исторического прошлого страны, которое активно началось в 1988–89 гг. Но важнее то, что такая интерпретация была первым проявлением «радикального сомнения» на страницах газеты Красное знамя. «Радикального» – ни в смысле бинарной логики принятия / неприятия официальной перестроечной риторики. Скорее речь идёт о радикализации сакральности ленинского мифа как такового, который в синтезе с политикой гласности вовлёк советского обывателя в политико-идеологические дискуссии. Однако советский обыватель поздней перестройки не обнаружил в идеологическом мифе констатацию модусов повседневности.

Указанное сомнение в 1990–91 гг. трансформировалось сначала в дискуссию относительно целесообразности празднования Октябрьской революции, а затем и вовсе отразилось в поиск других путей конструирования символического поля. Приведем фрагмент, указывающий на дискуссию о необходимости празднования:

«Делегаты ... поддержали решение областного комитета КПСС о праздновании 73-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» [17, С. 1].

Также, в газете в два последних года существования СССР можно найти ряд интервью со специалистами в социо-гуманитарных сферах познания (например, интервью с

историками Ю. В. Купертом [2] и Н. С. Ларьковым [23, С. 1–2]), в которых осуществляется попытка пересмотра событий Октября 1917 г. Но для настоящей работы наибольший интерес представляют «антропологические» сюжеты, опубликованные на страницах газеты. Каждая из рассказанных историй или мнений уникальны, поэтому представляется актуальным привести некоторые фрагменты текстов, которые своей логикой и структурой радикально отличаются от более ранних нарративов.

В статье «Празднуем?» описаны разговоры корреспондентов редакции накануне праздника по телефону с жителями области:

«– 7 Ноября считаете праздником, Надежда Яковлевна?»

– Да, считаю. Наше поколение воспитывалось так, что это торжественный день. И, несмотря на все изменения, я продолжаю считать, что эта праздничная дата. ...

– Какое настроение, как будете праздновать?

– Настроение, конечно, аховое. И с работой сплошные неясности, ибо грядут изменения, и к празднику ничего нет. Ни в холодильнике, ни в магазине. Единственное, что смогла “придумать”, – не приглашать в этом году гостей. Грустно. Ведь это была традиция» [22, С. 1].

Дежурный обозреватель С. Выгон в статье «Время ли печь пироги» задаётся актуальным в те дни вопросом «Праздновать ли 7 Ноября или объявлять его днем траура?». В попытках ответить на этот вопрос, автор приходит к выводу, что «сегодня, пожалуй, самая горькая годовщина Революции из всех» через призму отчаянности современной ему повседневной реальности:

«...Может быть, в 3000 году именно так, возвышенно, потомки будут думать о нас. Одно утешение, если так. Они ведь не будут знать, что в 73-ю годовщину Революции многим людям даже не из чего было испечь пирог» [6, С. 1].

«[Отношусь] просто, как к исторической дате. Не думаю, что нужно его справлять; пить водку, произносить тосты. Но если мы хотим быть народом со своей историей, то надо эту дату не забывать. А вообще-то получается, что это праздник для бездельников – целых четыре дня...»

[14, С. 1].

Последний приведенный фрагмент является примером кризиса идентичности позднесоветского обывателя, который в более развернутой форме обозначен в следующем «праздничном» выпуске газеты в статье «России нужен праздник»:

«Почувствовать себя единым народом на земле, которая дала тебе дом и работу, где твои дети ходят в школу, – разве это плохо? России нужен свой праздник, в июне ли, в августе или в другое время. Не ее вина, что за десятилетия мы постепенно растеряли все то, чем гордились и чему радовались» [25, С. 1].

Радикальное сомнение, которое отчетливо прослеживалось в статье за 1989 год, в последние два года существования СССР трансформировалось в две устойчивых тенденции, характерных как для конструирования текстов газеты, так и для всего идеологического пространства СССР. Первая тенденция отмечена в последних двух примерах, а именно: двойственная идентичность, которую метафорически можно обозначить тёрнеровским понятием лиминальность («ни здесь ни там, ни то ни сё»). Действительно, ритуал празднования главного события в истории СССР под действием радикального сомнения дифференцировал логику идентификации позднесоветского обывателя, находившейся в промежутке между «советской» и «национальной». Понятие «советская идентичность» условна, поскольку скорее речь идёт о личной самоидентификации каждого обывателя, которая в сегодняшнем политическом пространстве эволюционировала в элементы коммеморативного поля, сформированное идеей увеличения «плотности» воспоминания важнейших событий советской эпохи. Появившееся стремление идентификации в контексте «национальных» нарративов выражено в отчуждении от ленинского мифа, «сакральной части» празднования и т. д. Генезис подобных механизмов идентификации превратился сегодня в разнонаправленные спектры коммеморативных практик и интерпретаций относительно прошлого страны до распада СССР (примеры мнений современных политиков и деятелей интеллектуальной сферы [см. 4]).

Также следует отметить вторую узловую точку, позволяющую нам анализировать идеолого-политические тексты перестроечной эпохи. Речь идёт о понятии, введенном М. А. Анипкиным применительно к данной тематике – рессентимент [1], которое означает ощущение невозможности реализации собственных планов и идей. В этом смысле, невозможно рессентимент отделить от политического и идеологического отчуждения, которое можно увидеть в приведённых примерах. Однако следует отметить, что важнейшим компонентом является «социальная апатия» как советских обывателей, у которых брали интервью корреспонденты газеты, так и у самих создателей политических текстов. Структура нарративов на страницах издания свидетельствует о том, что перестроечный идеологический дискурс преодолел основу логики конструирования текстов, которую К. Хамфри называет «стратегией мимесиса» [31, С. 5–35]. То есть, авторы текстов в результате политики гласности и ликвидации монополии партии на «истинное слово» имели возможность больше не руководствоваться «подстриванием» (очень часто копированием) при производстве статей. Именно таким образом стало возможным появление

повседневных сюжетов в контексте коммеморации дня Октября, который ранее имел строгую структуру воспроизводства «ритуального» процесса.

А. Юрчак интерпретировал мистификацию С. А. Курёхина как окончательный момент разрушения фигуры Ленина как господствующей означающей советского идеологического дискурса [32, С. 190–192]. В таком случае разрушение «ленинского мифа» можно считать окончательно оформленным в логике дифференциации идентификации советского обывателя через призму рессентимента целого поколения, которое непосредственно прослеживается в идеологических текстах перестройки в виде политического отчуждения и социальной апатии. В таком контексте имеет смысл говорить о полноценном разрушении «ленинского мифа». Но следует отметить, что для дальнейшего изучения логики дифференциации и рессентимента, необходимо уделить особое внимание исследованию коммеморативных практик эпохи, которые не на уровне устойчивых закономерностей, а в плоскости генеалогии смыслов имеют отражение в сегодняшних дискуссиях о советском прошлом.

Список литературы

1. Анипкин М. А. Поколение «лишних людей»: антропологический портрет последнего советского поколения // Неприкосновенный запас, № 117, 2018. – С. 290–308.
2. Бозрикова Л. Интервью с историком Ю. В. Купертом // Красное знамя, 7 ноября, Томск, 1990. – С. 1–2.
3. Болтунова Е. «Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию // Неприкосновенный запас, № 116, 2017. – С. 109–128.
4. Великий октябрь: как томские политики оценивают последствия революции. URL: <https://www.tomsk.ru/news/view/129356> (дата обращения: 03.09.19).
5. Власова О. Молодежный плакат // Красное знамя, 1 ноября, Томск, 1987. – С. 4.
6. Выгон С. Время ли печь пироги // Красное знамя, 7 ноября, Томск, 1990. – С. 1.
7. Горбачёв М. С. Октябрь и перестройка, революция продолжается. Доклад на совместном торжестве, заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвящён 70-летию Великой Октябрьской соц. революции, в Кремлевском Дворце съездов, 2 ноября 1987 г. – М.: Политиздат, 1987. – 62 с.
8. Горин Д. Г. От карнавала к литургии: мотивы атеистической космогонии в главном советском празднике // Неприкосновенный запас, № 3 (101), 2015. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/101_nz_3_2015/article/11510/ (дата обращения: 10.10.19).
9. Кондрацкая Х. Первым поздравит продавец // Красное знамя, 6 ноября, Томск, 1986. – С. 2.
10. Куда пойти в праздники // Красное знамя, 4-5 ноября, Томск, 1989. – С. 3.
11. Ленинизм, революция, современность // Коммунист, № 7, 1987. – С. 58–68.
12. Моё понимание перестройки // Красное знамя, 7 ноября, Томск, 1989. – С. 1.
13. На еще не решенных задачах // Красное знамя, 6 ноября, Томск, 1986. – С. 1.

14. Надо ли прощаться с праздником? // Красное знамя, 6 ноября, Томск, 1991. – С. 1.
15. Октябрьская атмосфера перестройки // Красное знамя, 7 ноября, Томск, 1988. – С. 1.
16. План проведения демонстрации в г. Томске 7 ноября 1985 года // Красное Знамя, 5 ноября, Томск, 1985. – С. 4.
17. Решено отметить праздник // Красное знамя, 1 ноября, Томск, 1990. – С. 1.
18. Семенов Р. Не склонившие головы // Красное знамя, 8 ноября, Томск, 1987. – С. 4.
19. Стоилов Э. Ожидание праздника // Красное знамя, 6 ноября, Томск, 1988. – С. 1.
20. Тёрнер В. Ритуальный процесс. Структура и антиструктура // Тёрнер В. Символ и ритуал. – М., 1983. – С. 104–264.
21. Торговый сервис в праздник // Красное знамя, 2 ноября, Томск, 1986. – С. 4.
22. Торжество без друзей // Красное знамя, 7 ноября, Томск, 1990. – С. 1.
23. Фролов Е. С вершины баррикад. Интервью с историком Н. С. Ларьковым // Красное знамя, 7 ноября, Томск, 1991. – С. 1–2.
24. Хоскинг Д. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе / Джеффри Хоскинг; пер. с английского В. Артемова. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 544 с.
25. Шеремет Н. России нужен праздник // Красное знамя, 7 ноября, 1991. – С. 1.
26. Шерлок Т. Исторические нарративы и политика в Советском Союзе и постсоветской России / Томас Шерлок ; [пер. с англ. А. Л. Раскина и А. А. Пешкова]. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 325 с.
27. Шишкин Г. Событие, изменившее лицо земли // Красное знамя, 7 ноября, Томск, 1989. – С. 1.
28. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Алексей Юрчак; предисл. А. Беляева; пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с.
29. Якимова Т. Книги историков // Красное знамя, 6 ноября, Томск, 1987. – С. 2.
30. Boettke P. Why perestroika failed: The politics and economics of socialist transformation. – London, New York: Routledge, 1993. – 199 p.
31. Humphrey C. The 'Creative Bureaucrat': Conflicts in the Production of Soviet Communist Party Discourse // Inner Asia, Vol. 10, No. 1, Special Issue: Cadres and Discourse in Late Socialist Societies, 2008. – pp. 5–35.
32. Yurchak, A. The canon and the mushroom. Lenin, sacredness, and Soviet collapse // Hau: Journal of Ethnographic Theory Vol. 7, No. 2, 2017. – pp. 165–198.

TRANSFORMATION OF THE CELEBRATION STRUCTURE OF THE OCTOBER REVOLUTION ON THE PAGES OF "THE KRASNOYE ZNAMYA" NEWSPAPER (1985–1991)

The ideological narratives of the late Soviet era dedicated to the celebration of the October Revolution Day (1985–199) are explored in the article. The empirical base of the research is based on the materials of the newspaper "Krasnoye znamya" (Tomsk). The question is posed about the dynamics of the structure of the celebration of October Day on the pages of late Soviet ideological texts in the context of changing the commemorative and political space of the Perestroika on local material. The main theoretical principle is the synthesis of structure and anti-structure of ritual actions proposed by Victor Turner on the basis of which any celebratory action is built. The actualization of the study is based on the modern status of commemorative spaces of "trauma" and "nostalgia" in the Russian political discourse regarding the events of the October Revolution. The main research findings are connected to the concepts of dual identity of the Soviet citizen, political estrangement and resentment.

Keywords: USSR history, Perestroika, holiday, October Revolution day, commemorative practices, ideological discourse, newspapers, Tomsk.

References

1. Anipkin M. A. (2018) Pokolenie «lishnih lyudej»: antropologicheskij portret poslednego sovetского pokoleniya [Generation of "Extra People": Anthropological Portrait of the Last Soviet Generation] // Neprikosnovennyj zapas [Inviolable stock], № 117. – P. 290–308.
2. Bozrikova L. (1990) Interv'yu s istorikom Yu. V. Kupertom [Interview with historian Yu. V. Cupert] // Krasnoe znamya. *Red Banner*. 7 November, Tomsk. – P. 1–2.

3. Boltunova E. (2017) «Prishla beda, otкуда ne zhdali»: kak vojna poglotila revolyuciyu [“Trouble came, from where they did not wait”: How The War absorbed The Revolution] // *Neprikosnovennyj zapas* [Inviolable stock], № 116. – P. 109–128.
4. Velikij oktyabr': kak tomskie politiki ocenivayut posledstviya revolyucii [The October Revolution: how Tomsk politicians appreciate the consequences of the revolution]. URL: <https://www.tomsk.ru/news/view/129356> (date viewed.: 03.09.19).
5. Vlasova O. (1987) Molodezhnyj plakat [Youth poster] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 1 November, Tomsk. – P. 4.
6. Vygon S. (1990) Vremya li pech' pirogi [Is it time to bake pies] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 7 November, Tomsk. – P. 1.
7. Gorbachyov M. S. (1987) Oktyabr' i perestrojka, revolyuciya prodolzhaetsya [October and perestroika, the revolution continues]. – M.: Politizdat. – 62 p.
8. Gorin D. G. (2015) Ot karnavala k liturgii: motivy ateisticheskoy kosmogonii v glavnom sovetском prazdnike [From carnival to liturgy: motives of atheistic cosmogony in the main Soviet holiday] // *Neprikosnovennyj zapas* [Inviolable stock], № 101. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyj_zapas/101_nz_3_2015/article/11510/ (date viewed: 10.10.19).
9. Kondrackaya H. (1986) Pervym pozdravit prodavec [The seller will be the first to congratulate] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 6 November, Tomsk. – P. 2.
10. Kuda poiti v prazdniki [Where to go on holidays] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 4–5 November, Tomsk, 1989. – P. 3.
11. Leninizm, revolyuciya, sovremennost' [Leninism, revolution, modernity] // *Kommunist. Communist*. № 7, 1987. – P. 58–68.
12. Moyo ponimanie perestrojki [My understanding of Perestroika] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 7 November, Tomsk, 1989. – P. 1.
13. Na eshche ne reshennyh zadachah [On undecided problems] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 6 November, Tomsk, 1986. – P. 1.
14. Nado li proshchat'sya s prazdnikom? [Should I say goodbye to the holiday?] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 6 November, Tomsk, 1991. – P. 1.
15. Oktyabr'skaya atmosfera perestrojki [October atmosphere of perestroika] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 7 November, Tomsk, 1988. – P. 1.
16. Plan provedeniya demonstracii v g. Tomske 7 noyabrya 1985 goda [The plan for the demonstration in Tomsk on November 7, 1985] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 5 November, Tomsk, 1985. – P. 4.
17. Resheno otmetit' prazdnik [Decided to celebrate the holiday] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 1 November, Tomsk, 1990. – P. 1.
18. Semenov R. (1987) Ne sklonivshie golovy [Do not bow their heads] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 8 November, Tomsk. – P. 4.
19. Stoilov E. (1988) Ozhidanie prazdnika [Waiting for the holiday] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 6 November, Tomsk. – P. 1.
20. Turner V. (1983) Ritual'nyj process. Struktura i antistruktura [The Ritual Process: Structure and Anti-Structure] // Turner V. Simvol i ritual. *Symbol and ritual*. – M. – P. 104–264.
21. Torgovyj servis v prazdnik [Shopping service on holiday] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 2 November, Tomsk, 1986. – P. 4.
22. Torzhestvo bez druzej [Solemnity without friends] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 7 November, Tomsk, 1990. – P. 1.
23. Frolov E. (1991) S vershiny barrikad. Interv'yu s istorikom N. S. Lar'kovym [From the top of the barricades. Interview with historian N. S. Larkov] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 7 November, Tomsk. – P. 1–2.
24. Hosking G. (2012) Praviteli i zhertvy. Russkie v Sovetskom Soyuze [Rulers and Victims. The Russians in the Soviet Union]. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie. – 544 p.
25. Sheremet N. (1991) Rossii nuzhen prazdnik [Russia needs a holiday] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 7 November, Tomsk. – P. 1.

26. Sherlock T. (2014) Istoricheskie narrativy i politika v Sovetskom Soyuze i postsovetsoj Rossii [Historical Narratives in the Soviet Union and Post-Soviet Russia]. – М.: Politicheskaya enciklopediya. – 325 p.
27. Shishkin G. (1989) Sobytie, izmenivshee lico zemli [An event that changed the face of the earth] // Krasnoe znamya. *Red Banner*. 7 November, Tomsk. – P. 1.
28. Yurchak A. (2014) Eto bylo navsegda, пока не konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie [Everything Was Forever Until It Was No More. The Last Soviet Generation] – М.: Novoe literaturnoe obozrenie. – 664 p.
29. Yakimova T. (1987) Knigi istorikov [Books of historians] // Krasnoe znamya. *Red Banner*. 6 November, Tomsk. – P. 2.
30. Boettke P. (1993) Why perestroika failed: The politics and economics of socialist transformation. – London, New York: Routledge. – 199 p.
31. Humphrey C. (2008) The 'Creative Bureaucrat': Conflicts in the Production of Soviet Communist Party Discourse // Inner Asia, Vol. 10, No. 1, Special Issue: Cadres and Discourse in Late Socialist Societies. – P. 5–35.
32. Yurchak, A. (2017) The canon and the mushroom. Lenin, sacredness, and Soviet collapse // Hau: Journal of Ethnographic Theory Vol. 7, No. 2. – P. 165–198.

Об авторах

Моисеенко Арсений Дмитриевич – магистрант 2 курса кафедры антропологии и этнологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Россия), E-mail: moiseenkoarseniy@gmail.com

Шевцов Вячеслав Вениаминович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Россия), E-mail: totleben@yandex.ru

Moiseenko Arseniy Dmitrievich – Master's degree student of 2 course of Department of Anthropology and Ethnology, National Research Tomsk State University (Russia), E-mail: moiseenkoarseniy@gmail.com

Shevtsov Vyacheslav Veniaminovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Russian History, National Research Tomsk State University (Russia), E-mail: totleben@yandex.ru

Прилуцкий В.В., доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ «СВЯТЫХ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ» В ЗАПАДНУЮ КАНАДУ НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВВ.¹

Статья посвящена ранней истории Церкви Иисуса Христа Святых последних дней в США и Канаде. Данная проблема впервые исследуется в отечественной историографии на основе канадских и американских документов, до сих пор не вошедших в научный оборот. Особое значение имеют краеведческие печатные источники и данные статистики. Тема остается недостаточно исследованной в канадской исторической науке. Как правило, зарубежные историки изучали биографии видных деятелей Мормонской церкви в Канаде, проблему полигамии и писали исторические очерки о городе и округе Кардстон. Примером подобного исследования является изданная в 1990 г. коллективная монография «Присутствие мормонов в Канаде» под редакцией Б.Я. Карда. Но целостной картины иммиграции мормонов из США и стран Европы на канадский Запад и его освоения ими длительное время представлено не было. Данная работа позволяет заполнить имеющийся в исторической науке пробел.

Ключевые слова: история Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, иммиграция мормонов в Канаду, освоение мормонами Запада Канады, мормонская полигамия, развитие сельского хозяйства и промышленности Альберты в конце XIX – начале XX вв.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-93-97

Мормоны или Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (ЦИХСПД) – новое религиозное движение, возникшее в западной части штата Нью-Йорк в 1830 г. Под давлением властей и враждебно настроенного местного населения в середине XIX в. мормоны были вынуждены переселиться на колонизируемый Дальний Запад США [1, с. 22-25]. Одной из стран, где распространилась новая религия, стала Канада. В ранней истории канадских мормонов можно выделить два периода: 1) 1830-1861 гг. – начало распространения мормонизма в Восточной Канаде и массовая миграция вновь обращенных в Юту; 2) 1887-1910 гг. – переселение (фактическое бегство от преследований) полигамистов («фундаменталистов») из США в Западную Канаду, колонизация мормонами Южной Альберты и сопредельных регионов.

Канада стала объектом активной миссионерской работы уже в ранний период истории мормонов. Верхняя Канада (южная часть современной провинции Онтарио с центром в Йорке-Торонто), населенная тысячами американских лоялистов, покинувших Соединенные Штаты после обретения ими независимости, в 1830–1850-е гг. была ареной столкновений консерваторов-тори, поддерживавших англиканскую церковь, и

«реформаторов», ориентированных на религиозный плюрализм: методистов, пресвитериан и разного рода сектантов. Среди последних оказалось возможным быстрое распространение «новой веры». К середине XIX в. в Канаде были основаны около 40 мормонских общин. Но почти все обращенные канадцы вскоре уехали в США, чтобы вместе с американцами, а также иммигрантами-выходцами из Европы присоединиться к «Сиону» или «Дезерету» – государственному образованию Святых последних дней на территории современного штата Юта [11, р. 19-40]. Канада была важным «донором» для мормонского религиозного движения.

Ситуация радикально изменилась в конце XIX в., когда началась мормонская канадская колонизация провинции Альберта. В 1862-1887 гг. федеральное правительство США приняло серию законов, запрещавших полигамию. Руководство Святых попыталось найти убежища для многоженцев в Канаде и Мексике. Большая часть будущей провинции Альберта исторически являлась крайней западной областью гигантской Земли Принца Руперта (бассейн Гудзонова залива). Данная территория длительное время (1670-1870 гг.) принадлежала британской Компании Гудзонова залива. Южные районы Альберты,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МД-978.2018.6. Соглашение от 15.11.2018 г. № 075-02-2018-404.

включая область современного г. Калгари, оказались в зоне французской колонизации. Южная Альберта (как часть бывшей французской Луизианы) в 1803-1818 гг. принадлежала США, но потом была включена в состав колоний Великобритании. В 1868-1870 гг. Северо-Западные территории были переданы (проданы) Компанией Гудзонова залива Доминиону (Конфедерации) Канада. В 1882 г. был образован отдельный дистрикт Альберта, представители которого входили в законодательное собрание Северо-Западных территорий. Автономию и права провинции регион получил только в 1905 г. (вместе со Скачеваном).

В 1870–1890-е гг. началась активная колонизация Западной Канады. На Запад переселялись различные этнические группы из Европы, соседних штатов США, Атлантических провинций и Онтарио. Образовалась знаменитая «канадская мозаика». Возникали сотни поселений, строились железные дороги, бурно развивалось пашенное земледелие и скотоводство. В районе прерий наступила «эпоха пшеничного бума» [4, с. 101-105]. В 1896-1909 гг. в Канаду из США переселились более 100 тыс. чел., стремившихся получить гомстеды (участки земли для усадеб и ведения сельского хозяйства) на льготных условиях [2, с. 104-105]. Американские мормоны стали одной из многочисленных этноконфессиональных групп, устремившихся в Альберту.

В связи с карательной политикой американского правительства Святые обращали свои взоры на север, на Канаду, в поисках новых мест для получения убежища и заселения. Чарльз Ора Кард (1839-1906), служивший президентом мормонского кола (местной церковной организации) Каче-Уэлли в Юте, вошел в историю как «канадский Бригам Янг». Чарльз Кард был выходцем из штата Нью-Йорк. Его родители присоединились к мормонам в год его рождения. Кард служил миссионером Церкви в восточных штатах и на Среднем Западе. Он был женат на Зине Янг – одной из дочерей второго мормонского пророка Бригама Янга. Внуком Карда и Зины Янг был канадский социолог, регионовед и историк мормонского движения в Канаде Бригам Янг Кард (1914-2006). Чарльз Кард является также прадедом

известного современного американского писателя-фантаста, публициста и политического комментатора Орсона Скотта Карда (род. 1951), прихожанина ЦИХСПД, прославившегося своими скандальными ультраправыми высказываниями. Любопытно, что Ч. Кард первоначально отправился в Канаду в качестве беглеца, запрыгнув на отходивший поезд, опасаясь ареста во время одного из правительственных полицейских «рейдов» против многоженцев. В 1886 г. он побывал с группой мормонов в Британской Колумбии, но подходящей земли для поселения там не нашел [11, р. 35-52].

В 1887 г. старейшина Кард возглавил группу членов Церкви и основал первое мормонское поселение в Канаде, в юго-западной части провинции Альберта, в районе Крик Ли, впоследствии получившее название Кардстон (Cardston). Действовал он с ведома и по поручению президента Церкви убежденного, «стойкого» многоженца Джона Тейлора (1808-1887). Кардстон расположился в прериях примерно в 25 км. (15,5 миль) на севере от границы с американским штатом Монтана и в 40 км. (25 миль) на востоке от Скалистых гор. Одним из первых строений в Кардстоне была мормонская церковь [5, р. 28]. Впоследствии появились фермы, торговые предприятия, магазины, гостиницы, банки, школы, элеваторы, складские помещения. К зиме 1888 г. более ста Святых последних дней жили в Западной Канаде. Значимым ранним поселением мормонов, основанным недалеко от Кардстона, стал поселок Ливитт (Leavitt) (1893 г.), названный в честь Томаса Роуэлла Ливитта, также бежавшего от преследований со стороны федеральных властей. Подавляющее большинство мормонов селились в степях у подножия Скалистых гор, рядом с одной из крупнейших в Северной Америке резерваций индейцев конфедерации «черноногих», объединявшей три родственных племен. Большое количество Святых переехало в Канаду в 1890-е гг., обеспечив рабочую силу для прокладки ирригационной системы и строительства железной дороги [3, с. 100].

Нередко переселение происходило традиционным для Запада способом с использованием крытых повозок с круглой крышей (фургонов), запряженных, как правило, быками и предназначенных для семьи из 5 чел.

Считается, что караваны переселенцев-мормонов в Канаду были последними в истории континента. Караван Карда из Каче-Уэлли двигался по прериям с 6 апреля по 3 июня 1887 г. Традиционно летом в мормонских поселениях проводятся праздничные мероприятия, костюмированные шествия и парады, известные как «День пионеров». В Канаду иммигрировали не только мормоны Юты, но и принявшие новую веру выходцы из Великобритании, соседней Монтаны и даже южных штатов США.

В конце XIX в. в Южной Альберте появились еще 9 новых небольших поселений (деревень) мормонов: Aetna (1888-1893), Fish Creek (Mountain View) (1890), Beazer (1891), Kimball (1897), Caldwell (1898), Taylorville (1898), Magrath (1898/1899), Stirling (1899), Jefferson (Owendale) (1899). После 1900 г. мормонские пионеры основали в Канаде следующие колонии: Woolford (1900), Orton (1901), Raymond (1901), Frankburg (1902), Taber (1902/1903), Welling (1903), Glenwood (Glenwoodville) (1908), Barnwell (Bountiful) (1908), Hill Spring (1910). Часто это были небольшие деревушки, ранчо или хутора, насчитывавшие от нескольких человек до нескольких десятков жителей. И сейчас это тоже малонаселенные пункты (например, в Jefferson и Welling проживают несколько чел., в Woolford – около 10 чел., в Mountain View – 20 чел., позднее 80 чел. и т.д.). Всего в конце XIX – начале XX вв. было основано около 20 населенных пунктов. Наиболее крупные из них, существующие в настоящее время (данные по населению на 2011 г.): Табер (8 104 чел.), Кардстон (3 580 чел.), Маграт (2 217 чел.) [9].

В 70–90-е гг. XIX в. канадское правительство проводило так называемую «национальную политику», нацеленную на поощрение иммиграции, проходившую в условиях территориального роста Канады и интенсивного железнодорожного строительства, создавших благоприятные условия для развития внутреннего рынка и интенсивного освоения богатых природными ресурсами отдаленных районов страны. Переселяясь в новую страну, трудолюбивые мормоны использовали все преимущества канадской «национальной политики». Иммигрировали высококвалифицированные фермеры, опытные в

ведении сельского хозяйства. Американские мормоны являлись первыми из англосаксов, которые в Юте научились вести орошаемое земледелие на больших площадях и строить ирригационные системы. Эти навыки пригодились им в Альберте, в том числе и в округе Кардстон, где Святые также занялись ирригацией [6, p. 148-158].

В 80–90-е гг. XIX в. из США выселялись наиболее фанатические приверженцы полигамии, опасавшиеся репрессий со стороны маршалов Соединенных Штатов. Так, из 19 первых переселенцев (среди них были 3 женщины) в Кардстоне, приехавших в Канаду 3 июня 1887 г., 15 были многоженцами. Установить точное количество полигамных семей не представляется возможным. Известно, что большинство церковных лидеров имели множественных жен, но в Канаде предпочитали жить с одной женой (другие жены проживали в Соединенных Штатах). Так, в 1895 г. многоженцами являлись 4 главных руководителя канадской общины, 10 или 11 чел. из 12 членов Высокого Совета Альберты. В 1897 г. из 49 членов Кворума Священства провинции 24 были полигамами (48%). В 1903 г. количество многоженцев среди высших руководителей увеличилось на 3 чел. В действительности с большой долей уверенности можно говорить только о 7 членах Кворума, как об имевших только одну жену (14%). Имеющиеся канадские документы по 50-52 полигамным семьям свидетельствуют, что более 90% подобных браков были заключены в Юте до Манифеста Церкви 1890 г., упразднившего многобрачие среди Святых (только 5 чел. вступили в множественный брак после 1890 г.). 44% мормонов-многоженцев (23 чел.) имели 3 жены, 17% (9 чел.) – 4 жены, и только у 1 чел. было 5 жен [7].

Ведущую роль в поддержке пионеров и оказании материальной помощи Церковью в переселении из Юты в Альберту сыграл сын третьего пророка Тейлора Джон Уитакер Тейлор (1858-1916), убежденный сторонник и практик многоженства. Он был членом Кворума Двенадцати Апостолов – высшего органа церковной власти. В 1888 г. уже упоминавшийся Кард как глава мормонской делегации официально обратился с петицией к канадским властям в лице главы правительства

Джона А. Макдональда с просьбой получить специальное разрешение на въезд в страну семей мормонов и множественных жен. Как правило, Святые старались иммигрировать в Канаду только с одной женой (оставив остальных в Юте). Канадская общественность крайне негативно относилась к полигамии. Были опасения, что приезжие полигамные семьи окажут плохое влияние на местное население. Макдональд отказался санкционировать просьбу членов Церкви, и уже в 1890 г. Канада приняла законодательство, запрещающее многоженство. Первоначально антиполигамная поправка была добавлена в Акт о преступлениях, связанных с Законом о браке. Напряженность в вопросе о полигамии в обществе начала исчезать после принятия Ютской церковью Манифеста 1890 г., официально запретившего «практику» многоженства среди мормонов. Тем не менее, в 1892 г. полигамия была внесена как преступление в разделы 278 и 706 канадского Уголовного Кодекса (сейчас раздел 293 УК Канады)

[8]. Юридические формулировки против многоженства в основном были заимствованы из принятых Конгрессом США в 1882 г. и 1887 г. законов против полигамии Эдмундса (Edmunds Act) и Эдмундса – Такера (Edmunds-Tucker Law). За почти 130-летнюю историю действия в Канаде законодательство против многоженцев на практике применялось только несколько раз. При этом известны только два успешных судебных преследования нарушителей [10].

В статье была рассмотрена деятельность Святых последних дней в Канаде в конце XIX – начале XX вв. Они сыграли значительную роль в колонизации и освоении ресурсов канадского Запада и особенно провинции Альберта. Мормоны, несмотря на первоначальные трудности, связанные с практикой полигамии, впоследствии успешно интегрировались в канадское общество и достигли значимых успехов в социально-экономической и политической жизни страны.

Список литературы

1. Антоненко С.Г. Мормоны в России. Путь длиной в столетие. М.: ООО «Родина», 2007. 304 с.
2. Данилов С.Ю. История Канады. М.: Весь мир, 2006. 256 с.
3. Наше наследие. Краткая история Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. [Б. м.], [б. и.], 1999. 152 с.
4. Тишков В.А., Кошелев Л.В. История Канады. М.: Мысль, 1982. 268 с.
5. Cardston jubilee: 1887-1962: jubilee souvenir. Cardston (Alberta): Cardston Diamond Jubilee Committee, 1962. 54 p.
6. Chief Mountain Country. A history of Cardston and district / Edited by K. Shaw. Cardston (Alberta): Cardston and District Historical Society, 1978. 536 p.
7. Embry J.L. Exiles for the Principle: LDS Polygamy in Canada // Dialogue: A Journal of Mormon Thought. 1985. № 18. Fall. P. 109, 112-114.
8. Jon Bricker. August 24, 2007. A Polygamy Primer. TheCourt.ca. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thecourt.ca/a-polygamy-primer/> (дата обращения: 21.10.2019 г.).
9. Population and dwelling counts, for Canada, provinces and territories, and census subdivisions (municipalities), 2011 and 2006 censuses. Alberta. [Электронный ресурс]. URL: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2011/dp-pd/hlt-fst/pd-pl/Table-Tableau.cfm?LANG=Eng&T=302&SR=1&S=51&O=A&RPP=9999&CMA=0&PR=48> (дата обращения: 20.10.2019 г.).
10. Protecting the Intimate Space of the Nation: Intimacy, Privilege and Canadian Antipolygamy Laws 1892–2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://dochot.net/document/protecting-the-intimate-space-of-the-nation-intimacy-privilege-and-canadian-antipolygamy-laws-1892-2012> (дата обращения: 22.10.2019 г.).
11. The Mormon Presence in Canada / Edited by Brigham Young Card. Edmonton: University of Alberta Press, 1990. 382 p.

MIGRATION OF AMERICAN «LATTER-DAY SAINTS» TO WESTERN CANADA AT THE TURN OF THE XIX-TH AND XX-TH CENTURIES

The article is devoted to the early history of the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints in the USA and Canada. This problem is investigated for the first time in Russian historiography, based on Canadian and American documents, hitherto not included in scientific circulation. Of particular importance are printed local history sources and statistics. The topic remains under-researched in the Canadian historical scholarship. As a rule, foreign historians have studied biographies of prominent figures of the Mormon Church in Canada, the issue of polygamy and wrote historical essays on the city and county of Cardston. But a complete picture of immigration of the Mormons from the United States and Europe for the Canadian West and their mastering a long time was not presented. An example of such a study is the collective monograph «The Mormon Presence in Canada», edited by B.Y. Card, published in 1990. This work allows us to fill the gap in historical science.

Keywords: history of the Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints, the Mormon immigration to Canada, Mormon exploration of Western Canada, Mormon polygamy, the development of agriculture and industry in Alberta in the late XIX – early XX centuries.

References

1. Antonenko S.G. (2007). *Mormony` v Rossii. Put` dlinoj v stoletie*. M.: ООО «Rodina». 304 s. [Antonenko S.G. *Mormons in Russia. A way of century*. Moscow: LLC Rodina. 304 p.].
2. Danilov S.Yu. *Istoriya Kanady`*. (2006). M.: Ves` mir. 256 s. [Danilov S.Y. (2006). *History of Canada*. Moscow: Whole World. 256 p.].
3. *Nashe nasledie. Kratkaya istoriya Cerkvi Iisusa Xrista Svyaty`x poslednix dnei*. (1999). [B. m.], [b. i.]. 152 s. [Our heritage. Short history of Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. [Without a place, without a publishing house], 1999. 152 p.].
4. Tishkov V.A., Koshelev L.V. *Istoriya Kanady`*. M.: My`sl`, 1982. 268 s. [Tishkov V.A., Koshelev L.V. (1982). *History of Canada*. M.: Thought. 268 p.].
5. *Cardston jubilee: 1887-1962: jubilee souvenir*. (1962). Cardston (Alberta): Cardston Diamond Jubilee Committee. 54 p.
6. *Chief Mountain Country. A history of Cardston and district* / Edited by K. Shaw. (1978). Cardston (Alberta): Cardston and District Historical Society. 536 p.
7. Embry J.L. (1985). *Exiles for the Principle: LDS Polygamy in Canada*. // *Dialogue: A Journal of Mormon Thought*. № 18. Fall. P. 109, 112-114.
8. Jon Bricker. August 24, 2007. *A Polygamy Primer*. TheCourt.ca. (2007). Retrieved 21 October, 2019 from <http://www.thecourt.ca/a-polygamy-primer/>.
9. *Population and dwelling counts, for Canada, provinces and territories, and census subdivisions (municipalities), 2011 and 2006 censuses*. Alberta. (2011). Retrieved 20 October, 2019 from <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2011/dp-pd/hltfst/pd-pl/Table-Tableau.cfm?LANG=Eng&T=302&SR=1&S=51&O=A&RPP=9999&CMA=0&PR=48>.
10. *Protecting the Intimate Space of the Nation: Intimacy, Privilege and Canadian Antipolygamy Laws 1892–2012*. (2012). Retrieved 22 October, 2019 from <https://dochot.net/document/protecting-the-intimate-space-of-the-nation-intimacy-privilege-and-canadian-antipolygamy-laws-1892-2012>.
11. *The Mormon Presence in Canada* / Edited by Brigham Young Card. (1990). Edmonton: University of Alberta Press. 382 p.

Об авторе

Прилуцкий Виталий Викторович – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: vitaliypr@yandex.ru

Prilutskiy Vitaliy Viktorovich – Dr. Sci. (Hist.), Docent, Department of General History, International Relations and International Law, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky (Russia), Email: vitaliypr@yandex.ru

Прилуцкий В.В., доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

МОРМОНСКАЯ ОБЩИНА В ПРОВИНЦИИ АЛЬБЕРТА В XX в.¹

В статье характеризуется развитие мормонской общины в канадской провинции Альберта в течение XX в. Мормоны - члены Церкви Иисуса Христа Святых последних дней оказали большое влияние на развитие Канадского Запада в XX в. Переселенцы из США принимали участие в колонизации неосвоенных территорий, основали десятки поселений в южной части Альберты. Мормоны занимались преимущественно сельским хозяйством в канадских прериях. Провинция Альберта стала крупным центром животноводства и производства пшеницы, ячменя, рапса, свеклы, овса. Во второй половине XX в. она пережила бум в нефтяной промышленности и превратилась в один из наиболее густонаселенных регионов Канады. Исторически Альберта являлась главным центром Церкви Иисуса Христа Святых последних дней в Канаде. Многие высшие церковные руководители были выходцами из данной провинции. Мормоны Альберты, несмотря на связанные с многоженством конфликты в начале XX в., в конечном итоге успешно интегрировались в экономическую, культурную и политическую жизнь канадского общества.

Ключевые слова: история Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, освоение мормонами Запада Канады, поселения мормонов на юге провинции Альберта, исторические достопримечательности и архитектура мормонов Альберты, развитие сельского хозяйства и промышленности Альберты в XX в.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-98-102

Важнейшим центром Мормонской церкви в Канаде в XX в. являлась западная провинция Альберта. Канадские мормоны по этническому происхождению были и остаются преимущественно англосаксами (70%). 30% имеют немецкие, голландские и скандинавские корни. Разговорным языком всей религиозной группы является английский. Огромную роль в жизни мормонов играла и играет религия. Существует сложная иерархия церковных начальников и духовных пастырей, которые занимаются всеми делами общины. Несмотря на особенности быта и религии, мормоны, благодаря общности языка, не изолировались от канадской социальной жизни. Канадские мормоны всегда были тесно связаны с американской общиной. В рассматриваемую эпоху сохранялись также тесные родственные и религиозно-церковные связи мормонов Канады и США с Великобританией, откуда шел основной поток переселенцев в Северную Америку.

К 1910 г. насчитывалось около 10 тыс. Святых последних дней в Южной Альберте. В отличие от местного англоканадского сельского населения прерий (англичан, шотландцев, ирландцев), предпочитавшего жить преимущественно на отдельных фермах или хуторах, мормоны-выходцы из США

стремились селиться компактно: деревнями, городскими поселками или небольшими степными городами. Но мормонские общины являлись лишь религиозными, но не хозяйственными единицами. В экономическом отношении они распадались на отдельные независимые хозяйства-фермы. Главной культурой на фермах мормонов стала пшеница. Впоследствии в севообороте большое значение приобрела сахарная свекла.

Мормонские приходы, расположенные в одной географической местности, объединялись ранее и объединяются в настоящее время в «кол Сиона». Это странное название восходит к тем временам, когда переселенцы на новых территориях вбивали в землю кол, чтобы за столбик за собой участок. Старейшина Чарльз Кард (1839-1906) стал первым президентом кола Альберты в Церкви Святых последних дней, созданного 9 июня 1895 г., – первого кола в истории мормонов, учрежденного за пределами Соединенных Штатов. Он занимал эту церковную должность до 1902 г. В 1903 г. кол был разделен на два новых церковных округа: один с центром в Кардстоне и второй – с центром в соседнем городке Реймонд, получившем название «кол Тейлора» в честь покойного президента Церкви. Центром религиозной жизни Святых

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МД-978.2018.6. Соглашение № 075-15-2019-486.

являются молельни и центральный храм своеобразной архитектуры [10].

В 1913 г. Церковь Иисуса Христа Святых последних дней начала строительство храма в Кардстоне. В августе 1923 г. канадский храм торжественно открыл и освятил седьмой президент Церкви Хибер Джедди Грант (1856-1945) [4]. Храм в Кардстоне является старейшим мормонским храмом, построенным за пределами континентальной территории Соединенных Штатов (формально первым храмом можно считать храм на Гавайях, построенный в 1919 г., но Гавайские острова входили в то время в состав США на правах самоуправляемой территории) [9].

Одним из видных деятелей раннего периода мормонской колонизации Альберты был выходец из столицы Юты г. Солт-Лейк-Сити Эдвард Джеймс Вуд (1866-1956). В 1888-1898 гг. он по заданию Церкви вел миссионерскую работу на островах Тихого океана, возглавлял миссию на Самоа. В 1901 г. переехал с семьей в Альберту и стал преемником Карда, являвшегося первым главой мормонов провинции [3, р. 9]. Вуд был примерным семьянином, отцом восьми детей. Но всю жизнь он скрывал наличие второй жены (родной сестры первой жены, постоянно проживавшей в Солт-Лейк-Сити), на которой женился в 1903 г. (уже после запрета 1890 г.) и от которой имел двух детей. В 1903 г. Вуд стал президентом кола Альберты, центром которого был Кардстон. Он оставался на этой должности вплоть до 1942 г. В 1906 г. Вуд организовал покупку Церковью 66 500 акров (269 км.2) земли, на которой основал два мормонских поселения: Гленвуд и Хилл Спринг. В 1923-1948 гг. он являлся президентом Храма в Кардстоне. По состоянию здоровья Вуд оставил церковное руководство, но вплоть до смерти в возрасте 89 лет он занимал почетную должность патриарха кола. В 1958-2004 гг. имя Вуда носила школа в Кардстоне. Мормоны называли Вуда «лучшим президентом кола» и «легендой» [12].

Развитие свекловодства в регионе связывают с именем богатого промышленника, владельца угольных шахт и серебряных рудников из Юты Джесси Найта (1845-1921). Он был одним из немногих крупных капиталистов, горнорудных магнатов «позолоченного

века», которые являлись членами Церкви Святых последних дней [5]. Обилие свободной земли в Канаде и понимание религиозного долга способствовали основанию им в начале XX в. в Южной Альберте города Раймонд (названного в честь одного из сыновей). Найт приобрел 256 000 акров земли (1 035 км.2), создал крупное скотоводческое ранчо, начал освоение полей с орошением для сахарной свеклы и построил завод по ее переработке. Им была учреждена компания «Knight Sugar Company». Усилия Найта и «сахарный свекловодческий бум» привели к так называемой «третьей волне» мормонской иммиграции (преимущественно из штата Юта): в течение 5 лет в Раймонд переселились более 1 500 чел. В настоящее время в городе проживает около 4 тыс. чел. Раймонд стал известен как место проведения первых в Канаде спортивных соревнований ковбоев – родео, которые ежегодно летом проходят в нем с 1902 г. Местной достопримечательностью стала большая мормонская часовня, имеющая уникальный архитектурный облик, построенная на средства общины в 1928-1939 гг. [11]

В начале XX в. началось переселение Святых из крайнего юга провинции (пограничного с США района) на север – в Центральную Альберту, где возникли большие города: Летбридж, Ред-Дир, Калгари и Эдмонтон. В 1921 г. в крупном железнодорожном и угледобывающем центре Летбридже был учрежден новый мормонский кол. В Эдмонтоне община Церкви была организована в 1933 г. В Калгари церковный округ (кол) был учрежден в 1953 г., в Эдмонтоне – в 1960 г. Постепенно многие члены Церкви перешли от сельского хозяйства к профессиональной карьере в иных областях деятельности. Примерно с 1950 г. особенно стало заметным их участие в нефтяной и газовой промышленности, в строительстве железных дорог, в сфере образования, а также в провинциальной политике. Но Альберта до настоящего времени остается основным районом проживания мормонов. В 1951 г. в этой провинции проживали 18 тыс. чел. из 33 тыс. всех мормонов Канады. Около 1 тыс. мормонов насчитывалось в то время в соседней провинции Саскачеван. Более 9 тыс. чел. в середине XX в. были сосредоточены в провинции Онтарио и

около 3 тыс. чел. – в Британской Колумбии. В 1990 г. в Альберте жили более 50 тыс. мормонов, в том числе 12 тыс. чел. – в Калгари [2]. В настоящее время канадские Святые также проживают в основном на крайнем юге провинции Альберта и составляют 1,7 % ее населения (около 60-65 тыс. чел.). Согласно официальной статистике ЦИХСПД по состоянию на январь 2011 г. в Канаде проживали 182 415 мормонов, объединенных в 47 колов, 325 округов, 5 районов (дистриктов), 155 приходов. Действовали 8 миссий, 8 храмов (еще один планируется построить в ближайшие годы), 163 центра семейной истории.

Многие церковные руководители вышли из провинции Альберта. Наиболее известным из них был Натан Элдон Тэннер (1898-1982), родившийся в Солт-Лейк-Сити, но детство и юность проведенный на юге Альберты [8]. В 1935 г. он успешно баллотировался в избирательном округе Кардстон в законодательное собрание Альберты от популистской Партии социального кредита. В период 1935-1952 гг. Тэннер являлся членом и спикером легислатуры, занимал министерские посты в правительстве провинции. В 1960 г. он вошел в высшее руководство Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, став помощником апостола. В 1962 г. Тэннер стал членом Кворума Двенадцати Апостолов, а в 1963 г. был назначен членом Первого (Высшего) Президентства и занимал эту должность вплоть до смерти. Он был сначала Вторым Советником, а потом Первым Советником Пророка-Президента Церкви [6].

В наши дни старые поселки мормонов, построенные в живописной горно-степной местности, являются важными объектами туризма. На юге Альберты на территории, осваивавшейся мормонами в конце XIX – начале XX вв., находятся исторические достопримечательности, расположены несколько музеев и национальных природных парков, а также горнолыжный курорт. В историческом мормонском районе Канады сохранились своеобразные местные «архитектурные памятники», возраст которых насчитывает до 100 лет. Это возвышающиеся над степью старые деревянные элеваторы и другие хозяйственные постройки «эпохи пионеров» (но постепенно они приходят в негодность и уничтожаются; с каждым годом количество

подобных сооружений уменьшается).

В наше время Кардстон является крупнейшим сельскохозяйственным и туристическим центром юга Альберты. В городе проживает 3 580 чел., а в муниципальном округе – около 4 200 чел. Помимо мормонского храма сохранились старые здания, превращенные в музеи: «Домик в прериях», построенный Кардом в 1887 г., первоначально являвшийся центром общины и местом остановки путешественников до строительства первого отеля в 1894 г.; кирпичное здание суда (1907 г.); театр (1912 г.). Имеется также самый большой в Северной Америке исторический музей транспортных средств (повозок, фургонов, саней) [1].

В списке национальных исторических мест значится деревня Стирлинг – одно из немногих хорошо сохранившихся ранних мормонских поселений в Канаде, построенных по так называемому «плану Сиона» (the Plat of Zion). Подобная стандартная планировка улиц была характерна для населенных пунктов, основанных Святыми в середине – второй половине XIX в. в США, включая г. Солт-Лейк-Сити, который начали строить в 1847 г. План идеального поселения («Града Сиона»), предложенный еще Джозефом Смитом в 1833 г., был развит Бригамом Янгом. Как правило, для города и пригородов использовалась прямоугольная планировка с сетью широких улиц, ориентированных с севера на юг и с востока на запад. Город делился на кварталы, располагавшиеся на десятиакровых участках (4 гектара), в которых предусматривались большие по площади аллеи (парки) и водные каналы. В центре поселения располагалась мормонская церковь (молельня, часовня) или храм. Подобная планировка была удобной для ориентирования на местности. В Стирлинге сохранились или были восстановлены дома в викторианском и неоклассическом георгианском стилях, фермы, подворья и усадьбы первых поселенцев, пионеров 1900–1910-х гг. [7] В наши дни численность населения Стирлинга превысила 1 тыс. чел., что дает по закону этой самой большой деревне провинции Альберта право претендовать на получение статуса города.

Таким образом, первоначальным центром расселения членов Мормонской церкви в Западной Канаде стал г. Кардстон в южной

части Альберты недалеко от границы с США. Мормонами было основано в горно-степной зоне множество новых сельских поселений, часть из которых превратилась в индустриальные, культурные и религиозные центры локального уровня. Современная Церковь

Иисуса Христа Святых последних дней – динамично развивающаяся, быстро растущая религиозная организация, с каждым годом увеличивающая свою численность и влияние в Канаде.

Список литературы

1. Alberta Register of Historic Places. Card. [Электронный ресурс]. – URL: <https://hermis.alberta.ca/ARHP/Search.aspx?DeptID=1&st=Card> (дата обращения: 20.10.2019 г.).
2. Bennett R.E. History of the LDS Church in Canada. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.lightplanet.com/mormons/history/canada.html> (дата обращения: 10.10.2019 г.).
3. Cardston jubilee: 1887-1962: jubilee souvenir. Cardston (Alberta): Cardston Diamond Jubilee Committee, 1962. 54 p.
4. Comprehensive list of all the LDS temples in the Mormon Church. [Электронный ресурс]. – URL: <https://churchofjesuschristtemples.org/> (дата обращения: 20.06.2016 г.).
5. Jesse Knight // Utah History Encyclopedia. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.uen.org/utah_history_encyclopedia/k/KNIGHT_JESSE.html (дата обращения: 17.10.2019 г.).
6. N. (Nathan) Eldon Tanner. 1898-1982. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gapages.com/tannene1.htm> (дата обращения: 15.10.2019 г.).
7. National Historic Sites in Alberta. Village of Stirling. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.webcitation.org/5wSOjLmp1?url=http://www.pc.gc.ca/docs/r/ab/sites/stirling_e.asp (дата обращения: 23.10.2019 г.).
8. President N. Eldon Tanner Dies // Ensign. 1983. January. P. 6.
9. Temples. Chronology. [Электронный ресурс]. – URL: <https://churchofjesuschristtemples.org/temples/chronology/> (дата обращения: 20.10.2019 г.).
10. Temples of The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/temples> (retrieved: 19.10.2019).
11. The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints Park Avenue Chapel. [Электронный ресурс]. – URL: <https://hermis.alberta.ca/ARHP/Details.aspx?DeptID=1&ObjectID=4665-0483> (дата обращения: 21.10.2019 г.).
12. Todd J.M. Edward J. Wood: «Faith Personified» // Ensign (LDS Church). 1988. September. P. 50.

MORMON COMMUNITY IN THE PROVINCE OF ALBERTA IN THE XX-TH CENTURY

The article describes the development of the Mormon community in the Canadian province of Alberta during the XXth century. Mormons, members of The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints, had a great influence on the development of the Canadian West in the XXth century. Migrants from the United States took part in the colonization of undeveloped territories, founded dozens of settlements in southern Alberta. Mormons were primarily engaged in farming on the Canadian prairies. Alberta has become a major center for livestock and the production of wheat, barley, canola, beets, and oats. In the second half of the XXth century it has experienced a boom in the oil industry and has become one of Canada's most populous regions. Historically, Alberta has been the main center of The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints in Canada. Many of the top church leaders came from this province. Alberta's Mormons, despite conflicts associated with polygamy at the beginning of the XXth century, eventually successfully integrated into the economic, cultural, and political life of Canadian society.

Keywords: history of the Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints, Mormon exploration of Western Canada, Mormon settlements in Southern Alberta, historical sites and architecture of the Mormons of Alberta, the development of Alberta's agriculture and industry in the XXth century.

References

1. Alberta Register of Historic Places. Card. // URL: <https://hermis.alberta.ca/ARHP/Search.aspx?DeptID=1&st=Card> (retrieved: 20.10.2019).
2. Bennett R.E. History of the LDS Church in Canada. // URL:

<https://www.lightplanet.com/mormons/history/canada.html> (retrieved: 10.10.2019).

3. Cardston jubilee: 1887-1962: jubilee souvenir. Cardston (Alberta): Cardston Diamond Jubilee Committee, 1962. 54 p.

4. Comprehensive list of all the LDS temples in the Mormon Church. // URL: <https://churchofjesuschristtemples.org/> (retrieved: 20.10.2019).

5. Jesse Knight // Utah History Encyclopedia // URL: https://www.uen.org/utah_history_encyclopedia/k/KNIGHT_JESSE.html (retrieved: 17.10.2019).

6. N. (Nathan) Eldon Tanner. 1898-1982. // URL: <http://www.gapages.com/tannene1.htm> (retrieved: 15.10.2019).

7. National Historic Sites in Alberta. Village of Stirling. // URL: https://www.webcitation.org/5wSOjLmp1?url=http://www.pc.gc.ca/docs/r/ab/sites/stirling_e.asp (retrieved: 23.10.2019).

8. President N. Eldon Tanner Dies // Ensign. 1983. January. P. 6.

9. Temples of The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. // URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/temples> (retrieved: 19.10.2019).

10. Temples. Chronology. // URL: <https://churchofjesuschristtemples.org/temples/chronology/> (retrieved: 20.10.2019).

11. The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints Park Avenue Chapel // URL: <https://hermis.alberta.ca/ARHP/Details.aspx?DeptID=1&ObjectID=4665-0483> (retrieved: 21.10.2019).

12. Todd J.M. Edward J. Wood: «Faith Personified» // Ensign (LDS Church). 1988. September. P. 50.

Об авторе

Прилуцкий Виталий Викторович – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского (Россия), E-mail: vitaliypr@yandex.ru

Prilutskiy Vitaliy Viktorovich – Dr. Sci. (Hist.), Docent, Department of General History, International Relations and International Law, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky (Russia), Email: vitaliypr@yandex.ru

Рогожина А.С., кандидат исторических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Целью настоящего исследования является изучение участия государственной власти в формировании системы продовольственного обеспечения населения России первой половины XVIII в., экономическое положение которого подрывали регулярные неурожаи и голод. В статье рассматривается законодательная деятельность Петра I и его преемников по оказанию помощи населению губерний, постигнутых неурожаем. Источниковую базу исследования составляют законодательные акты первой половины XVIII в. и материалы, содержащиеся в Российском государственном архиве древних актов, большинство из которых вводится в научный оборот впервые. При этом анализ источников и исследовательской литературы позволяет прийти к заключению, что законотворческая деятельность российских монархов первой половины XVIII в. положила начало оформлению государственного участия в обеспечении продовольственной безопасности населения в отдельную отрасль государственного управления и заложило основы дальнейшей государственной продовольственной системы.

Ключевые слова: государственная продовольственная политика, голод, продовольственная безопасность.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-103-110

Проблема продовольственного обеспечения населения во время неурожаев, рассматриваемая в контексте социально-экономической политики российского государства, была отмечена в русских летописях еще с начала IX в. Она приобретала общественное значение в случае возникновения голода или непомерного возвышения цен на предметы продовольствия. Однако на протяжении IX–XVII вв. в отечественной общественно-политической системе так и не сложилась постоянно функционирующая продовольственная система. Обеспечение народного продовольствия вообще не рассматривалось как сфера государственных интересов. Все мероприятия, предпринимаемые правительством, носили временный характер, были неэффективны и отличались примитивностью, что не позволяло разрешать регулярные продовольственные затруднения [15].

В первой половине XVIII в. в деле продовольственного обеспечения населения произошли серьезные изменения. Начала разрабатываться система продовольственных мер, включающая в себя наряду с уже известными более раннему времени средствами, принципиально новые распорядительные начала, которые заложили основу для последующих преобразований.

Вопросы, связанные с обеспечением продовольственной безопасности российской деревни, фрагментарно затрагивались в общих работах по экономической истории России XVIII в., а также военной истории в

рамках изучения продовольственного обеспечения русской регулярной армии [1; 2; 3; 4; 5]. Специальные работы в области становления государственной продовольственной политики в России в первой половине XVIII в. в настоящее время отсутствуют. Это во многом можно объяснить «непопулярностью» среди исследователей архивных материалов первой половины XVIII в. по причине трудоемкости их изучения и анализа. В связи с этим настоящее исследование выполнено, в том числе, на основе источников, впервые вводимых в научный оборот.

До 1723 г. законодательное совершенствование продовольственного обеспечения населения было связано, преимущественно, с упорядочением хлебной торговли, часто практиковалось запрещение отпускать хлеб за границу в случае неурожая. Так, «в 1717 г. Сенатским приговором определено, понеже известность есть, что в Российском государстве хлеб за недородом покупают ценою высокою, не токмо где в малохлебных местах, но и на Москве четверть в рубль и выше, а в других городах по полтора и по два рубля, того ради у города Архангельска, в Санкт-Петербурге, в Риге, в Ревеле хлебу впуск за море удержать, и иноземцам на то заморский отпуск не продавать, да по Именному Его Императорского Величества указу 1713 году за море велено отпускать тот хлеб, который покупной будет ниже рубля и в рубль, а ежели за недородом или каким случаем хлебу по-

купка будет выше рубля и то по купку и отпуск за море удержать» [13 Л. 155].

В 1723–1725 гг. вышел ряд законодательных актов, регулирующих внутреннюю и внешнюю хлебную торговлю. Они касались запрета хлебного экспорта в неурожайные годы, предоставления таможенных льгот для иностранных хлеботорговцев, а также борьбы со спекуляцией на внутреннем хлебном рынке.

Весьма типичным в этом отношении является распоряжение Правительствующего Сената о том, что «за нынешним недородом из Ревеля в Швецию провиант не отпускать, а по мирному трактату определено за недородом и за иными важными причинами вывоз хлеба генерально всем нациям запретить, свободно также из всех российских портов в чужестранные государства за вышеописанным недородом и чрезвычайной дороговизной хлеба отпуск запретить» [13, Л. 114]. Именным указом 16 февраля 1723 г. была урегулирована процедура описи излишков хлебных продуктов «у всяких чинов» с целью их последующей раздачи нуждающимся [10]. Действие указа распространялось на те местности, где фиксировались случаи неурожая и голода.

Кроме того, Петром I были предприняты действия по законодательному закреплению комплекса предупредительных мер по обеспечению продовольственных потребностей населения. Эти меры носили, по большей части, организационный характер и сводились к возведению продовольственного дела в ранг отдельной отрасли управления. В указанный период активное развитие получает идея устройства повсеместных хлебозапасных магазинов для населения, а также разрабатывается специальная форма отчетности по основным вопросам продовольственного обеспечения (сведения об урожае зерновых культур, о ценах на основные виды продовольствия и т.д.).

Для решения поставленных перед правительством задач Петр I создал в Камер-Коллегии особое правительственное учреждение – «Кантору» и должностное лицо, который мыслил бы «каким образом во время недорода народ довольствовать» [9]. Ответственность по основным проблемам продовольственного обеспечения велась в каждой про-

винции по специальным ведомостям, содержащим сведения об урожае и умолите зерновых культур. Данная статистика в форме рапортов направлялась в «Кантору» при Камер-коллегии. Что касается помещиков и приказчиков, то в их обязанности продолжало входить наблюдение за добросовестным выполнением крестьянами полевых работ [9].

Неурожай 1723 г., постигший большую часть регионов страны, обусловил начало реализации мероприятий, предупреждающих возникновение подобных продовольственных кризисов. Например, об экономическом положении нуждающегося населения свидетельствовали донесения из Московской губернии и других провинций: «[Крестьяне] питание имеют льняным семенем и дубовыми желунами, мешавши с мякиной и бьвают по несколько дней не евши и многие от того пухнут и помирают, села и деревни стоят пусты, крестьяне вышли в разные места для прокормления» [13, Л. 411]. Несмотря на тяжелое положение российского крестьянства продолжал действовать указ 1722 г., согласно которому, «со всего государства в губерниях и провинциях с дворового числа, с дворцовых и с синодальной команды и с помещиковых и вотчинниковых и с однодворцев и с разночинцев и с ясачных, а с купечества с окладу 10 деньги, ... и с рейтар и с копейщиков и с воротников и с пушкарей и городской службы и с прочих, которые живут на пашнях и тягло платят, со всех равное число на генеральной Петербургской и Рижской провиант по 20 алтын по 4 деньги» [8]. Кроме того, данная норма требовала немедленный возврат, к январю 1723 г., недоимок по использованному в 1722 г. провианту. Однако население пострадавших губерний было не в состоянии исполнить правительственное распоряжение. По сообщению Орловской провинции «тамошние уездные люди скот свой распродали, а осталось только ветхое строение, и того не покупают; в нынешнее нужное и голодное время по жестокому коллегии указу, бедные крестьяне принуждены проситься сами в галерную работу» [13, Л. 411-411 об.]. В сложившейся ситуации Правительствующий Сенат по указу императора велел «удержать сбор доимочного на прошлые годы провианта во всех губерниях и провинциях сентября до 1 числа нынешнего 1723 г., а на 1723

г. положенные провиантские сборы собирать с августа месяца, когда новый хлеб поспеет, без всякого послабления, а до нового хлеба» [13, Л. 411-411 об.]. Необходимость пополнения провиантских магазинов, была обусловлена практикой раздачи из них хлеба для помощи нуждающимся во время неурожая и голода. Так, в Смоленской губернии наличный хлеб, предназначенный для содержания гарнизонов, «раздавался неимущим разных чинов для нынешнего голодного времени, чтоб с голоду не мерли» [13, Л. 1076].

В продолжении развития мер, предупреждающих распространение голода, из Правительствующего Сената поступило указание, адресованное «всем губерниям и провинциям рапортовать помесячно, а возможно понедельно из всех провинций, каковы, где озимые и яровые хлеба возрастают, и почему в тех хлеб ценою обходится, дабы ведал о тех местах, где хлеб лучше других мест уродится и в цене будет дешевле» [13, Л. 414].

Летом 1723 г. из местных учреждений в Камер-коллегию действительно начали поступать сведения о состоянии посевов хлебов и хлебных ценах в России. Так, Суздальская провинция сообщала, что «посеянная рожь всходом против прошлых лет гораздо не дошла»; Пошехонская провинция – «рожь против прошлых лет весьма плоха и поросла травою, а в прочих деревнях, за совершенною скудостью поля, не посеяно ярового хлеба»; Казанская губерния – «посеянный хлеб против прошлых лет всходом средний, а яровой по местам весьма плох, понеже от жаров и бездождия высох, а по нижним местам в продолжении снегов и талой воды – высох» [13, Л. 448-450]. Однако отчетные ведомости не имели единого формуляра, поступали не регулярно, не в полном объеме, а зачастую и вовсе игнорировались некоторыми респондентами. Данная статистика с мест практически не содержала сведений о ценах на хлеб, в связи с чем российский император приказал даже штабным офицерам, посланным в губернии и провинции для переписи душ, направить в Сенат ведомости, «справясь подлинно в таможах, почем в каждом городе в прошлых годах, например, назад лет за пятнадцать по нынешний 1723 год хлеб, а именно рожь, мука ржаная, крупа овсяная и овес, выбрав за все те лета самую низкую и

самую высокую цену». Тем не менее, «петровские» ведомости вполне можно рассматривать как начало официального учета в области зернового производства и продовольственного обеспечения.

Следующей вехой в становлении государственной продовольственной поддержки населения при Петре I идея организации хлебозапасных магазинов. Именной указ 1724 г. вводил специальную, «первую над хлебом», государственную должность. Она предусматривала наблюдение за хлебными запасами с целью предотвращения затруднений во время неурожая [11]. Идея введения такой должности была заимствована из продовольственных Уставов иностранных государств, но переработана с учетом специфики русского менталитета и системы государственного управления. При этом указом учреждались первые хлебозапасные магазины. Они должны были располагаться в крупных городах, таких как Петербург, Рига, Смоленск, Астрахань, а также на крупных водных артериях – на Дону, Днепре и Десне [11].

Ближайшие преемники Петра I, в целом, продолжили его политику поэтому период с 1724 по 1732 гг. можно охарактеризовать, как относительно благоприятный в отношении урожайности. Однако уже в 1733 г. население Московской, Смоленской, Тверской и Великолуцкой губерний постиг сильный неурожай. Например, доношение из Смоленской губернии в Правительствующий Сенат содержит красноречивое описание продовольственной обеспеченности населения того времени: «Смоленское шляхетство, помещичьи и дворцовых волостей крестьяне прошениями объявляют, что от хлебного недорода многие крестьяне с голоду пухнут и померли, а другие, оставя свои жилища, разбрелись врозь, от чего подушных денег и рекрут взysкать не с кого и просят, что для такой необходимой скудости крестьянам их на пропитание дать взаймы до новы из смоленского магазейна провианта для засева овса пропорции» [14, Л. 25]. При этом по неофициальным сведениям в смоленских магазинах к июню 1733 г. наличность ржи и муки составляла 16419 четвертей 5 четвериков, круп – 949 четвертей 6 четвериков, овса – 1966 четвертей [14; Л. 25]. В связи с этим правительство для устранения последствий

неурожая и предотвращения возникновения и распространения голода определило воспользоваться положениями царского указа 16 февраля 1723 г. и «велело в той губернии у посторонних излишний хлеб, чей бы он ни был описать и оставя сколько кому всякого хлеба на год или на полтора надобно, остальной раздавать посторонним неимущим крестьянам, которые хлеба не имеют на семена и на нужное пропитание до нового хлеба, сколько напотребно будет, займы, с расписками» [14, Л. 25-26 об.]. Под опись хлеба, в том числе, попадали купцы и промышленники для того, чтобы «у продавцов скупая хлеб, высокой ценою не продавали и тем большой тягости народу не чинили». Исключение составляли лишь те купцы и промышленники, «которые государственный провиант подрядили ставить и которые в Петербурге и других местах для себя, а также, и у винных подрядчиков не описывать» [14, Л. 25-26 об.]. В результате применения этой меры, весьма новой по своему содержанию, было роздано 147 четвертей 5 четвериков ржи, 196 четвертей 6 четвериков овса и 29 четвертей 6 четвериков ячменя. Кроме того, из запасного магазина пострадавшим от неурожая было выделено 18 четвертей ржи, 567 четвертей муки и 1360 четвертей овса. Таким образом, нуждающиеся в продовольствии жители Смоленской губернии по случаю неурожая 1733 г. получили 165 четвертей 5 четвериков ржи, 1556 четвертей 6 четвериков овса, 29 четвертей 6 четвериков ячменя и 567 четвертей муки [14, Л. 36].

Неурожай и голод 1733 г. явился очередным толчком к дальнейшему развитию продовольственной системы.

Новым средством помощи неимущим стало выделение денежных средств на покупку хлеба до очередной благополучной жатвы. Однако такая раздача имела место только в тех местностях, где не было излишков зерновых продуктов. Кроме того, подобный способ борьбы с последствиями неурожая ранее не применялся, поскольку имела место лишь «хлебная подмога» [6, с. 306].

Правительствующий Сенат предлагал и другие средства помощи нуждающимся: отменялся запрет на раздачу милостыни, как в Москве, так и в других городах; жителям тех местностей, куда приходили нищие в поисках

работы и пропитания, объявлялось о необходимости всяческого содействия неимущим, как в форме милостыни, так и предоставлением продуктов питания [6, с. 306]. Рассматривалась возможность организации общественных работ для нуждающихся при фабриках и заводах, а также приостановление взискания подушной подати с населения наиболее пострадавших от неурожая местностей до новой жатвы, поскольку крестьяне были вынуждены продавать рабочий скот и лошадей, а вырученных денег хватало только на покрытие фуражных и кормовых сборов [6, с. 306]. Рост цен на хлеб в Петербурге Правительствующий Сенат предлагал остановить посредством покупки более дешевого лифляндского или эстляндского, поскольку «казне от той покупки убытку не будет, ибо хотя тот хлеб в здешних магазинах мог бы быть и лишней, то можно употребить в народную продажу, и тем могут деньги в казну возвратиться» [6, с. 306]. Кроме того, в годы правления Петра I широко практиковалось ходатайство Правительствующего Сената о беспошлинном ввозе иностранного хлеба.

Вторая часть рассматриваемого законодательного акта представляла собой Высочайшую резолюцию на доклад Правительствующего Сената. В целом мероприятия, предложенные высшим органом государственной власти, получили одобрение со стороны Анны Иоанновны. Единственное условие их утверждения состояло в том, чтобы изложенные средства и способы борьбы с последствиями неурожая применялись не повсеместно, а лишь в тех районах, где «в хлебе настоящая нужда есть». Выявление таких районов должно было происходить посредством специальных рапортов губернаторов, воевод и офицеров штабных дворов [6, с. 307-308]. Кроме того, императрица «приказала учинить: в те нужные места из прочих городов, где хлеба довольнее, велеть на продажу хлеб привозить и продавать беспошлинно, дабы для того некоторая в цене уступка быть могла; привозить хлеб в Санкт-Петербург, кроме подрядного провианта и здешних жителей для своего пропитания и внутренних городов по рассмотрению губернаторов и воевод и штабных офицеров, сколько возможно удержать и потребить на продажу в народ в тамошних ме-

стах поблизости беспошлинно; те вышеописанные беспошлинные продажи производить до октября месяца нынешнего 1734 г., а не далее» [14, Л. 127-127 об.].

Продовольственные мероприятия, предложенные Правительствующим Сенатом, послужили фактическим олицетворением системы продовольственных правил, действующих на протяжении первой половины XVIII в. Особенного внимания заслуживает обязанность помещиков и управителей заботиться о продовольствии своих крестьян. Практика применения такого рода мер уже была известна XVII в. и заключалась в обязательстве господ обеспечивать продовольствие своих холопов в неурожайные годы. Развитие таких мер, вероятно, было обусловлено сложностью практической реализации, поскольку их применение было связано с обременительностью для одних и нежеланием других владельцев обеспечивать продовольствием своих крестьян.

Указанная мера была законодательно закреплена 26 апреля 1734 г., чем уточнялись ранее принятые меры, затрагивавшие, прежде всего, обязанности владельцев по прокормлению имеющих в их собственности крестьян [6]. Кроме того, указ предписывал помещикам, управителям и синодальным командам не разрешать крестьянам «ходить по миру» и просить милостыню, несмотря на то, что в целом такая мера была допустима. За невыполнение этой обязанности для владельцев крестьян предусматривалось наказание – штраф [6, с. 309]. Однако указ 4 декабря 1734 г. уже предусматривал более жесткие санкции, как в отношении светских, так и в отношении духовных феодалов [7, с. 443-444]. Ужесточение ответственности основывалось на содержании рапортов, поступавших в Правительствующий Сенат с мест. Уклонистов ждало разорение. В отношении же приказчиков и управителей, которые позволяли себе жестоко обращаться с крестьянами в отсутствие помещиков, предусматривалось использование кнута и ссылка на вечную каторгу [7, с. 444]. Контроль за исполнением предписаний возлагался на местные власти, в обязанности которых входило составление списка деревень, где помещики и духовные власти уклонялись от исполнения правительственных распоряжений [7].

Неурожай 1748 г. вновь активировал правительственные силы и привел к необходимости дальнейшей регламентации продовольственных мероприятий. Основными способами борьбы с неурожаем и голодом продолжали оставаться регулирование внутренней и внешней торговли, опись имеющегося на лицо хлеба у зажиточных слоев населения, выдача продовольственных пособий из государственной казны, использование льгот в отношении возврата недоимок, запрет на винокурение в пострадавших от неурожая районах, а также сбор сведений о состоянии урожая зерновых культур и трав и рыночных цен на них и др.

В частности, в августе 1748 г. в Правительствующий Сенат поступило донесение белгородской и воронежской губернских канцелярий о положении крестьян в губерниях. В тексте донесения значилось, что «маломочные крестьяне, за недородом озимого и ярового хлеба и вследствие падежей скота подушную [подать] и прочих царственных поборов платить и казенного дома архиерейского работы работать не в состоянии, и сами питаются только одной мякиной, возникает немалый голод, и оттого помирают; а в житницах архиерейского дома ни единой четверти нет и пропитать крестьян нечем; крестьяне состоят в голоде, кроме тех, которые у себя на всякие крестьянина расходы хлеб на полтора года имеют для прокормления и зарабатывания в разных уездах хлеба; хлеб и траву поела саранча и едят в некоторых местах мякину и траву, оттого претерпевают голод, подушных денег платить не в состоянии, пухнут и мрут» [12, Л. 23]. В ответ на донесение губернским канцеляриям было приказано в своих действиях руководствоваться указом 16 февраля 1723 г., а именно «всякий хлеб описать», «раздавать на семена и народное пропитание до нового хлеба, сколько кому потребно», а также указом 1734 г., согласно которому «не допускать по миру для милостыни ходить и семенами снабдевать неотложно, а если будут допускать по миру скитаться и нищего года праздно проводить, то немалый штраф» [12, Л. 23-24 об.]. Вместе с тем вводился запрет на повышение хлебных цен внутри страны, а до 1 января 1750 г. отменялись и таможенные пошлины на хлеб, ввозимый из-за границы.

Согласно указу императрицы Елизаветы Петровны, Правительствующий Сенат приказал белгородской губернской канцелярии «разных чинов людей, которые туда пришли за хлебным недородом для прошения милостыни, выслать в их жилища, кто откуда пришел и велить их питать; однако ж при том смотреть прилежно, что ежели, кто из них самые нищие и сироты и дряхлые и пропитать их некому и сами пропитания сыскать не смогут, кормить казенным хлебом». Кроме того, указ 1749 г. содержал сведения об ассигновании из государственной казны Московской, Белгородской и Смоленской губерниям на прокормление неимущих по 10 тысяч рублей, которые должны были храниться в губернских канцеляриях до специального распоряжения, чтобы «ежели позовет нужда в хлебе, то в покупке оного остановки не было, токмо оных в другие расходы без указа из Сената не употреблять» [12, 579-579 об.]. Вскоре, в феврале 1750 г., последовало и соответствующее распоряжение, согласно которому решением Правительствующего Сената «велено за недородом в 1749 г. в Московской, Белгородской и Смоленской губерниях ... купить в магазины, в прибавок к описному хлебу, ржи муки, ячменя, овса, ныне немедленно, и на ту покупку каждой губернии употребить по десять тысяч рублей» [12, Л. 242].

Кроме всего прочего, 4 сентября 1749 г. определением Правительствующего Сената и посланными в московскую, белгородскую, смоленскую, воронежскую, казанскую, новгородскую, архангелогородскую и нижегородскую губернии канцелярии указами было велено прислать в ведомости, содержащие поуездные сведения о состоянии урожая озимых и яровых хлебов и трав за 1749 г. Губернские ведомости были доставлены к 30 ноября 1749 г. Они отличались большим содержанием фактической информации по сравнению с петровскими ведомостями 1723 г., что свидетельствовало об эволюции данной

формы отчетности. Так, московская губернская канцелярия сообщала, что «в Михайловском и Каширском уездах ржи и всяких яровых хлебов в 1749 г. урожая не было, и Каширского уезда обыватели в пропитании имеют и ранее нужду, а травы были посредственные; ведомости явствуют, что ржи везде (кроме Серпухова, где ржи урожай был благополучный) урожаем были худы, так что в некоторых местах и семян не собрано, а в других местах вместо ржи поросла лебеда, а яровые хлеба и травы были посредственные» [12, Л. 584-584 об.]. Похожая сельскохозяйственная картина складывалась и в Белгородской губернии: «В Севске и в уезде во многих местах ржи не родилось, а родилась больше одна лебеда, а яровые в некоторых местах посредственные, а в других очень худы, и тамошние обыватели в пропитании имеют и ранее нужду и питаются лебедой и другими травами и листьями, и многие пашни за неимением семян не засеяны» [12, Л. 584].

Таким образом, первая половина XVIII в. в отношении становления продовольственной системы характеризуется динамичной и поступательной разработкой решений данного вопроса. Голод 1723 г., 1733 и 1748-1749 гг. и последующая законодательная деятельность в сфере обеспечения народного продовольствия впервые за историю российских недородов привели к созданию целого комплекса предупредительных мер, по сути, оформивших отдельную отрасль государственного управления. Кроме того, получила свое начало официальная статистика урожайности. А вот устройство хлебозапасных магазинов, предложенное еще Петром I, как один из способов решения продовольственных затруднений, так и не получило практической реализации ни при нем, ни при его ближайших преемниках, но было развито в государственной продовольственной политике второй половины XVIII столетия в контексте формирования российской модели государственной продовольственной системы.

Список литературы

1. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958. 645 с.
2. Головин Н.Н. Наука о войне: избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. 1006 с.
3. Керсновский А.А. История русской армии. Т.1. М.: Голос, 1992. 302 с.
4. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII-начало XX века. М.: Изд-во МГУ, 1962. 412 с.

5. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2003. 572 с.
6. О недопущении помещикам, Дворцовым Управителям и Синодальным командам во время хлебного недорода крестьян и людей своих ходить по миру, и о кормлении оных готовым и привозным из других мест хлебом; Именной указ, данный Сенату от 26 апреля 1734 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. IX. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 6570
7. О прилагании особенного старания помещикам, управителям и приказчикам к поправлению обедневших крестьян, о прокормлении их в нужное время собственным хлебом и о ссуде семенами; Именной указ от 4 декабря 1734 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. IX. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 6653
8. О сборе со всего государства с дворового числа на провиант денег; Сенатский указ от 14 декабря 1722 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VI. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 4134
9. О учинении в Камер-Коллегии особой Канторы для наблюдения за хлебопашеством и продовольствования народа хлебом во время неурожая; Именной указ от 27 февраля 1723 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VII. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 4175
10. Об описи в случае голода у всяких чинов излишнего хлеба для раздачи оного неимущим в долг; Именной указ, данный Сенату от 16 февраля 1723 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VII. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 4168
11. Об учинении особого начальства по экономии, для наблюдения за хлебными запасами, о заведении магазинов, о солении рыбы и о китовом промысле; Именной указ от 20 января 1724 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VII. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 4420
12. Российский государственный архив древних актов. Ф.248. Оп.15. Кн.1902.
13. Российский государственный архив древних актов. Ф.248. Оп.15. Кн.814.
14. Российский государственный архив древних актов. Ф.248. Оп.15. Кн.840.
15. Рогожина А.С. «Был голод по всей той стране»: летописание истории голода в России в XI-XVI вв. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки, №3 (35). Пенза, 2015. С. 14-25.

STATE FOOD POLICY IN RUSSIA THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY

The purpose of this study is to study the participation of state power in the formation of the food supply system for Russia's population in the first half of the 18th century, whose economic situation was undermined by regular crop failures and famine. The article discusses the legislative activity of Peter I and his successors in assisting the population of the provinces, comprehended by crop failure. The source base of the study is the legislative acts of the first half of the XVIII century and materials contained in the Russian State Archive of Ancient Acts, most of which are put into scientific circulation for the first time. The lack of use of archival sources entails the absence of special works on the studied issues, which greatly impoverishes the historiography of the issue. Moreover, an analysis of sources and research literature allows us to conclude that the legislative activity of the Russian monarchs of the first half of the 18th century laid the foundation for formalizing state participation in ensuring the food security of the population in a separate branch of government and laid the foundations for a further state food system.

Keywords: state food policy, hunger, food security.

References

1. Beskrovnyj, L.G. (1958) Russkaya armiya i flot v XVIII veke. [Russian army and navy in the 18th century]. М.: Voenizdat. 645 s.
2. Golovin, N.N. (2008) Nauka o vojne: izbrannye sochineniya. [Science of War: Selected Works]. М.: Astrel'. 1006 s.

3. Kersnovskij, A.A. (1992) *Istoriya russkoj armii*. [History of the Russian army] T.1. M.: Golos. 302 s.
4. Koval'chenko, I.D., Milov, L.V. (1962) *Vserossijskij agrarnyj rynek XVIII-nachalo XX veka*. [All-Russian agrarian market of the XVIII-early XX centuries]. M.: Izd-vo MGU. 412 s.
5. Milov, L.V. (2003) *Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa*. [The Great Russian plowman and features of the Russian historical process]. M.: ROSSPEN. 572 s.
6. O nedopushchenii pomeshchikam, Dvorcovym Upravitelyam i Sinodal'nym komandam vo vremya hlebnogo nedoroda krest'yan i lyudej svoih hodit' po miru, i o kormlenii onyh gotovym i privoznym iz drugih mest hlebom; Imennoj ukaz, dannyj Senatu ot 26 aprelya 1734 g. // *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*. Sobr. 1. T.IX. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830. № 6570
7. O prilaganii osobennogo staraniya pomeshchikam, upravitelyam i prikazchikam k popravleniyu obednevshih krest'yan, o prokormlenii ih v nuzhnoe vremya sobstvennym hlebov i o ssude semenami; Imennoj ukaz ot 4 dekabrya 1734 g. // *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*. Sobr. 1. T. IX. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830. № 6653
8. O sbore so vsego gosudarstva s dvorovogo chisla na proviant deneg; Senatskij ukaz ot 14 dekabrya 1722 g. // *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*. Sobr. 1. T. VI. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830. №4134
9. O uchinenii v Kamer-Kollegii osoboj Kantory dlya nablyudeniya za hlebopashestvom i prodovol'stvovaniya naroda hlebom vo vremya neurozhaya; Imennoj ukaz ot 27 fevralya 1723 g. // *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*. Sobr. 1. T.VII. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830. № 4175
10. Ob opisi v sluchae goloda u vsyakh chinov izlishnego hleba dlya razdachi onogo neimushchim v dolg; Imennoj ukaz, dannyj Senatu ot 16 fevralya 1723 g. // *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*. Sobr. 1. T. VII. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830. №4168
11. Ob uchinenii osobogo nachal'stva po ekonomii, dlya nablyudeniya za hlebnymi zapasami, o zavedenii magazinov, o solenii ryby i o kitovom promysle; Imennoj ukaz ot 20 yanvarya 1724 g. // *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*. Sobr. 1. T. VII. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830. № 4420
12. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov. [Russian State Archive of Ancient Acts]. F.248. Op.15. Kn.1902.
13. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov. [Russian State Archive of Ancient Acts]. F.248. Op.15. Kn.814.
14. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov. [Russian State Archive of Ancient Acts]. F.248. Op.15. Kn.840.
15. Rogozhina A.S. «Byl golod po vsej toj strane»: letopisanie istorii goloda v Rossii v XI-XVI vv. [“There was famine throughout that country”: a chronicle of the history of famine in Russia in the 11th-16th centuries] // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*. [News of higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences]. 2015. №3(35). 14-25

Об авторе

Рогожина Ангелина Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» (Россия), E-mail: rogozhinaas@yandex.ru

Rogozhina Angelina Sergeevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Orel State University (Russia), E-mail: rogozhinaas@yandex.ru

Талагаева Д.А., кандидат политических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

ШВЕДСКАЯ НАУЧНАЯ ПОЛИТИКА В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО НАУЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье автором подробно анализируется политика Швеции в области науки и научных исследований. Особый акцент делается на выявлении недавних изменений и реформ в данной области в связи с формированием единого европейского научного пространства и активного участия Швеции в общеевропейских научных проектах. В статье рассмотрены акторы научной системы страны, вопросы финансирования и распределения бюджета на научные исследования. Интересно, что в последнее время в определении приоритетов развития научной сферы стали играть бизнес-структуры и крупные промышленные компании. Уделяется внимание также документам, определяющим научную политику в это стране.

Ключевые слова: Шведская научная политика; ЕНП; научная политика; НИОКР; научное сообщество.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-111-116

Можно утверждать, что за несколько последних десятилетий в Скандинавии выросла общественная значимость науки в целом, а уровень образования устойчиво сохраняет ведущие позиции в Европе. Все это в значительной степени способствует обеспечению лидирующего положения науки в европейской научно-исследовательской системе и конкурентоспособности стран региона в глобальной экономике, основанной на знаниях. В целом, Североевропейская наука прошла длительный этап становления, но на современном этапе страны Скандинавии находятся в авангарде европейского и мирового научного сообщества. К началу XXI в. они, переориентировавшись на наукоёмкое производство, оказались в числе наиболее развитых, инновационных стран мира. Немаловажно, что на государственную научную политику оказывает всё большее влияние малый и средний бизнес, модель инвестирования в науку со стороны которого существенно отличается от традиционной модели сотрудничества фундаментальной университетской науки и ТНК. Целями центральных властей в исследуемых государствах являются разработка единой научной стратегии и системной политики в этой сфере, а также тщательный контроль их исполнения.

Как и в других странах Западной Европы, в Швеции в первые послевоенные десятилетия происходили качественные изменения в научно-исследовательской области [3], а именно усиливались связи научного сообщества с государственными структурами. Однако, Шведская политика нейтралитета,

провозглашенная и поддерживаемая во время войны, а также доктрина самодостаточности, превалирующая в политической идее страны в 1940-1960-х годах, привели к тому, что усилия государства в основном были сосредоточены в это время на развитии системы университетов и обеспечении достаточного финансирования осуществляемой в их стенах научной деятельности. Выделение средств осуществлялось на основании решения Парламента, далее деньги напрямую распределялись ректорам университетов. Кроме того, именно в это время в Швеции были учреждены ряд независимых исследовательских советов, управление которыми оказалось в руках ученых, избираемых научным сообществом. Так в стране сложилась плюралистическая, в некотором смысле – демократическая, научно-исследовательская система, где реальная власть находилась в руках практиков. Тем не менее, образовался недостаток централизованных рычагов воздействия, необходимых для балансирования рассредоточенного управления научной политикой и принятия стратегических решений в этой области. Проблема особенно обострилась, когда встал вопрос об участии страны в проекте ЦЕРН-2, влекшее за собой двойное увеличение отчислений в общий бюджет программы, а также постоянную необходимость принимать решения на законодательном уровне [2]. В научном сообществе разгорелись ожесточенные споры о целесообразности присоединения к общеевропейским инициативам, а также о выборе высшей инстанции, готовой взять на себя принятие окончательного

решения. Вопрос был решен после того, как Улаф Пальме, занимавший пост премьер-министра страны, выступил с заявлением, в котором обязал научное сообщество найти необходимые средства в рамках существующих бюджетов и нести ответственность за осуществляемые действия. Решение было институционализировано, что повлекло за собой дальнейшее ослабление уже и без того сильно децентрализованной системы.

Впоследствии не раз предпринимались попытки исправить ситуацию: был предложен ряд инициатив по учреждению общих механизмов управления и контроля средствами. Так, в 1977 году был основан Национальный Совет по планированию и координации исследовательской деятельности. Его основной задачей было осуществление руководства и финансирования междисциплинарных научных проектов, а также развитие научной инфраструктуры. Совет был упразднен в 1990 году, когда 4 дисциплинарных исследовательских совета (по гуманитарным и социальным наукам, медицине, естественным наукам и техническим наукам) были сведены в один институт, Шведский исследовательский совет. Мотивом к подобному слиянию было стремление усилить координацию усилий в научно-исследовательской политике страны.

Сейчас в Швеции на национальном уровне в области научно-технической политики действуют несколько крупных государственных акторов и институтов, а ключевую роль в государственном регулировании в области науки, образования и инноваций выполняют два министерства – Министерство образования и науки и Министерство по делам предпринимательства, энергетики и коммуникаций. Центром фундаментальных научных исследований являются университеты. В настоящее время в стране работают 15 университетов, 90% финансирования которых исходит из государственных отчислений на НИОКР. В то же время прикладная наука (в т. ч. разработка инноваций) относится преимущественно к корпоративной сфере (включающей как частные, так и управляемые государством организации). Научно-техническая сфера в Швеции представляет собой, скорее, ряд «секторов», за каждый из которых отвечают

соответствующие министерства, притом, что общая координация осуществляется двумя вышеуказанными государственными органами [1]. Основными сегментами шведской научно-технической системы являются:

- фундаментальные исследования (связанные, в основном, с университетами);
- собственно исследования и разработки (осуществляемые государственными и частными корпорациями);
- здравоохранение (целесообразно выделить в отдельный сектор, т. к. инновации в медицинском кластере отличаются от двух вышеназванных по своему содержанию);
- сфера услуг (исследования, связанные с повышением качества оказания государственных услуг, развитием экологии, повышением качества жизни граждан).

Для шведского опыта правового регулирования научно-образовательной сферы характерно следующее распределение компетенций: парламент страны отвечает за выработку стратегических концепций относительно развития науки и образования. Министерства призваны детализировать эти концепции в форме законов и актов, имеющих силу закона, а подразделения соответствующих министерств обычно вырабатывают конкретные меры по достижению поставленных целей. Основными законодательными документами, регулирующими систему финансирования научных исследований, являются издаваемые раз в четыре года Акты по исследованиям и инновациям. В целом, можно говорить о том, что выработка научно-технической и образовательной политики находится преимущественно в ведении министерств (на уровне общей регуляции) и министерских подразделений (на уровне выполнения тех или иных мер). Основная цель правового регулирования научно-образовательной сферы заключается в создании среды, благоприятной для инновационного развития, а также в развитии различного рода государственно-частных партнерств, отвечающих за НИОКР и связанные с ними теоретические исследования. Что касается приоритетных сегментов научно-исследовательской сферы, то к ним относятся здравоохранение (в частности, проекты по борьбе с различными формами раковых заболеваний и диабета) и энергетика (в частности, проекты по развитию

альтернативных источников энергии, сохраняющих окружающую среду).

Правовые рамки регулирования инновационных и передовых образовательных проектов в Швеции во многом определяются её членством в ЕС. В частности, основные направления научно-технической политики Швеции определяются в рамках общеевропейской «Стратегии 2020». В начале каждого года офис шведского премьер-министра готовит и публикует отчет о национальной программе реформ, которые были проведены за текущий период в области экономики, социальной, образовательной и научно-технической политики. Подобные ежегодные отчеты играют роль национальной концепции научно-технического развития, вписанной в общеевропейский контекст.

Расходуя в среднем 3,3-3,5% от ВВП на исследования и разработки, Швеция также находится в авангарде стран ОЭСР. Значительная доля инвестиций в эту область исходит от бизнес-сектора (расчётный показатель 2,7% ВВП по сравнению с 1,8% в среднем среди стран ОЭСР). Относительно крупные компании финансируют свои НИОКР из собственных средств, получая лишь незначительную поддержку от государства. Тем не менее в последние годы в Швеции все же значительно увеличилась доля государственного финансирования, и в то же время был введен более избирательный качественный подход к выбору объектов инвестирования. Были определены 24 стратегические сферы в 4 областях науки и инноваций [8]. Ключевые направления – это развитие экотехнологий (в том числе ограничение и обработка вредных выбросов и токсичных веществ в промышленности и производственных процессах) и нанотехнологий.

В условиях преодоления последствий мирового финансово-экономического кризиса правительство Швеции, в отличие от многих других стран, где научные бюджеты подверглись секвестру, поставило амбициозную задачу по увеличению бюджетного финансирования науки и высшего образования и повышению их эффективности [4]. Для достижения к 2020 году расчетного показателя финансирования НИОКР в 4% от ВВП необходимо выделить дополнительное финансирование науки и высшего образования на

сумму более 600 млн долларов до 2020 г. При этом предполагается более активно использовать конкурсные механизмы распределения средств (сегодня таким образом распределяется 10% средств, планируется довести этот показатель до 20% и распределять ежегодно около 45 млн долл. в год). Критериями качества должны стать индексы цитирования и количество публикаций. Здесь нужно отметить, что Швецию с 1990-х годов отличает динамичный рост числа научных публикаций, а в 2005 году по этому показателю страна заняла 2-е место в мире после Швейцарии (1109 статей на 1 млн человек [4]). При этом по индексу цитирования научной литературы Швеция оказалась на 4-м месте – среди 10% наиболее цитируемых научных работ в мире – 14% являются работами шведских авторов [4]. Планируется также расширить круг международных экспертов, привлекаемых для оценки представленных на конкурс заявок и их последующей реализации. Вообще, как показывают отчеты о ходе выполнения рамочных программ по науке (2009-2015 гг), Швеция находилась в авангарде стран, представляющих наибольшее среди стран ЕС число заявок на получение финансовых средств для поддержки исследовательских проектов. Так, на 248 конкурсов, объявленных в рамках 7-й Рамочной программы, со стороны Швеции было подано 7027 заявок (3,58% от всех стран ЕС), запрошено в общей сложности 3,688 млрд евро (4,18% от всех стран ЕС), что поместило Швецию по этим показателям на 9-е и 8-е места соответственно [4]. При этом, интересно также, что процент одобренных шведских заявок выше, чем в среднем по ЕС (25% против 21%). Кроме того, в рамках программы мер предусмотрено выделение ежегодно до 38 млн долл. для приглашения ведущих мировых исследователей в Швецию. Наконец, предполагается увеличение бюджетов университетов на 137 млн долл. без ограничения направлений для их расходования.

На сегодняшний день бюджетное финансирование предоставляется шведским университетам для выполнения трёх функций: 1) обучение студентов; 2) проведения исследований; 3) распространение знаний. Причём последнее направление подразумевает в первую очередь коммерциализацию

знаний, а также привлечение ресурсов бизнеса для финансирования научных исследований. Учитывая это, объем выделяемых государством университетам средств определяется исходя из того, сколько данное учебное заведение смогло вывести разработок на рынок. Швеция в свою очередь также является небольшой, но открытой к международному сотрудничеству страной, в том числе и в области научно-технической и инновационной политики. Страна активно интегрируется в общеевропейское научное пространство. Самые прочные научные связи на данный момент страна имеет с Германией, Францией и Великобританией, можно говорить о высокой степени научного сотрудничества шведских ученых с их коллегами из континентальной Европы [7]. Говоря о двустороннем сотрудничестве, стоит отметить позицию Научного исследовательского совета страны, рассматривающего его как инструмент интенсификации научно-исследовательской деятельности. С этой целью Совет стремится усилить позиции отдельных ученых в возможности осуществления двусторонних контактов, придерживаясь принципиального вектора, заключающегося в незаключении двусторонних соглашений о научном сотрудничестве на высоком государственном уровне. Так, двустороннее сотрудничество с национальными научно-исследовательскими финансирующими учреждениями и другими органами основной интерес для исследования в Европе также может быть способом для дальнейшего укрепления координации в европейских исследованиях. Наиболее прочные двусторонние связи в сфере научного сотрудничества страна имеет с Германией, Великобританией и Францией (по количеству ученых, участвующих в совместных проектах по обмену научного знания – 2564, 1954, 1694 человек соответственно [6]).

Научный исследовательский совет Швеции является участником Европейского научного фонда и Европейского исследовательского совета, где происходит обсуждение европейской научной политики. Совет также имеет основную задачу в продвижение идеи Европейского научного пространства в стране путем присоединения к рамочным программам по науке. Таким образом, Швеция принимала активное участие в 6-ой

рамочной программе ЕС по научным исследованиям и технологическому развитию (2002-2006 гг.). В 6-ой рамочной программе большое внимание уделялось созданию эффективных механизмов для организации мобильности ученых, обмена научными кадрами и идеями на международном уровне, привлечению к проведению совместных исследований как молодых, только начинающих свою научную карьеру сотрудников, так и опытных высококвалифицированных специалистов. Бюджет программы составил почти 17 млрд евро.

В конце 2014 года в ЕС началась реализация самой масштабной рамочной программы по научным исследованиям и инновациям «Горизонт 2020» с общим бюджетом около 80 млрд евро. Как было подробно указано во второй главе работы, программа предусматривает участие всех стран-членов ЕС и ориентирована на достижение целей Лиссабонской стратегии, направленной на превращение Евросоюза в основанную на знаниях конкурентоспособную и динамичную экономику в мире, а также на выполнение задач Стратегии развития Европы до 2020 г. «Горизонт 2020» призвана способствовать продвижению европейского подхода к развитию исследовательской и инновационной деятельности и является самой открытой для международного научно-технического сотрудничества программой финансирования исследований и инноваций в мире. Швеция принимает активное участие во всех инициативах, предусмотренных в рамках реализации программы «Горизонт 2020». Кроме того, Научный исследовательский совет Швеции вовлечен в осуществление множества программ сети ERA-NET, осуществляющей помощь в распределении и управлении исследовательскими грантами.

Согласно ежегодным отчетам о показателях научно-исследовательской деятельности Швеции в рамках Европейского научного пространства и рамочных программ ЕС по науке, страна успешно интегрируется в общеевропейские научные инициативы. Примечательно, что по результатам осуществления всех рамочных программ среди стран-членов ЕС Швеция по количеству поддержанных заявок страна находится на 4-м месте, а по размеру получаемой финансовой

поддержки – на 7-м [5].

Шведские университеты стабильно занимают высокие строчки международных рейтингов лучших университетов. Так, три шведских университета вошли в первую сотню рейтинга QS-University Ranking (Университет Лунда – 70-е место, Университет Уппсалы – 100-е место, Стокгольмская школа экономики – 92-е) [4].

Швеция имеет самый высокий показатель среди стран ЕС по количеству защищаемых диссертаций и получению ученых степеней (PhD), а по числу трудоустроенных (на 100 тыс. человек), имеющих ученую степень, страна уступает только Финляндии.

В соответствии со статистическими отчетами 7-й Рамочной программы, 46% общего финансирования из бюджета ЕС в шведскую науку было распределено между пятью университетами (Университет Уппсалы – 7%, Университет Лунда – 9%, Королевская высшая техническая школа – 9%, Технический университет Чалмерса – 7%, Каролинский институт – 14%) [4].

За последние три года Швеция наращивала свои усилия по интернационализации институтов высшего образования и научной сферы. Самым значимым результатом здесь можно назвать внедрение стипендий молодым ученым, позволяющие увеличить их мобильность на международном уровне. Исследовательский совет Швеции, основываясь на

национальной Стратегии международного сотрудничества от 2012 года, имеет целый ряд грантов, нацеленных на развитие международного сотрудничества ученых, в том числе для постдоков.

Швеция показывает высокие результаты развития научно-исследовательской системы, ежегодно оказываясь в числе стран-лидеров по показателям отчислений на НИОКР. В стране местом проведения фундаментальных научных исследований являются университеты, в то время как прикладная наука относится преимущественно к корпоративной сфере (включающей как частные, так и управляемые государством организации). Исследовательская инфраструктура и реализуемая научная политика находятся в духе осуществляемых в рамках ЕС рамочных программ по науке, в которых страна принимает активное участие, в основном в лице Национального исследовательского совета, в составе которого постоянно функционируют семь предметных комитетов, отвечающие за семь направлений сотрудничества в рамках упомянутых программ. Мы говорим о высокой степени интеграции Швеции в европейские программы научного развития и о совпадении национальных задач научно-исследовательского комплекса страны с приоритетами общеевропейского вектора развития научной политики.

Список литературы

1. Животовская И.Г., Черноморова Т.В. Инновационная политика и региональное развитие в современном мире. Сборник обзоров и рефератов РАН. М.: ИНИОН РАН, 2011. 196 с., с.143.
2. Касаткин П.И., Талагаева Д.А. Атомная дипломатия: ЦЕРН и Евратом как модели наднациональных структур//Этносоциум и межнациональная культура. 2016.№ 12 (102). С. 120-124.
3. Талагаева Д.А. Скандинавские страны: научная политика как баланс национальных приоритетов и задач общеевропейского развития//Вестник Брянского университета. 2018. №2(36). С.203-216.
4. QS-University Rankings – Top Universitites. URL: <http://www.topuniversities.com/qs-world-university-rankings> (Дата обращения 12.10.2019)
5. Research and Development in Sweden. An overview. URL: <http://www.scb.se/en/Finding-statistics/Statistics-by-subject-area/Education-and-research/Research/Research-and-development-in-Sweden---an-overview-international-comparisons-etc/> (Дата обращения 3.09.2019)
6. Sweden Progress Report. Overall Review of EU Member States and Associated Countries. – 2007.
7. Sweden. Country Profile and Featured Projects / European Commission. – 05 October 2015. URL: http://ec.europa.eu/research/horizon2020/pdf/country-profiles/se_country_profile_and_featured_projects.pdf#view=fit&pagemode=none (Дата обращения 13.09.2019)

8. Swedish Research and Innovation Policy Perspectives on Policy Interaction. URL: http://www.dgfc.sgpg.meh.es/sitios/dgfc/es-ES/ipr/fcp0713/c/ac/oac/Documents/MARIE_IVARSSON.pdf (Дата обращения 10.10.2019)

SWEDISH RESEARCH POLICY IN THE CONTEXT OF EUROPEAN RESEARCH AREA

The article analyzes Swedish Research Policy, with the most emphasis put on the recent reforms and transformations that have been taking place after the country became the member of the European Research Area. Sweden now takes active part in joint research projects with other European countries. The author seeks to study budget issues, as well as examine the documents and programs pertaining research policy in the country. Recently business and industrial corporations have become actively engaged in outlining the priorities in the field, which the author also pays attention to while writing the article.

Keywords: Swedish Research Policy; ERA; science policy; scientific community, R&D.

References

1. Zhivotovskaia I.G., Chernomorova T.V. Innovatsionnaia politika i regional'noe razvitie v sovremennom mire. Sbornik obzorov i referatov RAN [Innovative policy and regional development in modern world. The RAS digest of reviews]. Moscow, INION RAN, 2011. 196 p. (in Russian)
2. Kasatkin P.I., Talagaeva D.A. Atomnaya diplomatiya: CERN I Evratom kak modeli nadnatsionalnykh struktur (Atomic diplomacy: CERN and Euratom as supranational structures). Etnosotsium I mezhnatsionalinaya kultura. 2016. № 12(102). P.120-124. (in Russian)
3. Talagaeva D.A. Skandinavskaya politika kak balans natsionalnykh prioritetov I zadach obshchevropeiskogo razvitiya (Scandinavian Research policy as the balance between national priorities and European Research issues). Vestnik Bryanskogo Universiteta. 2018. №2(36). C.203-216. (in Russian)
4. QS-University Rankings – Top Universities. URL: <http://www.topuniversities.com/qs-world-university-rankings> (Accessed 12.10.2019)
5. Research and Development in Sweden. An overview. URL: <http://www.scb.se/en/Finding-statistics/Statistics-by-subject-area/Education-and-research/Research/Research-and-development-in-Sweden---an-overview-international-comparisons-etc/> (Accessed 3.09.2019)
6. Sweden Progress Report. Overall Review of EU Member States and Associated Countries. – 2007.
7. Sweden. Country Profile and Featured Projects / European Commission. – 05 October 2015. URL: http://ec.europa.eu/research/horizon2020/pdf/country-profiles/se_country_profile_and_featured_projects.pdf#view=fit&pagemode=none (Accessed 13.09.2019)
8. Swedish Research and Innovation Policy Perspectives on Policy Interaction. URL: http://www.dgfc.sgpg.meh.es/sitios/dgfc/es-ES/ipr/fcp0713/c/ac/oac/Documents/MARIE_IVARSSON.pdf (Accessed 10.10.2019)

Об авторе

Талагаева Дарья Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры английского языка №6 Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail d.talagaeva@mail.ru

Talagaeva Daria Aleksandrovna – PhD in Political science, associate professor of the English Language department 6 of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia), E-mail d.talagaeva@mail.ru

Федин А.В., доктор исторических наук, доцент, Брянский Государственный университет имени академика И. Г. Петровского (Россия)

СТАНОВЛЕНИЕ ИЕЗУИТСКОЙ МИССИИ У МИКМАКОВ НОВОЙ ФРАНЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Индийский народ микмаки стал первым, вступившим в контакт (торговый и политический) с французскими колонистами на Атлантическом побережье северной Америки (в Акадии). Это предопределило и ранние попытки их христианизации со стороны французской католической церкви, и, прежде всего, членов Общества Иисуса (иезуитов), авангарда миссионерского движения раннего Нового времени. В первой половине XVII в., в период становления французской колониальной системы в Северной Америке, микмаки играли важную роль посредников между прибрежными племенами и народами внутренней Канады, что делало их главными объектами миссионерских усилий, но по мере продвижения колонизации вглубь континента, с одной стороны, и освоения Ньюфаундленда, с другой, значение микмаков для французской колонии падало и вместе с этим сокращалось иезуитское присутствие на их территории.

Ключевые слова: иезуиты, миссионерская деятельность, Новая Франция, Акадия, микмаки, монтанье, редукция, аккомодация.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-117-125

Племена микмаков, населявшие побережья и острова залива Св. Лаврентия (Новая Шотландия, п-ов Гаспе, о. Принца Эдуарда, восточная часть Нью-Брансуика, а с 1630-х гг. и юго-западная часть Ньюфаундленда), стали первым народом, с которым французские торговцы и путешественники, а вслед за ними и миссионеры, вступили в контакт. Французы называли их сурикезами или гаспезийцами (группы, обитавшие на п-ове Гаспе). Исходя из сообщения Ж. Картье, который увидел микмаков на о-ве Принца Эдуарда в 1534 г. во время своего первого путешествия в Канаду, они уже до этого встречали европейцев, так как сразу же предложили меха на обмен. [2, с. 114-115] Микмаки фактически не занимались сельским хозяйством, основывая свою экономику на ловле рыбы и добыче морских млекопитающих. Охотничьи группы из нескольких родственных семей в течение летнего сезона объединялись в большие селения (до 200 чел.), зимой рассредоточиваясь вдоль морского побережья для охотничьего промысла. Точная численность в доконтактный период неизвестна, так как еще в XVI в микмаки стали жертвой европейских болезней, сокративших их население с нескольких десятков тысяч до 4 тыс. чел. к 1620-м гг. [4, р. 109-122] Тем не менее, микмаки оставались важным звеном формировавшегося на протяжении всего XVII в. франко-индейского торгового и военного альянса, занимая стратегически ценное

положение посредников между жителями атлантического побережья и глубинных районов Канады, и, в силу этого, представлявшие интерес и в качестве объекта христианизации, которой в течение рассматриваемого периода занимались почти исключительно иезуитские миссионеры.

Концептуальной основой данной статьи стали положения «новой культурной истории» и «новой интеллектуальной истории», позволяющие лучше осмыслить контакты и взаимодействие иезуитских миссионеров с новообращенными и с коренными народами в целом. Анализ идеологии и психологии миссионерской деятельности опирался на герменевтический метод, позволяющий изучать иезуитские документы как отражение мировоззрения и ценностных ориентиров их составителей. Также применялись методы исторической имагологии для выяснения представлений миссионеров о туземных обитателях Новой Франции и образов самих миссионеров, создаваемых индейцами, а также понимания их эволюции. Междисциплинарный подход к исследованию позволил использовать некоторые достижения и методологические приемы культурной антропологии, этноистории, этнопсихологии и миссиологии. В частности, для понимания культурных аспектов миссионерской деятельности иезуитов среди коренного населения Северной Америки и ее результатов были привлечены концепция аккультурации, теории культурного контакта, лиминальности

(отражающая «пограничное» состояние как неофитов, так и иезуитских миссионеров, находящихся в традиционной религиозно-культурной среде) и другие.

Первичной зоной французской колонизации Северной Америки стала полоса атлантического побережья от залива Св. Лаврентия на юг, до устья р. Пеннобскот на территории современного американского штата Мэн, получившей название Акадия. Микмаки населяли ее северную часть, а к югу от них обитали племена конфедерации абенаков, также ставших торговыми и военными партнерами французских колонистов. Первое постоянное французское поселение – Пор-Руайаль, было основано в 1604 г. на западной стороне полуострова Новая Шотландия, на берегу залива Фанди, в зоне расселения микмаков, с которыми основатели колонии сьер де Мон и Самюэль Шамплен установили мирные и взаимовыгодные торговые отношения. В 1607 г., в результате банкротства де Мона, владельческие права на Пор-Руайаль получил его сподвижник барон де Путренкур, перед которым и встала задача христианизации местных аборигенов, так как одним из поводов ликвидации монополии де Мона, бывшего гугенотом, было обвинение в отказе от привлечения в колонию миссионеров. Именно тогда впервые возник проект отправки в Акадию иезуитов, к которому благосклонно отнесся королевский двор, но барон, находившийся на галликанских позициях, предпочел им светского священника Ж. Флеше [подробнее см.: 3, с. 113-115].

Тем не менее, столкнувшись с настойчивостью королевского двора (усилившейся после смерти Генриха IV в 1610 г.), Путренкуры были вынуждены дать согласие на отправку в Пор-Руайаль двух иезуитских миссионеров: о. Пьера Бьяра, в качестве суперiors (настоятеля), и его помощника о. Анмона Массе, ставших первыми французскими иезуитами в Северной Америке. Прибыв в Пор-Руайаль, Бьяр и Массе с самого начала столкнулись с проблемой отсутствия истинного христианского благочестия и образа жизни у крещенных Флеше индейцев (сохранение полигамии, старых обычаев и языческих обрядов). В своих донесениях руководству ордена Бьяр резко критиковал методы и результаты миссионерской деятельности

Флеше, который крестил индейцев, даже не изучив их язык: «можно едва ли найти хоть какое-то изменение в них после крещения. Та же самая дикость и те же обычаи или самую малость изменившиеся, те же нравы, церемонии, обращение, манеры и пороки остаются...». Более того, сам акт крещения не воспринимался индейцами как переход в новую веру. По мнению иезуитов «они воспринимали крещение как своего рода священный залог дружбы и союза с французами». Доходило до того, что вновь обращенные не только не знали молитв или Символа веры, но «не знали они и крестного знамения и даже своего христианского имени» [16, vol. I. P. 165; vol. II, p. 91; 13, vol. I, p. 668]. Причиной подобной ситуации, по мнению Бьяра, было незнание Флеше местных языков и общая бедность колонии, ибо «поскольку он был служителем их душ, он должен в то же время заботиться и об их телах» [16, vol. I, p. 161-163; vol. II, p. 9].

Поэтому одной из первых мер, принятых отцами-иезуитами, было решение «не крестить никого из взрослых, если они не были первоначально катехизированы», то есть, наставлены. Действительно, до конца 1611 г. будут окрещены только четыре младенца, а также старая больная женщина и маленькая девочка, которые вскоре умерли [16, vol. II, p. 13-15]. Главной задачей должно было стать изучение языка микмаков, как единственного условия и средства их обращения в христианскую веру.

В этом, по мысли отцов, им должны были помочь французские колонисты (и, в первую очередь, семья Путренкуров), давно живших рядом с микмаками и знавших основы их языка, а также индейцы, знакомые с французским. «Мои переводчики не повторяли и десятой части того, что я хотел сказать», замечал Бьяр [16, vol. II, p. 17]. Тем не менее, качество переводов таких французских торговых толмачей, как Бьенкур, иллюстрирует более позднее сообщение иезуитского миссионера Ж. Перро из Сент-Анна (Кап-Бретон) в 1634 г. о легкости языка микмаков, который он полностью постиг с помощью местных торговцев. Однако при этом он сообщает, что сами индейцы общались между собой на каком-то неизвестном языке,

что миссионер считал свидетельством мошенничества с их стороны. На самом деле, это и был настоящий язык микмак, тогда как Перро изучил торговый жаргон, с помощью которого общались между собой индейцы и французы [13, vol. II, p. 744-745]. Очень характерна в этом контексте молитва Массе: «Господи,.. сделай мой язык и мои слова понятными...» [16, vol. I, p. 185].

Чтобы непосредственно реализовать свое намерение на практике постигнуть жизнь дикарей и одновременно более полно узнать их язык, Массе решил сопровождать небольшую группу микмаков в их кочевье под руководством Луи Мамберту, сына сахема микмаков, в районе реки Сент-Джон. Это кочевье продолжалось почти четыре месяца, в результате чего, не вынеся ужасных условий индейского образа жизни, Массе основательно подорвал здоровье и чуть не ослеп. Так и не добившись поставленных целей, он вернулся в Пор-Руайяль ранней зимой 1612 г. еле живой, но не сломленный [16, vol. III. P. 245; 15, p. 36]. Несмотря на все вышеперечисленные трудности, миссионерам, в конце концов, удалось постигнуть основные принципы языка микмаков и к концу 1612 г. Бьяр составил первый краткий катехизис для индейцев [16, vol. IV, p. 89; 10, p. 13].

Отказавшись от работы с взрослым населением, иезуиты сконцентрировали все свое внимание на детях, «которым принадлежит царствие небесное», и на тех взрослых, которые находились при смерти [16, vol. II, p. 13]. Это было в практике иезуитских миссионеров с XVI в., со времен путешествий Франсуа Ксавье по Востоку, – дети-христиане, по мере своего взросления, станут активными членами общества, утвердив в нем новые христианские ценности. Именно ребенок стал первым обращенным иезуитами туземцем в Акадии – 8-летняя девочка, которую в крещении назвали Антуанетт, в честь покровительницы иезуитов во Франции маркизы де Гершвиль. «Нас утешает вид этих маленьких Дикарей, – писал Бьяр французскому провинциалу Бальтазару, – пусть еще и не христиан, но уже охотно... подносящих свечи, колокольчики, святую воду и другие вещи, участвуя по доброй воле в процессиях и погребениях... Таким образом, они привыкнут действовать как христиане, чтобы

стать таковыми в действительности в свое время» [16, vol. II, p. 15, 53]. Крещение же взрослых при смерти давало гарантию, что они умрут истинными христианами, более не свернув с правильного пути.

Но отказавшись от прежней практики кратких наставлений и массовых крещений, иезуиты, тем самым, вступили в противоречия с главными устремлениями колонистов де Путренкура, связанными с укреплением торговых и политических контактов с местными племенами, в том числе и путем христианизации. Отношения с властями колонии стремительно портились и уже к 1612 г. миссионеры испытывали серьезные затруднения в реализации своих апостольских целей. В письме Бальтазару от 31 января 1612 г. Бьяр показывает жизнь и деятельность миссионеров в Пор-Руайяле: «Таковы наши обязанности: служить ежедневную мессу, и торжественную... по воскресеньям и праздникам, как и вечерни, и часто участвовать в процессиях; проводить общественные молитвы утром и вечером; увещевать, утешать, руководить причастием, хоронить мертвых». Здесь ничего не сказано о главном, что привело сюда иезуитов: собственно миссионерской деятельности среди американских индейцев. «Дикари, когда некоторым из них случается быть в порту, иногда присутствуют на тех христианских службах, которые мы проводим в поселении», – и это весь апостолат [16, vol. II, p. 7]. Видимо, ситуация в колонии настолько осложнилась, что иезуиты даже не пытались общаться с туземцами.

В конце концов, воспользовавшись прибытием корабля в отсутствие большинства колонистов, во главе с Бьенкуром отправившихся в торговую экспедицию, иезуиты покинули ставший для них совсем негостеприимным Пор-Руайяль и направились на юг, в поисках места для новой миссии. Для поселения была избрана восточная часть острова Маунт-Дезерт, в устье реки Пенобскот, в Бар-Харбор (территория современного штата Мэн), где и была организована новая миссия под названием Сен-Совёр (Св. Спаситель). Иезуиты считали это место столь же стратегически удачным, как и Пор-Руайяль, ибо отсюда можно было работать над обращением трех основных народов этой страны: микмаков, малеситов и абенаки [14, p. 10; 13, vol. I,

р. 120*].

Столь многообещающе начавшейся миссии не суждено было продолжиться. 2 июля 1613 г. английский военный корабль «Трежерер» капитана Эргалла внезапно появился у Сен-Совёра и, не взирая на попытки французов начать переговоры, взял их корабль на абордаж, а затем высадил десант, уничтоживший миссию. Иезуиты попали в плен с остальными участниками экспедиции [16, vol. III, p. 279-283; vol. IV, p. 25-39]. Только в 1614 г. миссионеры смогли вернуться во Францию, к тому времени французская колония в Акадии была фактически уничтожена англичанами [1, с 57-64; 9, p. 333-342]. Итоги их усилий казались плачевными: всего было крещено около двадцати человек (в основном дети и взрослые при смерти).

Тем не менее, несмотря на фиаско первой миссии к микмакам, в 1611-1613 гг. иезуитами были заложены основы для их христианизации, продолженной двумя десятилетиями позже новой генерацией миссионеров Общества Иисуса. Они начинали свою работу не на пустом месте. П. Бьяр стал одним из первых этнографов канадских индейцев, описав их обычаи и занятия и заложив традиции аккомодации в иезуитской миссии в Канаде, то есть, требование понять тех, кого они стремились обратить [16, vol. III, p. 27]. По сути, именно он начал процесс ревизии существующих стереотипов миссионерской деятельности, сводящихся к принятию туземцами лишь внешних аспектов христианства.

Отношения французов (в том числе, иезуитов) с микмаками оставались дружественными в течение английской оккупации Новой Франции в 1629-1632 гг. Например, во время осады Квебека английским флотом в 1628 г., иезуитский прокуратор Ф. Нуаро, не имея возможности доставить припасы миссионерам, оставил их в тайнике в Гаспе под присмотром местных микмаков, которые сохранили его в целости [13, vol. II, p. 202-204]. А когда корабли Компании Новой Франции в 1629 г. попали у берегов Канады в сильный шторм, который привел к крушению судна иезуитов и гибели нескольких из них, спасшиеся миссионеры Б. Вимон и А. Вьёкспон основали среди микмаков Кап-Бретон миссию Сент-Анн (октябрь 1629 г.) [13, vol. II, p. 214, 222, 226; 16, vol. IV, p. 235-245; 8, p. 63-

67]. Миссионеры прожили с индейцами всю зиму, изучая их язык. Они завоевали их симпатии, и туземцы охотно предлагали своих больных детей для крещения. Деятельность Вимона и Вьёкспона вызвала щедрые похвалы со стороны генерала ордена М. Вителлески, лично писавшего им в Канаду [6, vol. VI, p. 181; 13, vol. II, p. 214, 233-234; vol. III, p. 440-442].

Помимо конфликтов со светскими властями и угроз извне, в этот период иезуитские миссионеры столкнулись и с оппозицией их апостольским усилиям со стороны провинциального руководства ордена. Поскольку расходы на миссионерскую деятельность в Америке фактически полностью ложились на плечи Французской провинции Общества Иисуса, ее развитие, чреватое постоянными рисками потери жизней и экономических убытков, вызывали недовольство канадской миссией провинциальной иезуитской иерархии. Действительно, провинциал Франции Фийо был одним из главных противников создания миссии в Канаде, где он не видел никаких перспектив строительства церкви среди дикарей. Пока миссия функционировала, он постоянно жаловался на чрезмерное усердие ее членов. После возвращения миссионеров во Францию в результате захвата англичанами Квебека в 1629 г. он отправил их в провинциальные коллежи, подальше от Парижа. И без всяких видимых причин провинциал отозвал Вимона и Вьёкспона с Кап-Бретон, хотя начатая ими миссия среди микмаков казалась достаточно перспективной (за что получил выговор от генерала) [13, vol. II, p. 258-259].

Возвращение Англией в 1632 г. захваченных французских владений открыло новую главу в истории иезуитской миссии в Новой Франции, в том числе и среди микмаков залива св. Лаврентия, чему способствовал рост интереса французской торговой буржуазии к этому региону, богатому треской и пушниной. В 1634 г. компания Миску, одна из частных дочерних компаний, созданных акционерами Компании Новой Франции для коммерческой эксплуатации части ее территории, получила в сеньорию весь берег залива Св. Лаврентия, в том числе и о. Кап-Бретон. Де Линьер, представитель компании,

нуждаясь в священниках для нового гарнизона в Сент-Анн, обратился к Обществу Иисуса с просьбой о помощи. В итоге, весной 1634 г. туда для духовной помощи французам и христианизации микмаков прибыли Жюльен Перро и Андре Ришар, возродив тем самым резиденцию [13, vol. II, p. 60*, 489].

Первоначально успехи в христианизации местных аборигенов были невелики. Судя по *Реляции* Ж. Перро, в 1634-1635 гг. в Сент-Анн не было совершено ни одного крещения. Несмотря на позитивные впечатления, которые Перро и Ришар получили от общения с микмаками, отметив «послушание, которое они показали в желании быть наставленными, и честность и благопристойность, которые мы увидели в них», они не решались на их крещение из-за недостаточного знания языка [16, vol. VIII, p. 157-167]. Миссия испытывала постоянный недостаток в припасах и персонале, а также серьезные трудности, связанные с суровым субарктическим климатом.

Из-за проблем со здоровьем Перро уже в 1635 г. вернулся во Францию. В следующем году его заменил о. Жорж Дёдемар, а к 1640 к миссионерам Сент-Анн присоединился брат Франсуа Ару [13, vol. II, p. 742]. Однако бесперспективность миссии к тому времени стала очевидной – в 1641-1642 гг. резиденция Сент-Анн окончательно была оставлена [16, vol. XXII, p. 239; 13, vol. V, p. 215]. А. Ришар отправился на о. Миску, в еще одну иезуитскую резиденцию среди микмаков - Сен-Шарль [13, vol. II, p. 853].

Резиденция Сен-Шарль на острове Миску в заливе Св. Лаврентия (совр. Сен-Луи), также возникшая по инициативе компании Миску в 1635 г., оказалась наиболее трудным испытанием физических и духовных сил миссионеров. Сам остров, «приблизительно 7 лье в окружности», отличался крайне скудными условиями: «Его почва не добра; вода не полезна; леса там не столь высоки и не столь красивы, как на материке; он изобилует куропатками и зайцами; были прежде лоси, но они все истреблены». Но этот остров был крупнейшим рыболовецким центром до французской колонизации Ньюфаундленда в середине XVII в. У его берегов «найден в изобилии треска, и каждый год много кораблей, нагруженных этими рыбами, везут их во

Францию, Португалию, Италию и многие другие области» [16, vol. XXXII, p. 35].

В 1635 г. туда прибыли оо. Шарль Тюржи и Шарль Дюмарше, «чтобы управлять Таинствами для двадцати трех французов», живших в Сен-Шарль, «и выяснить перспективы обращения Дикарей», индейцев племени микмаков. Однако это миссионерское предприятие оказалось чрезвычайно трудным. «Страдания были почти единственным занятием этих бедных людей; болезнь сломила их, и смерть забрала большую часть». Дюмарше был вынужден отправиться в Квебек; о. Тюржи сопротивлялся в течение некоторого времени, утешая его небольшую паству. Но к весне 1637 г. тяжелый труд и цинга «сломили его так же, как других: все же он сопротивлялся до последнего вздоха. И, похоронив капитана, агента и хирурга, одним словом, всех чиновников, и 8 или 9 рабочих, он умер сам [4 мая], оставив только одного человека, больного при смерти, кого он благочестиво подготовил к этому переходу... Он – первый из нашего Общества, который умер от болезни в этих странах». Его успехи в христианизации микмаков были невелики: за те два года, которые Тюржи провел в Сен-Шарль, «он крестил только одного или двух диких детей, которые умерли немедленно после крещения» [16, vol. XXXII, p. 35-37; vol. XII, p. 265-267].

В 1637 г. иезуиты Жак де Лаплас и Николя Гондуэн, «посланные в те места с целью установления миссии на материке», нашли в Сен-Шарль только 9 человек, «настолько ослабевших, что отцы были вынуждены остаться там, чтобы помочь им». Лаплас, по-видимому, оставил Миску почти сразу же, поскольку в 1638 г. он прибудет в Квебек прямо из Франции. Отец Клод Кантен, посланный в 1637 г. в Сен-Шарль из Квебека, «потерял там свое здоровье, которое он отправился восстанавливать» обратно уже в следующем году, похоронив своего слугу. Он вновь вернулся в миссию в том же, 1638 г., сразу по выздоровлению, и оставался там до 1640 г., когда болезнь вновь заставила его покинуть остров. Осенью он отплыл во Францию для очередного курса лечения. В 1642 г. отец Жан Долебо «стал там хромым во всех его членах», то есть, парализован. В следую-

щем году, отправленный во Францию для лечения, «он столкнулся в пути с Раем» в результате нападения пиратов [16, vol. XXXII, p. 37-39].

Гондуэн покинул резиденцию в 1638 г. Он сопровождал посольство микмаков во главе с юным сыном вождя в Париж к Людовику XIII с целью признания «этого великого князя, от имени всех этих наций, как их истинного и законного монарха». В ответ, «Король и Королева, полные страсти к спасению этих несчастных народов», показали послу дофина, а также «подарили шесть костюмов для истинно королевской особы» [16, vol. XV, p. 223]. После возвращения в Миску, послы микмаков в сопровождении Гондуэна сразу же отправились в Квебек, где вручили все эти дары губернатору. Монмани, «стремясь распространить королевскую честь среди этих наций, и избежать какой-либо ревности», приказал распределить королевские костюмы среди христианских представителей различных индейских народов, присутствующих тогда в Квебеке. Поэтому, «три роскошных костюма были отданы этому молодому Дикарю», послу микмаков, а остальные должны были получить «три христианских Дикаря, избранные из трех наций» (вероятно, монтанье, алгонкинов и гуронов) [16, vol. XV, p. 223-225].

Однако Гондуэн не вернулся с микмаками обратно в Сен-Шарль: в дороге он сильно обжегся, ему требовалось серьезное лечение, поэтому он отплыл во Францию в 1639 г., чтобы больше никогда не возвращаться в Северную Америку [13, vol. IV, p. 248]. После того, как о. К. Кантен был назначен в 1641 г. прокуратором для сопровождения судов в колонию, он также больше не вернулся в резиденцию. Благодаря А. Ришару, который сменил в 1643 г. заболевшего Ж. Долебо, миссия в Сен-Шарль продолжила деятельность. Тогда же к нему присоединился Мартен де Лионн, который прибыл в Новую Францию для работы в Гуронской миссии, но найдя в Миску лишь одного Ришара, остался в резиденции помогать ему [16, vol. XXIV, p. 153-155; vol. XXXII, p. 39].

Компании Новой Франции и Миску всячески старались сохранить этот выгодный коммерческий пост, в том числе увеличивая финансирование для иезуитской миссии. В

феврале 1639 г. их представители обратились даже к самому генералу ордена с предложением обеспечить работу десяти священников, исполнявших не только миссионерские функции, но и обязанности кюре и капелланов для поселенцев и моряков [13, vol. IV, p. 191-192, 201, 260]. Это предложение было отклонено иезуитскими супериорами, исходивших из интересов миссии в целом: их приоритетом оставались Гуронская миссия и Лаврентийские редукции, настоятели которых постоянно требовали подкреплений, а не периферийные торговые фактории с несколькими французами и непостоянным кочевым индейским окружением. Поэтому в Миску было всегда характерным ограниченное число миссионеров: два-три отца и столько же братьев-коадьюторов. Еще одной специфической чертой этой миссии стала текущая часть состава ее персонала, вызванная частыми смертями и болезнями миссионеров из-за суровых условий жизни. В конце концов, от этой резиденции также отказались в 1643 г., после основания редукции для микмаков в Непизигит, на побережье залива Шалёр.

В это время там находилось лишь три миссионера – оо. Андре Ришар и Мартен де Лионн, а также брат-коадьютор Жак Ратель. В 1645 г. к ним присоединился о. Ж. де Лаплас. В 1643 г. Жак де Ля Ферте, аббат де ля Мадлен, член правления Компании Новой Франции и один из крупнейших феодальных собственников в Северной Америке предоставил дотацию на строительство в заливе Св. Лаврентия редукции для микмаков по образцу Силлери близ Квебека. Ришар выбрал место в Непизигит (совр. Батёрст, пров. Нью-Брансуик, Канада), на побережье залива Шалёр. В 1619-1624 гг. здесь существовала миссия аквитанских реколлектов, которых позже сменили капуцины. В результате хронической нехватки денег и рабочего персонала лишь к 1646 г. были построены три дома, где поселились семьи неофитов [16, vol. XXXII, p. 39-41]. В самой «редукции» постоянно проживали о. Андре Ришар и брат Жак Ратель, оо. Мартен де Лионн и Жак де Лаплас остались в Миску, обслуживая духовные потребности французских поселенцев [16, vol. XXVIII, p. 213].

Иезуиты пользовались большим авторитетом среди местных групп микмаков: «Они любят и уважают нас», сообщал Ришар в 1643 г. Вимону. При строительстве редукции, индейцы оказывали помощь миссионерам. Их качества и образ жизни весьма импонировали священникам, вселяя оптимизм в перспективу работы среди них. «Будет легко поддержать их в соблюдении Божьих и Церковных заповедей, особенно, живя с ними», был убежден Ришар [16, vol. XXVI, p. 151-153]. Мать Мари л'Энкарнасьон, урсулинская настоятельница, писала в сентябре 1643 г., что только «в этом году были заложены первые основы церкви в Миску», несмотря на то, что иезуиты присутствовали там с 1635 г., не считая эпизодического существования миссий реколлектов и капуцинов [12, t. I, p. 182].

В июле 1646 г. иезуиты (Ж. де Лаплас) участвовали в организации мирной конференции в Миску между микмаками и группами монтанье (берсамитами, папинашо и др.) залива Св. Лаврентия, положившей конец постоянным войнам между этими племенами. Тем самым открывалась возможность для иезуитских миссионеров расширить ареал христианизации, а для колонии – привлечь новых поставщиков мехов и потенциальных союзников [16, vol. XXX, p. 139-143].

К 1647 г. были крещены 8 семей (ок. 40 чел.), в том числе раб-эскимос, который стал, вероятно, первым христианином среди своих соплеменников. Большинство стремилось обеспечить крещение больным родственникам, прежде всего, детям. Ришар отмечал, что все местные индейцы «уже стали бы христианами к этому времени, если бы не было спиртного, которое продают им... безнаказанно» [16, vol. XXVIII, p. 23, 31, 37; vol. XXX. P. 127, 133-135; vol. XXXII. P. 41, 53]. Препятствием для роста христианской общины оставался дефицит миссионерского персонала, о чем отцы Миску не устали напоминать своим супериорам в Квебеке и Париже [16, vol. XXVIII, p. 213].

Однако дальнейшее развитие редукции было прервано феодальной войной, разгорев-

шейся в Акадии между претендентами на обладание ею – Шарлем де Мену д'Онэ, за которым стояли влиятельные при дворе члены обществ дю Сен-Сакраман и Нотр-Дам де Монреаль, и Шарлем Ля Туром [1, с. 85-106]. Поскольку компания Миску и ее представитель Николя Дени поддерживали последнего, д'Онэ в 1647 г. захватил территорию компании и разрушил редукцию в Непизигит. Эта территория была официально передана им капуцинам. Ришар и Лаплас были вынуждены вернуться в Квебек, а оттуда во Францию; де Лионн остался в Квебеке, продолжив работу с приходящими в Тадуссак микмаками [16, vol. XXXII, p. 53-55, 87; 5, p. 88]. В июле 1649 г. он попытался восстановить миссию в Миску, но уже в начале сентября был вынужден вернуться обратно в Квебек [16, vol. XXXIV, p. 57, 59]. Вновь миссионерская деятельность ордена в заливе Св. Лаврентия возобновится лишь в 1652 г. после смерти д'Онэ.

Можно предполагать, что незначительные успехи французских (прежде всего, иезуитских) миссионеров среди микмаков залива Св. Лаврентия в первой половине XVII в. были связаны с периферийным положением этого региона в зоне французской колонизации в целом. Значение пушной торговли постоянно возрастало по сравнению с рыболовством, что заставляло французские колонии интенсифицировать отношения (в том числе, религиозные) с племенами в глубинах континента – сначала, с монтанье и алгонкинами, затем – гуронами, и далее – на запад от Великих озер. Серьезным препятствием для планомерной миссионерской работы оставался кочевой образ жизни микмаков. Тем не менее, стойкие попытки иезуитов сохранить свои резиденции среди этого народа, несмотря на тяжелые условия, демонстрируют и другие факторы миссионерской деятельности в тот период, не сводимые исключительно к экономической или политической целесообразности и связанные с традиционными для христианского миссионерства идеями мученичества и эсхатологии.

Список литературы

1. Акимов Ю. Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в 1613-1713 гг. СПб., Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. 488 с.

2. Бейклесс Дж. Америка глазами первооткрывателей. М., Редакция литературы по географии, 1969. 408 с.
3. Федин А. В. Иезуитская миссия в Новой Франции в первой половине XVII в. М., Издательство Ипполитова, 2016. 432 с.
4. Bock Ph. K. Micmac // Handbook of North American Indians. Vol. 15. Northeast / ed. by B. G. Trigger. Wash., Smithsonian Institution Press, 1978. P. 109-122.
5. Campeau L., SJ. The Jesuits and Early Montreal. Midland, Steve Catlin, 2002. 181 p.
6. Champlain S. de. The works of Samuel de Champlain / ed. by H. P. Biggar. Vol. 1-6. Toronto, Champlain Society, 1922-1936.
7. Charlevoix P.-F.-X., de, SJ. History and General Description of New France / ed. by J. G. Shea. Vol. I-VI. N. Y., Francis P. Harper, 1900.
8. Du Creux F., SJ. The history of Canada or New France / ed. by J. B. Conacher. Vol. I-II. Toronto, Champlain Society, 1951-1952
9. Folsom G. Expedition of Captain Samuel Argall, afterwards governor of Virginia, knight, etc. to the French settlements in Acadia and to Manhattan Island, A.D. 1613 // Collections of the New York Historical Society. N. Y., 1841. 2d. ser., v. 1, pt. 9. P. 333-342.
10. Lecompte E., SJ. Les Anciennes Missions de la Compagnie de Jésus dans la Nouvelle France (1611-1800). Montréal, Quebec, Imprimerie du Messager, 1925. P. 81.
11. Lescarbot M. The history of New France / ed. by H. P. Biggar. Vol. I-III. Toronto, Champlain Society, 1907-1914.
12. Lettres de la révérende mère Marie de l'Incarnation (née Marie Guyard): première supérieure du monastère des Ursulines de Québec. T. I-II. Paris: Librairie internationale catholique; Tournai: Vve. H. Casterman, 1876.
13. Monumenta Novæ Franciæ / ed. par L. Campeau, SJ. Vol. I-IX. Roma, Québec, Montréal, Bellarmin, 1967-2003.
14. Notice Historique sur la Compagnie de Jésus au Canada. Montréal, Au bureau du propriétaire, 1889. 95 p.
15. Osborne W. J. Notes on the Pioneer Missionaries of the Lower Saint John, 1604-1731 // Canadian Catholic Historical Association Report. 1947-1948. № 15. P. 33-40.
16. The Jesuit Relations and Allied Documents. Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791 / ed. by R. G. Thwaites. Cleveland: The Burrows Brothers Company Publishers, 1896-1901. Vol. I-LXXIII.
17. Wachtel J. R. «Very Advantageous Beginnings»: Jesuit Conversion, Secular Interests, and the Legacy of Port Royal, 1608-1620. A Thesis Submitted to the Faculty of Miami University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts, Department of History. Oxford, 2008. 50 p.

FORMATION OF JESUIT MISSION AT MICMAC OF NEW FRANCE IN FIRST HALF OF 17th-CENTURY

The American Indian people of Micmac became the first, come into contact (trading and political) with the French colonists at the Atlantic coast of northern America (in Acadia). It has predetermined also their early attempts of christianizing from outside the French latin church, and, first of all, members of the Society of Jesus (jesuits), avant-guard of missionary movement of early Modern time. In first half 17th-century, in formation of the French colonial system in the North America, the Micmacs played the important role of intermediaries between coastal nations and the people of internal Canada that did by their main objects of missionary efforts, but in process of colonisation advancement deep into continent value of Micmacs for the French colony fell and together with it jesuit presence was reduced to their territories

Keywords: Jesuits, the missionary activity, New France, Acadia, Micmac, Montagnais, reduction, accommodation.

References

1. Akimov, YU. G. (2002). Ot mezhkolonial'nykh konfliktov k bitve imperij: anglo-francuzskoe sopernichestvo v Severnoj Amerike v 1613-1713 gg. [From intercolonial conflicts to fight of empires: the English-French rivalry in the North America in 1613-1713]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
2. Bejkless Dzh. (1969). Amerika glazami pervootkryvatelej [America by eyes of pioneers].

М.: Redakciya literatury po geografii.

3. Fedin A. V. (2016). Iezuitskaya missiya v Novoj Francii v pervoj polovine XVII v. [Jesuit mission in first half 17th- century New France]. М.: Izdatel'stvo Ippolitova.

4. Bock Ph. K. (1978). Micmac. Handbook of North American Indians. Vol. 15. Northeast. Wash.: Smithsonian Institution Press.

5. Campeau L. (2002). The Jesuits and Early Montreal. Midland: Steve Catlin.

6. Champlain S. de. (1922-1936). The works of Samuel de Champlain. Vol. 1-6. Toronto: Champlain Society.

7. Charlevoix P.-F.-X., de. (1900). History and General Description of New France. Vol. I-VI. N. Y.: Francis P. Harper.

8. Du Creux F. (1951-1952). The history of Canada or New France. Vol. I-II. Toronto: Champlain Society.

9. Folsom G. (1841). Expedition of Captain Samuel Argall, afterwards governor of Virginia, knight, etc. to the French settlements in Acadia and to Manhattan Island, A.D. 1613. Collections of the New York Historical Society. N. Y., 2d. ser., v. 1, pt. 9.

10. Lecompte E. (1925). Les Anciennes Missions de la Compagnie de Jésus dans la Nouvelle France (1611-1800). Montréal, Quebec: Imprimerie du Messager.

11. Lescarbot M. (1907-1914). The history of New France. Vol. I-III. Toronto: Champlain Society.

12. Lettres de la révérende mère Marie de l'Incarnation (née Marie Guyard): première supérieure du monastère des Ursulines de Québec. (1876). T. I-II. Paris: Librairie internationale catholique; Tournai: Vve. H. Casterman.

13. Monumenta Novæ Franciæ. (1967-2003). Vol. I-IX. Roma, Québec, Montréal: Bellarmin.

14. Notice Historique sur la Compagnie de Jésus au Canada. (1889). Montréal: Au bureau du propriétaire.

15. Osborne W. J. (1947-1948). Notes on the Pioneer Missionaries of the Lower Saint John, 1604-1731. Canadian Catholic Historical Association Report. № 15.

16. The Jesuit Relations and Allied Documents. Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791. (1896-1901). Cleveland: The Burrows Brothers Company Publishers, Vol. I-LXXIII.

17. Wachtel J. R. (2008). «Very Advantageous Beginnings»: Jesuit Conversion, Secular Interests, and the Legacy of Port Royal, 1608-1620. A Thesis Submitted to the Faculty of Miami University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts, Department of History. Oxford.

Об авторе

Федин Андрей Валентинович – доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории международных отношений и международного права Брянского Государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: avfedin@yandex.ru

Fedin Andrey Valentinovich – Grand PhD (history), Associate Professor, Department of World history, international relations and international law, Bryansk state university named after I.G. Petrovskiy (Russia), E-mail: avfedin@yandex.ru

УДК 339.5

Глушак Н.В., доктор экономических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

Елаго Т.А., студентка 4 курса, специальности «Таможенное дело», Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ СЫРЬЕВОЙ ЗАВИСИМОСТИ РОССИИ ОТ ЭКСПОРТА ЭНЕРГОРЕСУРСОВ

В статье проведён двухступенчатый экономический анализ российского экспорта. Исследованы товары преобладающие в экспорте России. Отдельно представлен экспорт минеральных продуктов группы «нефть и нефтепродукты» за 2018 год. Выявлены закономерности и зависимость отечественной экономики от сырьевого экспорта, доля которого занимает две трети от совокупного экспорта. Это является главной угрозой для развития российской экономики. Кроме того, озвучена проблема энергозависимости России, без решения которой невозможно развивать экспортный потенциал страны. Экспортный потенциал определялся как инструмент экономической политики России, с помощью которого происходит активация конкурентных преимуществ страны, способствующая её выходу на путь стабильного, ускоренного и качественного экономического роста. Отмечено, что положительные изменения, произошедшие в экономике за последние примерно 5 лет, были вызваны падением цен на энергоресурсы, а не политической волей руководства страны. В качестве решения поставленной проблемы рассмотрен ряд мероприятий способствующих переориентации российской экономики и диверсификации всего экспорта.

Ключевые слова: экономика, экспорт, сырьевой сектор, топливно-энергетические ресурсы, нефть, диверсификация.

На современном этапе развития мира энергоресурсы стали неотъемлемой частью жизни каждого из нас. В конце концов, эта «неотъемлемая часть жизни» превратилась с целую зависимость для одних стран в большей степени, а для других - в меньшей. Наша страна является ярчайшим примером рассматриваемой проблемы. Поэтому говоря об актуальности исследования проблемы зависимости России от экспорта энергоресурсов невозможно не отметить значимость выбранной темы, то насколько важно найти тот самый верный путь ухода нашей страны от так называемой «нефтяной иглы», которая во многом делает страну уязвимой на современном мировом рынке.

Отношение к богатству России энергоресурсами всегда носило неординарный характер, вплоть до того, что сырьевую экономику ассоциировали с «проклятьем» страны [2]. Надо сказать, что на современном этапе развития Российская Федерация (далее РФ) так и не сумела справиться с задачей овладения умением грамотно пользоваться энергоресурсами. Безусловно, обеспеченность территории нашей стран такими природными ресурсами как нефть и газ — это, серьёзный «отпор» конкуренции многих стран мира. Ка-

залось бы, это определённо наше преимущество перед другими странами, но касаясь этого вопроса дела обстоят совсем иначе.

Экономика России, включая все сферы бизнеса (малый, средний, крупный), торговлю, валютную политику, социальную сферу — находится в жёсткой зависимости от сырьевого характера экспорта РФ. Естественным образом, такая «уязвимость» носит негативный характер для нашей страны, нанося вред как экономической, так и политической сферам деятельности.

Для проведения исследования по выбранной теме нами были использованы как теоретические, так и эмпирические методы исследования. Среди теоретических методов имели место анализ, синтез, классификация, обобщение, аналогия. В числе эмпирических методов описание и сравнение.

В последние несколько лет Российская Федерация ведет активную «борьбу» за первое место в рейтинге стран по объемам добычи жидких углеводородов. Главными конкурентами выступают Саудовская Аравия и США. На протяжении последних 10 лет, производство жидких углеводородов росло в России каждый год со средним темпом более 1% (рисунок 1).

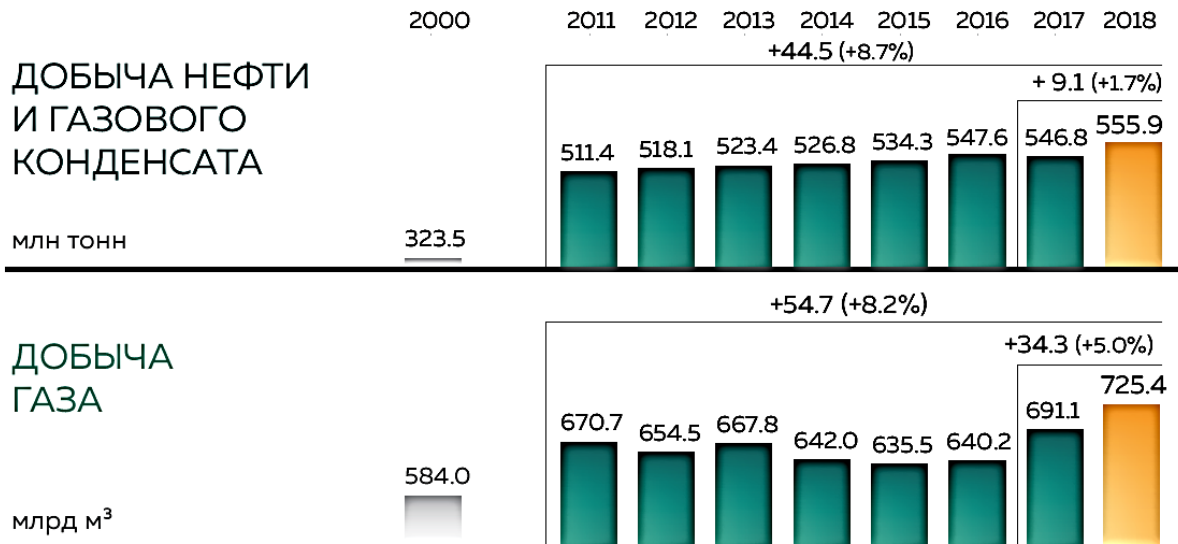

Рис. 1 - Добыча нефти и газового конденсата в России [9]

Из общей статистики выбивается только 2017 год, поскольку именно в это время действовали ограничения связанные с соглашением ОПЕК+. Но даже в таких условиях добыча жидких углеводородов превысила 546 млн. т. Хотя стоит отметить, что это

на 4% меньше рекордного показателя за 1987 год, а именно 569,5 млн. т.

Оценивая мировую конъюнктуру, следует отметить, что Россия занимает 2 место в мире по добыче нефти и газа (рисунок 2).

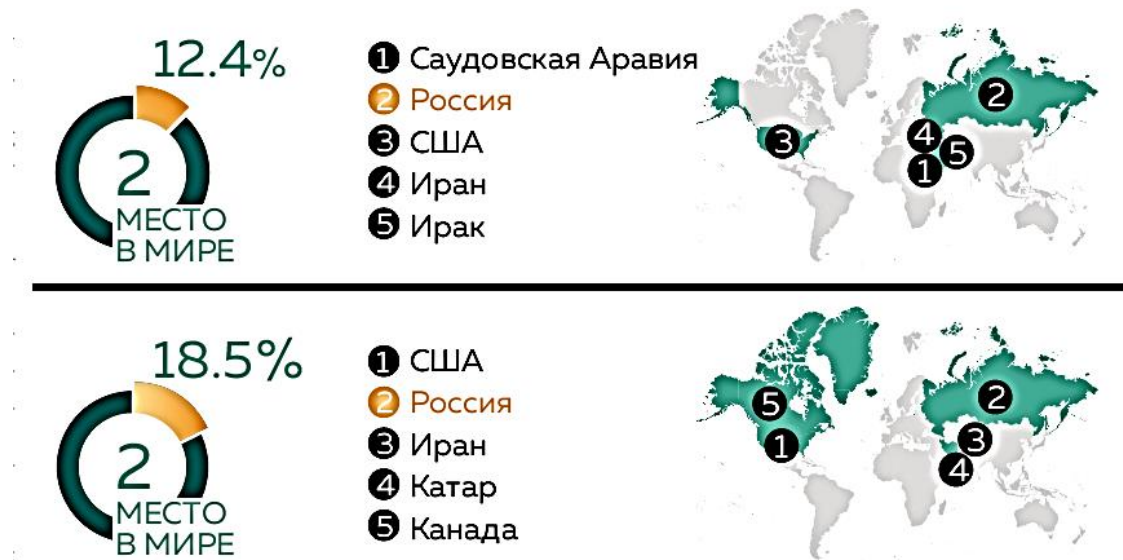

Рис. 2 – Доля России в мире по добыче нефти и газа в 2018 году [9]

Главными позитивными факторами роста можно рассматривать 2 события:

1. В 2008-2012 годах были запущены несколько месторождений разведанных еще в 1970-1980-е годы: Ванкорское, Верхнечонское и Талаканское. На сегодняшний день осваиваются Новопортовское и Восточно-Мессояхское месторождения, а также им. Требса и им. Титова, им. Филановского и другие.

2. Рост газового конденсата на 100 % за

9 последних лет связан с активной разработкой новыми компаниями месторождений так называемого «жирного» газа.

По итогам 2018 г., объем национальной добычи нефтяного сырья вырос относительно 2017 г. на 9,1 млн. т (+1,7%) и составил в абсолютном выражении 555,9 млн. т. Из полученного прироста, более половины (+5,0 млн т, +13,5%) было получено на новых месторождениях со сроком эксплуатации до 5 лет.

РФ является лидером по экспорту нефти и нефтепродуктов довольно длительный промежуток времени. Так на 1 января 2018 года, Россия заняла шестое место среди стран по мировым запасам нефти, что составило 106,2 миллиардов (далее млрд.) баррелей, а в процентном соотношении – 6,3% от мировых запасов. Добыча нефти в январе 2018 года оценивалась показателем в 10,95 млн. баррелей, что составило 13,92% от общемировых показателей, и заняла первое место на общемировом уровне [9]. Экспортные поставки нефти из России за период 2018 года выросли до 5,1 млн. баррелей [9].

Важно заметить, что Россия входит в состав Организации стран – экспортёров нефти (далее ОПЕК), являясь влиятельным участником этой межправительственной организации.

Исследуя проблему энергозависимости, невозможно не сказать, что экспортный потенциал страны во многом предопределяет

развитие национальной экономики. Иными словами это способность страны производить продукцию, с достаточным уровнем конкурентоспособности на мировом рынке, экспортируя её в необходимом размере по мировой цене. Экспортный потенциал представляет собой инструмент экономической политики России, с помощью которого происходит активация конкурентных преимуществ страны, способствующая её выходу на путь стабильного, ускоренного и качественного экономического роста. Поэтому основной проблемой в данном случае является отсутствие должного уровня диверсификации экспортного потенциала.

Так что же представляет собой структура экспорта? Батизи Э.Э. трактует это понятие, как соотношение долей различных видов товаров в общем экспорте страны [4]. Структура общего экспорта продуктов России представлена в таблице 1.

Таблица 1

Результаты исследования основных товаров, экспортируемых из России в период с 2017 по II квартал 2019 года (%)

Наименование товара	В % к совокупному экспорту		
	2017	2018	2019 (II квартал)
Минеральные продукты	52,1	54,6	54,2
Скрытый раздел	14,2	13,5	17
Металлы и изделия из них	10,1	9,9	9,3
Продукция химической промышленности	4,4	4,2	4,1
Машины оборудование и аппаратура	3,3	3	1,8
Драгоценности	2,7	2,3	1,9
Продукты растительного происхождения	2,6	2,7	2,5
Древесина и изделия из неё	2,1	2,1	2

Проанализировав данные, представленные в таблице 1, можно сделать вывод о том, что в структуре общего экспорта товаров в России за период с 2017 по II квартал 2019 года преобладают минеральные продукты, которые занимают больше половины от структуры экспорта всех товаров. Минеральные продукты являются важнейшим источником поступления денежных средств от экспортных таможенных операций страны.

В современной ситуации такое непропорциональное соотношение экспортируемых страной товаров является важнейшей проблемой для развития экономики в целом.

Мировой рынок уже давно ассоциирует Россию как сырьевого экспортёра топливно–энергетических ресурсов. В трудах многих учёных и специалистов в данной области отмечается, что отечественная экономика просто-напросто не сможет продолжительное время удержаться лишь на добыче энергоресурсов[3;5].

Ещё в далеком 2014 году Президент РФ В.В. Путин, выступая на совещании с участием ряда членов Правительства (12 февраля 2014г.) обозначил: «Наверное, нет смысла повторять, что мы все считаем, что прежние источники роста если не полностью

подошли к концу, то работают уже, мягко говоря, не так эффективно, как раньше. Потому что всегда мы ожидали роста и роста, повышения и повышения цен на энергоносители. Они у нас держатся на хорошем уровне, но такого роста как прежде нет, и источник этот себя исчерпал, можно сказать» [12]. В чем просто невозможно с ним не согласиться, ведь правда, когда-нибудь любая сфера, приносящая большой доход исчерпывает себя.

Внешнеторговый оборот России в 2018 году был равен 686,1 млрд. долларов (далее дол.) [11]. Соотношение между экспортом и импортом следующее: экспорт – 448,9 млрд. дол., импорт – 237,2 млрд. дол. Последние данные за II квартал 2019 года по внешнеторговому обороту составили 158,8 млрд. дол., экспорт – 100 млрд. дол., импорт 58,8 млрд. дол. [11]. В сравнении 2018 и 2019 годов, по неполным данным 2019 года сложно гово-

рить о какой-либо тенденции. Но зато уверенно можно сказать, что в обоих случаях объем экспортируемых товаров преобладает над объемом импортируемых. Казалось бы, в этом нет ничего плохого, но проблема уходит своими корнями куда глубже.

Экспорт из России минеральных продуктов группы «нефть и нефтепродукты» за 2018 год был равен 237,1 млрд. дол., что составляет практически 2/3 от внешнеторгового оборота страны [9]. В основном экспортировались «нефть сырая и нефтепродукты сырые» (54%), «нефть и нефтепродукты (кроме сырых)» (33%). В структуре экспорта минеральных продуктов по странам (товаров из группы «нефть и нефтепродукты») на первом месте Китай (17%), на втором Нидерланды (15%). Экспорт минеральной продуктов группы «нефть и нефтепродукты» в 2018 году представлен в таблице 2.

Таблица 2

Результаты исследования экспорта минеральных продуктов группы «нефть и нефтепродукты» (2018 год)

Наименование товара	Показатели экспорта	
	млрд. дол.	% от общей доли
Нефть сырая и нефтепродукты сырые	129 млрд.	54,2
Нефть и нефтепродукты (кроме сырых)	77,8 млрд.	32,9
Каменный уголь	16,9 млрд.	7
Газы нефтяные	7,5 млрд.	3,3
Масла	3,18 млрд.	1,4
Бурый уголь или лигнит	563 млн.	0,2
Кокс	678 млн.	0,3

Основой экспорта РФ в 2018 году составили топливно-энергетические товары, их доля среди экспорта товаров составила приблизительно 64,2 %. Стоимостный объем топливно-энергетических товаров в рассматриваемом году увеличился на 27,2 %, а физический на 6,8 % [6;7].

Если проанализировать показатели экспорта отдельных составляющих топливно-энергетических товаров России, то дела обстоят следующим образом: экспорт керосина увеличился в 2018 году на 18,1%, каменного угля - на 17%, автомобильного бензина – на 7%, природного газа – на 5,3% [7]. Что касается физического объема топливно-энергетических товаров, то количество жидкого топлива сократилось на 10,8%, электроэнергии – на 4,6%, кокса на 2,8%, нефти и нефтепродуктов – на 1,8%. Говоря о доходности, следует

отметить, что сырьевая составляющая российского экспорта принесла экономике страны практически две трети заработанных средств. Уровень доходов только лишь от экспорта нефти в федеральном бюджете РФ в 2018 году составил 43% [11].

Невозможно не заметить такой закономерности как произошедшие изменения в структуре экономики и торговли, которые в свою очередь связаны не с развитием сырьевого сектора экономики, а с падением цен на энергоресурсы на мировом рынке [10]. На протяжении многих лет, пока цены на нефть были достаточно высокими, экономика нашей страны придерживалась простого принципа – все деньги, полученные от реализации природных ресурсов обеспечивали её экономику, благодаря чему производилась за-

купка новых технологий оборудования и других необходимых товаров. Но, главной ошибкой для такого существования экономики стало игнорирование фактов нестабильности нефтяного рынка и курса рубля на мировой арене.

Таким образом, объединив две рассмотренные выше таблицы можно с уверенностью сказать, что российский экспорт строится на экспорте минеральных продуктов, среди которых преобладающая роль отводится нефти, нефтепродуктам и природному газу, а это значит, что экспорт нашей страны попрежнему целиком и полностью лежит на трёх основных оставляющих сырьевого комплекса.

Наилучшим решением для выхода из сложившейся ситуации может стать лишь увеличение доли диверсификации в отечественной экономике, или иными словами расширение ассортимента выпускаемой продукции и переориентация российского рынка экспорта, с целью получения наибольшей

экономической выгоды и обретения стабильности в развитии экономики.

На наш взгляд, для улучшения ситуации государство должно предпринять ряд мероприятий, таких как: повышение уровня экспортных пошлин на необработанное сырьё, что в свою очередь стимулирует развитие перерабатывающего производства в стране; всевозможными способами уменьшить давление на сферу отечественного бизнеса и лишь способствовать его развитию в смежных отраслях экономики, чего во многом можно достичь с помощью уменьшения роли госсектора в некоторых областях экономики. После проведения хотя бы этих элементарных мероприятий отечественный бизнес сможет самостоятельно направить развитие экономики страны в другое русло. Естественным образом, это процесс займет довольно продолжительный промежуток времени, через которое полностью оправдает себя.

Список литературы

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза на 2018 год. – Москва: Издательство АСТ, 2018. – 480с. – (Кодексы и законы) – ISBN 978-5-1710-9593-2
2. Акопов С.Э. Формирование экспортно ориентированного энерготехнологического кластера на юге России: экономические предпосылки создания, технологические направления развития / С.Э. Акопов // Вопросы экономики и права. - 2015. - № 7 (85). – С. 49–53.
3. Бардовский В.П. Экономика / В.П. Бардовский. – Москва : Изд-во Форум. - Инфра-М. - 2016. - 672 с. – ISBN 978-5-8199-0361-2
4. Батизи Э.Э. Управление внешнеэкономической деятельностью хозяйствующих субъектов в России / ред. Э.Э. Батизи. – Москва: ИНФРА-М, 2017. - 284 с. – ISBN: 5-86225-592-3
5. Климовец О.В. Конкурентные преимущества стран-экспортеров нефти в условиях волатильности цен на углеводороды / О.В. Климовец // Международный журнал экспериментального образования. - 2015. - № 3-3.
6. Лазарян С.С, Никонов И.В., Окунева С.Е., Вотинов А.И., Черноталова М.А. Обзор мировых энергетических рынков: рынок нефти. Научно-исследовательский финансовый институт Минфина России. - февраль 2018 г. – 12с. [Электронный ресурс] URL: nifi.ru/images/FILES/NEWS/2018/energo_022018.pdf (Дата обращения 11.09.2019)
7. Интернет портал Oil Stat Статистика и аналитика [Электронный ресурс] URL: <http://oilstat.ru/analytics/156740/> (Дата обращения 14.09.2019)
8. Интернет портал Financial Guide Экспортный потенциал России [Электронный ресурс] URL: <http://www.financialguide.ru/> (Дата обращения 12.09.2019)
9. Интернет портал Все о нефти / Главная / Запасы нефти [Электронный ресурс] URL: <http://vseonefti.ru/> (Дата обращения 19.09.2019)
10. Кочерженко И. Н. Проблемы зависимости экономики России от колебаний мировых цен на нефть // Молодой ученый. — 2017. — №45. — С. 185-189.
11. Федеральная служба государственной статистики / Внешняя торговля [Электронный ресурс] URL: <http://www.gks.ru/> (Дата обращения 10.09.2019)
12. Центр научной политической мысли и идеологии / Экономика/ Путин о сырьевой зависимости [Электронный ресурс] URL: <http://rusrand.ru/> (Дата обращения 15.09.19)

STUDY OF THE PROBLEM OF RAW MATERIAL DEPENDENCE OF RUSSIA ON ENERGY EXPORTS

The article presents a two-stage economic analysis of Russian exports. The goods prevailing in export of Russia are investigated. Export of mineral products of the group "oil and oil products" for 2018 is presented separately. The regularities and dependence of the domestic economy on commodity exports, the share of which occupies two-thirds of total exports, are revealed. This is the main threat to the development of the Russian economy. In addition, the problem of Russia's energy dependence was voiced, without which it is impossible to develop the country's export potential. Export potential was defined as an instrument of Russia's economic policy, through which the country's competitive advantages are activated, contributing to its entry into the path of stable, accelerated and high-quality economic growth. It is noted that the positive changes that have occurred in the economy over the past 5 years were caused by the fall in energy prices, and not by the political will of the leadership of the country. As a solution to the problem, a number of measures contributing to the reorientation of the Russian economy and the diversification of all exports are considered.

Keywords: economy, export, raw materials sector, fuel and energy resources, oil, diversification.

References

1. Tamozhennyiy kodeks Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza na 2018 god. – Moskva: Izdatelstvo AST, 2018. – 480s. – (Kodeksyi i zakonyi)
2. Akopov, S.E. Formirovanie eksportno orientirovannogo energo-tehnologicheskogo klastera na yuge Rossii: ekonomicheskie predposylki so-zdaniya, tehnologicheskie napravleniya razvitiya / S.E. Akopov // Voprosyi ekonomiki i prava. - 2015. - № 7 (85) – S. 49–53
3. Bardovskiy V.P. Ekonomika / V.P. Bardovskiy. - M.: Izd-vo Forum. - Infra-M. - 2016. - 672 s.
4. Batizi E.E. Upravlenie vneshneekonomicheskoy deyatel'nostyu ho-zyaystvuyuschih sub'ektov v Rossii / red. E.E. Batizi. - M.: INFRA-M, 2017. - 284 c.
5. Klimovets O.V. Konkurentnyie preimushchestva stran-eksporterov nefiti v usloviyah volatilnosti tsen na uglevodorody / O.V. Klimovets // Mezhdunarodnyiy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. - 2015. - № 3-3.
6. Lazaryan S.S., Nikonov I.V., Okuneva S.E., Votinov A.I., Chernotalova M.A. Obzor mirovyih energeticheskikh ryinkov: ryinok nefiti. Nauchno-issledovatel'skiy finansovyy institut Minfina Rossii. - fevral 2018 g. – 12s. [Elektronnyiy resurs] URL: nifi.ru/images/FILES/NEWS/2018/energo_022018.pdf (Data obrascheniya 11.09.2019)
7. Internet portal Oil Stat Statistika i analitika [Elektronnyiy resurs] URL: <http://oilstat.ru/analytics/156740> // (Data obrascheniya 14.09.2019)
8. Internet portal Financial Guide Eksportnyiy potentsial Rossii [Elektronnyiy resurs] URL: <http://www.financialguide.ru/> (Data obrascheniya 12.09.2019)
9. Internet portal Vse o nefiti / Glavnaya / Zapasyi nefiti [Elektronnyiy resurs] URL: <http://vseonefti.ru/> (Data obrascheniya 19.09.2019)
10. Kocherzhenko I. N. Problemyi zavisimosti ekonomiki Rossii ot kolebaniy mirovyih tsen na nefit // Molodoy ucheniy. — 2017. — № 45. — S. 185-189.
11. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki / Vneshnyaya tor-govlya [Elektronnyiy resurs] URL: <http://www.gks.ru/> (Data obrascheniya 10.09.2019)
12. Tsentr nauchnoy politicheskoy myisli i ideologii / Ekonomika/ Putin o syirevoy zavisimosti [Elektronnyiy resurs] URL: <http://rusrand.ru/> (Data obrascheniya 15.09.19)

Об авторах

Глушак Николай Владимирович – доктор экономических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: gnw3@yandex.ru

Елаго Татьяна Андреевна – студентка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: t_elago98@mail.ru

Glushak Nikolay Vladimirovich – doctor of economic Sciences, Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, E-mail: gnw3@yandex.ru

Yelago Tatyana Andreevna – student, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, E-mail: t_elago98@mail.ru

УДК 338.43

Тачкова И.А., кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

В статье рассмотрены основные угрозы продовольственной безопасности. Выделены три аспекта продовольственной проблемы в современных условиях хозяйствования – достижение продовольственной самообеспеченности страны, ее регионов, создание благоприятных условий для продовольственной независимости в мировом масштабе, обеспечение безопасности потребляемых продуктов питания для жизни и здоровья населения, а также окружающей среды. Выявлено, что решающее значение в развитии продовольственной безопасности страны и ее регионов играет внешнеэкономическая политика. Подвергнуты оценке социально-экономические критерии продовольственной безопасности Брянской области: степень развития сельскохозяйственного производства и перерабатывающей промышленности; уровень потребления основных продуктов питания в соответствии с установленными физиологическими нормами; степень внешнего продовольственного давления; удельный вес импортных продуктов питания в общей структуре потребления; уровень самообеспеченности продуктами собственного производства; экономическая доступность и достаточность продовольствия для населения территории. Подчеркнуто, что ключевая роль в достижении прогнозных показателей роста сельскохозяйственной отрасли отводится крупным инвестиционным проектам, повышению эффективности сельскохозяйственного производства. Раскрыт потенциал региона в повышении уровня самообеспеченности основными продовольственными ресурсами. Определены и обоснованы условия увеличения экономической доступности продовольствия для граждан – повышение уровня жизни населения и снижение бедности, поддержка социально-незащищенных слоев населения. В рамках проводимой политики импортозамещения определены основные меры обеспечения продовольственной безопасности на уровне региона.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, угрозы продовольственной безопасности, агропромышленный комплекс, импортозамещение, продовольственная самообеспеченность региона, импорт, индекс внешнего продовольственного давления, экономическая доступность продовольствия, достаточность потребления продуктов питания.

Продовольственная безопасность, выступая структурным элементом национальной безопасности страны, отражает такое положение экономики, когда устойчиво на протяжении длительного периода времени обеспечивается продовольственная независимость государства и ее регионов, физическая и экономическая доступность основных продуктов питания для населения в объеме и качественных характеристиках, отвечающих требованиям законодательства Российской Федерации и создающих условия для полноценного воспроизводства человеческого капитала.

Таким образом, одной из актуальных мировых проблем в современных условиях хозяйствования выступает обеспечение продовольственной безопасности. В обозначенной проблеме традиционно выделяют три аспекта – достижение продовольственной самообеспеченности страны, ее регионов, создание благоприятных условий для продовольственной независимости в мировом масштабе, обеспечение безопасности потребляемых продуктов питания для жизни и здоровья населения, а также окружающей среды.

Решающее значение в развитии продовольственной безопасности страны и ее регионов играет внешнеэкономическая политика [3].

Серьезного внимания заслуживают угрозы продовольственной безопасности. Необходимо выделить внутренние и внешние угрозы продовольственной безопасности. Внутренние угрозы появляются под воздействием внутренних факторов, то есть факторов изменения массового спроса и массового предложения, возникающих в пределах экономики страны или региона. Внешние же факторы являются следствием открытости экономики, проявлением ее интеграции в экономическое пространство [1].

Ключевым индикатором продовольственной безопасности является степень обеспечения населения основными продуктами питания в количестве и качестве, отвечающим рекомендуемым нормам. За годы реформ в Брянской области сократилось потребление наиболее ценных пищевых продуктов (табл.1).

Согласно Приказу Министерства здравоохранения РФ от 19 августа 2016 г. № 614

«Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания» население Брянской области в 2018 г. недостаточно потребляло по ряду продовольственных товаров [2].

Если сравнивать фактические показатели 2018 г. с нормативами потребления основных продуктов питания, становится очевидным, что по мясу и мясопродуктам, молоку и молокопродуктам, маслу растительному, овощам и бахчевым, фруктам и ягодам, рыбе и рыбопродуктам, медицинские нормы не выдерживаются. Так, по молоку и молокопродуктам фактический уровень потребления составляет лишь 51,7% от нормы, овощам и бахчевым – 69,3%, фруктам и ягодам – 43%, рыбе и рыбопродуктам – 73,6% соответственно. В то время как превышены нормы

потребления по картофелю – на 72,2%, сахару – на 41,7%, хлебным продуктам – на 11,5% и яйцам и яйцепродуктам – на 6,2% к рекомендованному уровню Минздрава соответственно. В результате рацион питания оказывается несбалансированным: растет число углеводо- и крахмалосодержащих продуктов, доля же высокобелковых продуктов уменьшается, отмечается витаминный дефицит. Так, по сравнению с 1990 г., потребление мяса и мясопродуктов снизилось – на 20,5%, молока и молокопродуктов – на 58,4%, яиц – на 22,3%, сахара – на 42,4%, картофеля – на 24,8%, рыбы и рыбопродуктов – на 32,5% соответственно. Зафиксирован рост потребления по растительному маслу, овощам и бахчевым, фруктам и ягодам.

Таблица 1

Потребление основных продуктов питания в Брянской области на душу населения, килограммов в год [6]

Основные продукты питания	Нормы потребления	Годы						Темп роста, %			
		1990	2014	2015	2016	2017	2018	2018 г. к норме потребления	2018 г. к 1990г.	2018г. к 2017г.	2018г. к 2014г.
Мясо и мясопродукты	73	83	64	64	65	65	66	90,4	79,5	101,5	103,1
Молоко и молочные продукты	325	404	208	193	186	179	168	51,7	41,6	93,9	80,8
Яйца и яйцепродукты, штук	260	355	232	233	242	258	276	106,2	77,7	107,0	119,0
Сахар	24	59	34	32	33	32	34	141,7	57,6	106,3	100,0
Масло растительное	12	9,2	11,2	9,7	10,3	10,9	11,4	95,0	123,9	104,6	101,8
Картофель	90	206	150	151	155	152	155	172,2	75,2	102,0	103,3
Овощи и бахчевые	140	95	88	90	91	95	97	69,3	102,1	102,1	110,2
Фрукты и ягоды	100	31	51	44	49	45	43	43,0	138,7	95,6	84,3
Хлебные продукты	96	138	114	107	110	109	107	111,5	77,5	98,2	93,9
Рыба и рыбопродукты	22	24	14,8	15,2	15,5	15,8	16,2	73,6	67,5	102,5	109,5

В период 2014–2018 гг. отмечается положительная динамика фактического потребления продовольственных товаров, в частности – мяса, яиц, масла растительного, картофеля, овощей и бахчевых, рыбы и рыбных продуктов.

На уровень продовольственного самообеспечения могут оказывать влияние множество факторов: технические, экономические, социальные, политические, но решающим из них является состояние сельскохозяйственного производства [7].

Несмотря на наметившуюся в последние годы положительную динамику индекса физического объема сельхозпродукции, снижение удельного веса убыточных

сельскохозяйственных предприятий в общем объеме сельхозпредприятий, действующих в области, сокращение степени износа основных фондов сельхозпредприятий, уровень рентабельности имел тенденцию к снижению, причем в 2016 г. и 2017 г. зафиксированы отрицательные значения уровня рентабельности проданных товаров, продукции, работ, услуг – -2,06% и -1% соответственно. Наибольшие темпы сельскохозяйственного производства наблюдались в 2014 г. и 2015 г. – 114,9% и 113,1% соответственно. В 2017 г. и 2018 г. отмечалось некоторое замедление темпов роста продукции сельского хозяйства (табл. 2).

**Показатели, характеризующие состояние сельскохозяйственного производства
Брянской области в 2014–2018 гг. [6]**

Показатели	Годы					Абсолютное отклонение	
	2014	2015	2016	2017	2018	2018 г. к 2017г.	2018 г. к 2014г.
Индексы физического объема производства продукции сельского хозяйства, %	114,9	113,1	108,9	106	103,1	-2,9	-11,8
Доля сельского хозяйства в структуре ВРП, %	12,3	15,5	17,2	19,7	19,7	0	7,4
Степень износа основных фондов, %	43,5	41,6	41,2	34,8	33,6	-1,2	-9,9
Коэффициент обновления техники, %	4,9	17,1	8,9	8	7,5	-0,5	2,6
Удельный вес убыточных сельхозпредприятий, %	29,23	29,82	37,04	28,57	28,4	-0,17	-0,83
Уровень рентабельности (убыточности) проданных товаров, продукции, работ, услуг, %	14,66	8,51	-2,06	-1	0,19	1,19	-14,47

Положительной тенденцией в развитии регионального агропромышленного комплекса (АПК) является увеличение за последние пять лет доли сельского хозяйства в структуре валового регионального продукта (ВРП) с 7% до 19,7%. О развитии сельского хозяйства, в том числе в части обновления материально-технической базы свидетельствует показатель износа основных фондов, который в период 2014 – 2018 гг. снизился с 43,5% до 33,6%. Коэффициент обновления техники вырос в 2018 г. к уровню 2014 г. с 4,9% до 7,5%.

О темпах развития пищевой и перерабатывающей промышленности, состояние которой также влияет на уровень продовольственной безопасности региона, можно судить по индексу физического объема промышленного производства пищевой промышленности (рис. 1).

В период 2014 – 2018 гг. наблюдаются положительные темпы роста индекса физического объема промышленного производства пищевой промышленности, причем в 2017 г. и 2018 г. темпы роста промышленного производства пищевой промышленности опережали темпы роста производства продукции сельского хозяйства – 118,6% и 110,8% против 106% и 103,1% соответственно.

Согласно прогнозам, в период 2020–2021 гг. ожидается положительная динамика индекса производства продукции сельского хозяйства – 101,2–104,8%. Прогнозируемый объем сельскохозяйственного производства в 2020 г. и в 2021 г. должен составить соответственно 106,2 млрд. руб. и 111,0 млрд. руб.

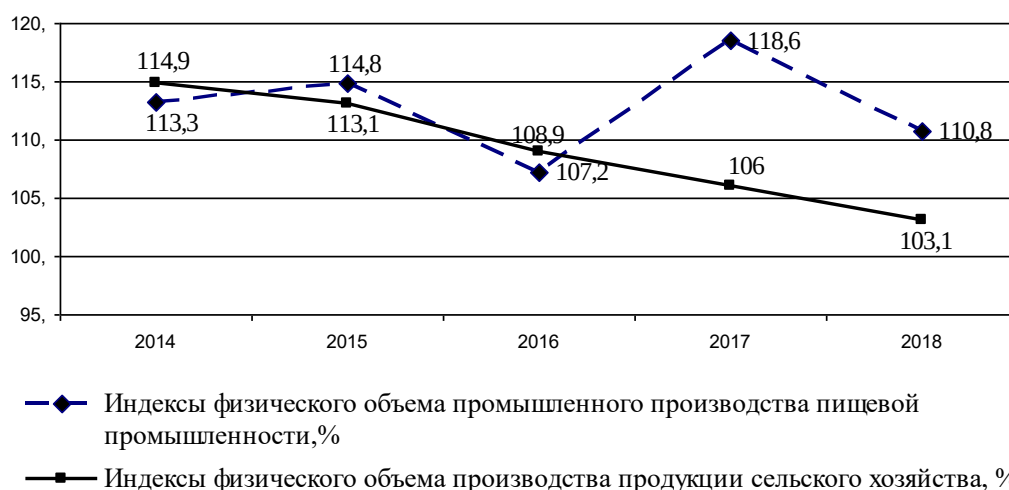

Рис. 1 Индексы физического объема промышленного производства пищевой промышленности и сельского хозяйства Брянской области, % к предыдущему году [6]

Реализация крупных инвестиционных проектов, повышение эффективности сельскохозяйственного производства будут способствовать достижению прогнозных

показателей роста сельскохозяйственной отрасли в 2020–2022 гг.

Следующий показатель, который целесообразно рассмотреть при характеристике

продовольственной безопасности – индекс внешнего продовольственного давления (ИВПД). Динамика индекса внешнего продовольственного давления в отношении яиц и яйцепродуктов говорит о том, что год от года зависимость области от ввозимых из-за ее пределов ресурсов увеличивается. Так, в 2014 г. ИВПД составил 0,025, в 2018 г. его значение выросло до 0,197. Также регион зависит от ввоза (в том числе импорта) по овощам и бахчевым, однако в динамике зависимость снижается, поскольку индекс внешнего продовольственного давления в 2014 – 2018 гг. снизился с 0,254 до 0,036. Степень внешнего продовольственного давления по мясу и мясопродуктам, молоку и молокопродуктам, картофелю сокращается. Так, по мясу и мясопродуктам за исследуемый период ИВПД снизился с -1,398 до -3,271, молоку и молокопродуктам – с -0,060 до -0,074, картофелю – с -1,546 до -2,745. Более того, отрицательное значение индекса внешнего продовольственного давления говорит о том, что по указанным видам продовольственных ресурсов вывоз превышает ввоз. Причем, если превышение вывоза (включая экспорт) над ввозом (включая импорт) по мясу и мясопродуктам составило в 2018 г. – 3,48 раз, то в отношении картофеля – 43,72 раза.

Не менее важный фактор продовольственной безопасности региона – степень импортного давления на внутренний продовольственный рынок. Наблюдается зависимость региона от импорта продовольственных товаров.

Меры, направленные на развитие отечественного АПК, проводимая политика

импортозамещения, ослабление курса рубля, продовольственное эмбарго в отношении стран Европейского Союза и США в последние пять лет способствовали снижению импортного давления в целом по всем продовольственным товарам с 34% до 24%. В отношении мяса и птицы доля импорта за исследуемый период сократилась на 11,9%, по говядине – на 14%, свинине – на 15%, по маслам животным, сырам, сухому молоку и сливкам – на 17,8%, 12,9% и 10,7% соответственно. Увеличение доли импорта отмечается по растительным маслам – с 14% до 17,9% в общем объеме товарных ресурсов. Рост удельного веса импортируемых растительных масел обусловлен, прежде всего, увеличением поставок пальмового масла.

Таким образом, регион активно участвует в политике импортозамещения и способен в полной мере обеспечивать себя молоком и молочными продуктами, говядиной, свининой, мясом птицы, картофелем. Однако заместить полностью импорт продовольствия невозможно и экономически нецелесообразно в силу отсутствия благоприятных климатических условий для выращивания ряда сельскохозяйственных культур, в частности фруктов, орехов, чая, кофе и т.д.

Необходимо отметить, что за последние пять лет обеспеченность области продуктами собственного производства по мясу и мясопродуктам возросла с 98,73% до 469,39%, молоку и молочным продуктам с 79,65% до 145,06%, яйцам – с 89% до 117,52%, по овощам и бахчевым – с 85,46% до 123,5%, по картофелю – с 184,46% до 710,38% (рис. 2).

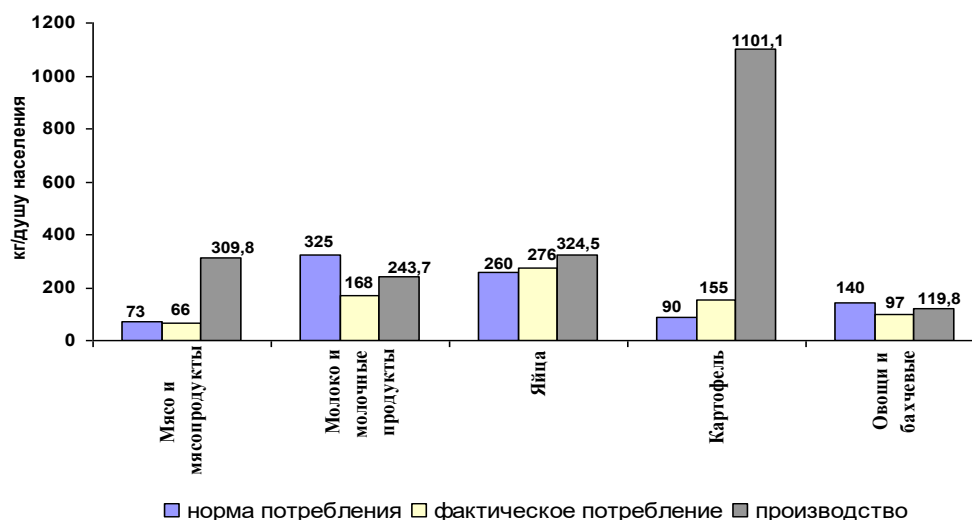

Рис. 2 Соотношение уровней нормативного, фактического потребления и производства основных продуктов питания на душу населения Брянской области в 2018 г., килограммов [4]

Существенным положительным сдвигом можно обозначить то, что по большинству основных продуктов питания минимальный уровень собственного производства, обозначенный в Доктрине продовольственной безопасности, удалось достигнуть [5]. Исключение составляет молоко и молокопродукты, овощи и бахчевые, а также фрукты и ягоды – уровень производства которых обеспечивает только 74,98%, 85,57% и 29,61% потребностей населения региона.

При обеспечении продовольственной безопасности особое значение придается также экономической доступности продовольствия для населения. Экономическая доступность проявляется в платежеспособной возможности различных групп населения приобретать продукты питания в объемах и качественных характеристиках, соответствующих утвержденным нормам. Экономическая доступность продовольствия оценивается посредством коэффициента экономической доступности, который определяется соотношением стоимости продовольственной корзины к среднемесячному доходу в расчете на душу населения. Приближение размера среднемесячного дохода к стоимости продовольственной корзины, выступает свидетельством снижения экономической доступности. Так, динамика коэффициента экономической доступности подтверждает, что в начале реформ ситуация была угрожающей, снижение экономической доступности продовольствия наблюдалось также в 1998 г. (0,638), что связано с последствиями кризиса. Начиная же с 2000 г. наметилась положительная динамика – продовольствие для населения год от года становится экономически более доступным.

В последние пять лет зафиксированы незначительные колебания экономической доступности продовольствия для населения Брянской области. Так, в 2014 г. наблюдалась самая высокая экономическая доступность продовольствия (0,125) за анализируемый период, а в 2018 г. составила 0,137. Таким образом, по сравнению с периодом 1990-х гг., доступность продовольствия для населения региона с экономической точки зрения увеличилась значительно.

Важно, чтобы продовольствие было не только доступным для населения, но и

достаточным согласно требованиям Минздрава. Коэффициент достаточности потребления представляет собой отношение фактической калорийности суточного рациона питания к рекомендуемой (нормативной) энергетической ценности рациона питания. Рекомендуемая (нормативная) энергетическая ценность (калорийность) рациона питания берется из расчета рекомендаций ФАО – 3000 ккал. Значение коэффициента достаточности потребления продовольствия населением Брянской области в период 2014–2018 гг. претерпевало незначительные изменения и в численном значении приближается к единице. Следовательно, рацион питания среднестатистического жителя Брянской области с точки зрения энергетической ценности стремиться к рекомендованному (нормативному) значению. При переходе от группы населения с наименьшими располагаемыми ресурсами к последующей группе с большими располагаемыми ресурсами наблюдается рост значений коэффициента достаточности. При этом отмечается значительный разрыв в достаточности потребления продовольствия между 1-й и 8-й группами населения. Анализ данных достаточности потребления в группах населения с различными уровнем благосостояния в Брянской области показывает, что только граждане с доходами в диапазоне от 27000,1 руб. до 45000 руб. начинают питаться на рекомендуемом (нормативном) уровне.

Исследование показателей продовольственной безопасности региона позволяет сделать вывод о том, что Брянскую область необходимо отнести к категории регионов ввозящих по яйцам и яйцепродуктам, овощам и бахчевым и вывозящих – по мясу и мясопродуктам, молоку и молокопродуктам, а также картофелю. В настоящее время Брянская область не обеспечивает себя полностью продовольственными ресурсами в объеме, достаточном для удовлетворения внутренних потребностей. Это подтверждают выявленные показатели уровня самообеспеченности области.

В последние годы наметилась положительная динамика – продовольствие для населения год от года становится экономически более доступным. Рацион питания среднестатистического жителя Брянской области по энергетической ценности стремиться к

нормативному значению.

Основные меры по стабилизации продовольственной безопасности в регионе должны быть направлены на развитие и совершенствование системы организованного питания; внедрение в сельскохозяйственную отрасль, а также в пищевую промышленность инновационных технологий; поддержание базовых показателей продовольственной независимости России, обозначенных в Доктрине продовольственной безопасности. Важна пропаганда здорового питания среди населения; контроль состояния питания населения в организациях и специально

организованных коллективах. Ключевое значение несут мероприятия по повышению уровня жизни населения и снижению бедности, обеспечению поддержки социально-незащищенных слоев населения. Таким образом, для обеспечения продовольственной безопасности региона особое значение должно придаваться созданию благоприятных условий для развития сельскохозяйственного производства, пищевой и перерабатывающей промышленности, формированию соответствующих торговых структур, а также повышению платежеспособного спроса населения.

Список литературы

1. Переверзин, Ю.Н. Продовольственный рынок как условие и инструмент обеспечения продовольственной безопасности/ Ю.Н. Переверзин, Ю.П. Марцев, Т.Ю. Дьячкова // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т.6. №11(11), С. 60-66
2. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 августа 2016 г. № 614 «Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания»// журнал «Вестник образования России», октябрь 2016 г., N 19
3. Тачкова, И.А. Оценка экономического потенциала и приоритетов развития продовольственного рынка региона // Экономика: теория и практика. 2017. №2(46), С.42-46
4. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Брянской области. [Электронный ресурс]. – URL: <http://bryansk.gks.ru>
5. Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. №120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации»// «Российская газета» от 3 февраля 2010 г. № 21
6. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gks.ru>
7. Феценко, В.В. Управление инновационным развитием агропромышленного комплекса в современных экономических условиях/ В.В. Феценко, И.А. Тачкова // Экономика и предпринимательство. 2017. №10-2(87-2), С. 174-177.

ANALYSIS OF SOCIO-ECONOMIC CRITERIA FOR FOOD SECURITY IN THE REGION

The article addresses the main threats to food security. Three aspects of the food problem in modern economic conditions have been identified - achieving food self-sufficiency of the country and its regions, creating favourable conditions for food independence on a global scale, ensuring safety of consumed food for life and health of the population, as well as the environment. It has been revealed that foreign economic policy plays a decisive role in the development of food security of the country and its regions. Socio-economic criteria of food security of the Bryansk region were evaluated: the degree of development of agricultural production and processing industry; The level of consumption of basic food-stuffs in accordance with established physiological standards; Degree of external food pressure; The share of imported food in total consumption patterns; The level of self-sufficiency of in-house products; Economic accessibility and food adequacy for the people of the Territory. It was stressed that the key role in achieving the forecast indicators of growth of the agricultural industry is given to large investment projects, improving the efficiency of agricultural production. The potential of the region to increase self-sufficiency in basic food resources has been revealed. Conditions for increasing the economic availability of food for citizens have been defined and justified - improving the standard of living of the population and reducing poverty, supporting socially vulnerable segments of the population. Import substitution policies have identified key measures to ensure food security at the regional level.

Keywords: food security, threats to food security, agribusiness, import substitution, food self-sufficiency of the region, imports, external food pressure index, economic affordability of food, sufficiency of food consumption.

References

1. Pereverzin, Y.N. Food Market as a Condition and a Tool for Ensuring Food Security/Y.N. Inverzin, Y.P. Martsev, T.Y. Dyachkova//Topical Problems of Humanities and Socio-Economic Sciences. 2017. V.6. N. 11 (11), P. 60-66
2. The order of the Ministry of Health of the Russian Federation of August 19, 2016 N. 614 «About the approval of Recommendations about rational norms of consumption of the foodstuff meeting the modern requirements of healthy food»// Vestnik Obrazovaniya Rossii magazine, October, 2016, N 19
3. Tachkova, I.A. Assessment of economic potential and priorities for the development of the food market of the region//Economics: theory and practice. 2017. N. 2(46), P. 42-46
4. Territorial body of the Federal Service of State Statistics in the Bryansk region. [Electronic Resource]. – URL: <http://bryansk.gks.ru>
5. The decree of the Russian President of January 30, 2010 N. 120 «About the approval of the Doctrine of food security of the Russian Federation»//Rossiyskaya Gazeta of February 3, 2010 N. 21
6. Federal State Statistics Service. [Electronic Resource]. – URL: <http://www.gks.ru>
7. Feshchenko, V.V. Management of innovative development of agro-industrial complex in modern economic conditions/V.V. Feshchenko, I.A. Tachkova//Economics and entrepreneurship. 2017. N. 10-2(87-2), P. 174-177.

Об авторе

Тачкова Инна Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, E-mail: inn2080@yandex.ru

Tachkova Inna Aleksandrovna – candidate of Economic Sciences, associate professor, associate professor of economy and management, Federal state budgetary educational institution of higher professional education «Bryansk state University named after academician I.G. Petrovsky», E-mail: inn2080@yandex.ru

УДК 342.951:378:001.89

Вяткина Г.О., студент 2 курса магистратуры, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

Кириченко П.Н., кандидат юридических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ОПЫТА СУБЪЕКТОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

В статье авторы проводят анализ правового регулирования научно-исследовательской деятельности обучающихся образовательных организаций высшего образования. Авторы анализируют законодательство в сфере науки, образования и молодежной политики 18 субъектов Центрального федерального округа. В ходе исследования авторы приходят к выводу о том, что в большинстве субъектов данного округа отсутствует четкая система правового регулирования научной деятельности обучающихся. В заключении авторами исследования были сформулированы 8 выводов по обобщению региональной правовой практики в данной сфере и 2 рекомендации по ее совершенствованию.

Ключевые слова: правовое регулирование, научно-исследовательская деятельность, обучающиеся образовательных организаций высшего образования, субъекты Центрального федерального округа, интеграция науки и образования, молодежная политика, образование, финансирование, конкурсы.

В настоящее время научно-исследовательская деятельность обучающихся образовательных организаций высшего образования выступает важным компонентом российской науки в целом. Однако регионы уделяют недостаточно внимания ее организации, забывая о том, что она является мощным инструментом социально-экономического развития территории.

Нами был проведен анализ опыта субъектов Центрального федерального округа по правовому регулированию организации научно-исследовательской деятельности обучающихся образовательных организаций высшего образования.

В целях проведения исследования применены анализ правового регулирования научно-исследовательской деятельности обучающихся образовательных организаций высшего образования, системный подход при делении регионов на группы в зависимости от качества правового регулирования; обобщение полученных результатов исследования.

В первую очередь, мы проанализировали законодательство Брянской области. Было выявлено, что законы Брянской области от 08.08.2013 № 62-З «Об образовании в Брянской области» и от 9.06.2006 №39-З «О науке, научно-технической и инновационной

деятельности в Брянской области» не закрепляют конкретные формы региональной поддержки студенческой науки, [см.: 1, 5]

В Положении о департаменте образования и науки Брянской области от 29 января 2013 г. №70 закреплена задача по развитию вузовской науки, следовательно, и студенческой в том числе, [32]. Однако вузы не входят в число подведомственных организаций департамента, а значит, систематическая работа в данном направлении невозможна в силу ограничения полномочий департамента в отношении вузов. Возможна лишь организация отдельных научных мероприятий, носящих эпизодический характер. Определение направлений развития вузовской науки остаются на усмотрение департамента.

В статье 7 Закона Брянской области «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Брянской области» в компетенцию Правительства Брянской области входит поддержка научно-технического творчества и самостоятельности молодежи без указания конкретных форм такой поддержки, [6].

Единственной конкретной нормой, регулирующей одну из сторон организации научной деятельности обучающихся, является утвержденное Брянской областной Думой Положение об именных стипендиях

Брянской областной Думы и Правительства Брянской области для одаренных детей и молодежи области».

Так, в нашем регионе отсутствует четкая система правового регулирования научной деятельности обучающихся вузов, правовые акты в данной сфере ограничиваются общими формулировками и порядком назначения стипендий за научные достижения.

Стоит обратить внимание на то, что в 10 из 18 субъектов Центрального федерального округа (Курская, Белгородская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Костромская, Рязанская, Тамбовская, Орловская, Тверская области) региональное законодательство указывает на необходимость интеграции науки и образования, [см.: 20, 4, 7, 10, 12, 17, 26, 28, 24, 29].

Например, статья 5 Закона Курской области от 29 октября 2013 года № 97-ЗКО «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Курской области» обращает внимание, что к основным мерам государственной поддержки инновационной деятельности относятся содействие интеграции науки с системой образования, [20].

В статье 14 Закона Белгородской области «О деятельности органов государственной власти Белгородской области в научной и (или) научно-технической сферах» устанавливается, что в целях совершенствования подготовки кадров для Белгородской области органы исполнительной власти Белгородской области содействуют интеграции научной, научно-технической и образовательной деятельности, в том числе путем привлечения образовательных организаций высшего образования к постоянному и активному участию в научно-технических программах Белгородской области, поддержки создания лабораторий в образовательных организациях высшего образования, установления именных стипендий Губернатора Белгородской области наиболее одаренным студентам и аспирантам, добившимся успехов в научной или научно-технической сферах, [4].

В статье 9 Закона Ивановской области «Об инновационной деятельности в сфере науки и высшего образования» закрепляется принцип интеграции инновационной деятельности в сфере науки и высшего образова-

ния путем обеспечения участия преподавателей образовательных учреждений высшего профессионального образования, сотрудников и учащихся в научной, научно-технической и инновационной деятельности, [12].

В статье 5 Закона Костромской области «О науке и научно-технической деятельности в Костромской области» закрепляется принцип интеграции научной деятельности и образования осуществляется на основе: различных форм участия работников и обучающихся образовательных организаций высшего образования в научных исследованиях и экспериментальных разработках посредством создания лабораторий в образовательных организациях высшего образования, кафедр на базе научных организаций; через систему организации учебного процесса на основе современных образовательных технологий, поиска, отбора и целенаправленной подготовки молодежи к научной деятельности, привлечения высококвалифицированных работников к преподавательской деятельности; путем формирования единой информационной среды науки и образования, базирующейся на современных средствах получения, хранения, обработки и передачи информации. Приоритетными направлениями интеграции научной деятельности и образования являются: привлечение студентов, аспирантов, докторантов к участию в олимпиадах и конкурсах, выставках и конференциях, [17].

Таким образом, более половины регионов в той или иной мере предусматривают различные направления включения науки в образовательный процесс обучающихся.

Во-вторых, 12 из 18 субъектов закрепляют на правовом уровне материальное стимулирование научной деятельности обучающихся (Брянская, Курская, Смоленская, Владимирская, Ивановская, Костромская, Липецкая, Рязанская, Тамбовская, Тверская, Орловская области, город Москва) [см.: 6, 19, 27, 8, 13, 17, 21, 25, 28, 29, 23, 11].

Например, статья 9 Закона Курской области от 4 января 2003 года № 2-ЗКО «О государственной молодежной политике в Курской области» устанавливает, что в целях поощрения талантливых молодых граждан за счет средств областного бюджета, направляемых на образование и развитие науки, органы гос-

ударственной власти области могут устанавливать стипендии, премии, а также определять другие меры поддержки молодежи, [19].

Статья 11 Закона Владимирской области «О молодежной политике во Владимирской области» устанавливает, что поддержка талантливой молодежи в данном регионе может осуществляться посредством установления премий, стипендий, пособий и грантов для одаренной и талантливой молодежи в области науки, [8].

В статье 14 Закона Ивановской области «О государственной молодежной политике в Ивановской области» в целях поддержки талантливой молодежи устанавливаются премии на цели образования, развития науки и культуры и другие социально значимые цели, а также именные стипендии Губернатора Ивановской области, [13].

В статье 9 Закона Костромской области «О науке и научно-технической деятельности в Костромской области» закрепляет, что финансирование научной и (или) научно-технической деятельности в Костромской области за счет средств областного бюджета может быть направлено на выплату стипендий для студентов и аспирантов образовательных организаций высшего образования, организацию научных, научно-практических, научно-методических конференций, конкурсов, олимпиад, выставок, [17].

В Липецкой области в качестве единственной меры поддержки студенческой науки предусмотрена выплата различных стипендий обучающимся, закрепленная в отдельном Законе Липецкой области «О поощрительных выплатах в сфере образования и науки Липецкой области», [21].

Статья 9 Закона Тамбовской области «О научно-технической политике, научной и инновационной деятельности в Тамбовской области» предусматривает ежегодное выделение финансовых средств на выплату областных именных стипендий студентам высших учебных заведений области и ежегодных грантов аспирантам и молодым докторантам, имеющим особые успехи в учебе и научно-технической деятельности, [28].

Статья 28 Закона г. Москвы «О молодежи» предусматривает установление премий, стипендий, грантов для талантливой мо-

лодежи. Статьей 31 предусмотрена поддержка организаций, участвующих в реализации государственной молодежной политики путем финансирования на конкурсной основе научных исследований, направленных на реализацию государственной молодежной политики, [11].

Статьей 13 Закона Орловской области «О государственной молодежной политике в Орловской области» предусмотрена государственная поддержка талантливой молодежи в виде учреждения премий и стипендий в различных сферах интеллектуальной и творческой деятельности молодежи, [23].

Статья 11 Закона Тверской области «О науке и научно-технической политике Тверской области» устанавливает финансовое обеспечение научной, научно-технической и инновационной деятельности без указания конкретных направлений финансирования, [29].

Таким образом, большинство регионов включают правовые нормы по материальному стимулированию научной деятельности обучающихся в свои областные законы по науке и молодежной политике, для некоторых регионов эта мера является основной.

В-третьих, всего в 7 субъектах областные законы предусматривают проведение мероприятий научной направленности (Смоленская, Ивановская, Костромская, Московская, Рязанская, Тульская, Орловская области), [см.: 27, 13, 18, 22, 25, 31, 23].

Например, статья 32 Закона Смоленской области «О государственной молодежной политике в Смоленской области» устанавливает, что в Смоленской области поощряется стремление молодых граждан к повышению своего образовательного уровня. Администрация Смоленской области организует конкурсы, олимпиады, выставки работ талантливой молодежи, а также предусматривает меры поддержки такой деятельности на основе областных программ в сфере образования и молодежной политики, программ и планов социально-экономического развития области, а также специализированных программ администрации Смоленской области по поддержке молодежи, достигшей высоких результатов в сфере науки. В целях поощрения талантливой молодежи администрация Смоленской области может устанавливать

государственные и именные стипендии, премии, гранты, [27].

Однако анализ областных программ данного региона свидетельствует об отсутствии в их содержании мероприятий по стимулированию научной деятельности обучающихся образовательных организаций высшего образования. Например, областная государственная программа «Развитие образования в Смоленской области» направлена только на обучающихся общеобразовательных учреждений, [34].

Статьей 13 Закона Орловской области «О государственной молодежной политике в Орловской области» предусмотрена государственная поддержка талантливой молодежи оказывается в следующих формах: 1) организация и проведение конкурсов, фестивалей, смотров, концертов, выставок, конференций и других мероприятий с целью выявления и распространения творческих достижений молодых людей; 2) содействие в организации и проведении мероприятий с целью трудоустройства и профессиональной адаптации молодых ученых и специалистов; 3) обеспечение участия представителей талантливой молодежи в областных, межрегиональных, всероссийских и международных конкурсах творчества молодежи; 4) содействие в проведении творческих мастерских, школ, студий с участием известных деятелей науки, [23].

В статье 14 Закона Ивановской области «О государственной молодежной политике в Ивановской области» предусмотрены следующие формы поддержки талантливой молодежи: организация и проведение конкурсов, выставок, фестивалей, смотров, концертов, симпозиумов, чтений, конференций с целью выявления и распространения творческих достижений молодых граждан; обеспечение участия представителей талантливой молодежи в межрегиональных, всероссийских и международных конкурсах творчества молодежи; обеспечение доступа талантливой молодежи к программам обучения, переподготовки и стажировки в образовательных учреждениях зарубежных стран; содействие в организации и проведении профессиональных семинаров-презентаций, стажировок студенческих практик с целью трудоустройства и профессиональной адаптации молодых уче-

ных и специалистов; создание, ведение и использование электронной интерактивной базы данных талантливой молодежи и молодежных социально значимых проектов Ивановской области, [13].

Согласно статье 14 Закона Костромской области «О молодежной политике в Костромской области» исполнительные органы государственной власти Костромской области осуществляют поддержку талантливой молодежи и молодых ученых путем: 1) обеспечения участия представителей талантливой молодежи в международных, всероссийских, межрегиональных и областных конкурсах молодежи; 2) организации и проведения конкурсов, выставок, форумов, фестивалей, семинаров с целью выявления и распространения творческих достижений молодых граждан по месту жительства, учебы. Статьей 9 также предусмотрена организация и проведение творческих мастерских, школ, студий с участием известных деятелей науки, культуры и искусства, [18].

В Московской области в статье 4 Закона Московской области «О государственной молодежной политике в Московской области» предусмотрена государственная поддержка молодых граждан в сфере образования, воспитания и развития, включающая разработку и реализацию мер стимулирования особо одаренных молодых граждан в области образования, науки, техники и культуры; проведение конкурсов, олимпиад, фестивалей по различным направлениям творческой реализации молодежи, [22].

Статьей 16 закона Рязанской области «О регулировании отдельных отношений в сфере государственной молодежной политики в Рязанской области» государственная поддержка талантливой молодежи включает в себя: 1) учреждение именных стипендий, премий для талантливой молодежи в порядке и на условиях, установленных Губернатором Рязанской области; 2) организация и проведение акций, семинаров, конкурсов, фестивалей, круглых столов, сборов, дискуссионных и образовательных площадок, форумов, лагерей, походов, слетов с целью выявления и распространения творческих достижений молодежи, [25].

Таким образом, несмотря на то, что

проведение подобных стимулирующих мероприятий научной направленности является важным правовым компонентом организации научно-исследовательской деятельности обучающихся, всего чуть больше одной трети субъектов исследуемого федерального округа закрепляют данную меру на правовом уровне.

Всего 5 регионов предусматривают в качестве меры поддержки студенческой науки популяризацию и пропаганду научных знаний (Смоленская, Тульская, Белгородская, Костромская области, город Москва), [см.: 27, 32, 3, 18, 11].

Согласно статье 14 Закона Костромской области «О молодежной политике в Костромской области» исполнительные органы государственной власти Костромской области осуществляют поддержку талантливой молодежи и молодых ученых путем пропаганды успехов талантливой молодежи и молодых ученых, пропаганды, популяризации науки и инноваций, вовлечения молодежи в инновационные всероссийские, международные проекты в сфере образования, науки, техники, культуры; поддержки и популяризации инициатив молодежи в социально-экономической сфере, сфере научно-исследовательских и промышленных разработок, [18].

Статья 23 Закона Смоленской области «О государственной молодежной политике в Смоленской области» закрепляет такую форму поддержки как пропаганда и освещение в средствах массовой информации творческих успехов и достижений молодежи в области науки, [27].

Статья 4 Закона Тульской области «Об образовании» относит к полномочиям правительства области организацию и проведение в целях выявления и поддержки лиц, проявивших выдающиеся способности, олимпиад и иных интеллектуальных конкурсов, направленных на выявление и развитие у обучающихся интеллектуальных способностей, интереса к научной деятельности, на пропаганду научных знаний, [31].

Закон Белгородской области «О поддержке молодежи в Белгородской области» устанавливает, что в целях поддержки молодежи в сфере образования органы исполнительной власти Белгородской области разра-

батывают и реализуют программы популяризации современных научных знаний в молодежной среде (статья 6), осуществляют разработку и реализацию программ по выявлению, развитию поддержке потенциала молодежи и сфере науки (статья 8). Однако конкретные программы в данном регионе не разработаны на правовом уровне, [3].

Статья 24 Закона г. Москвы «О молодежи» закрепляет за органами исполнительной власти города Москвы необходимость разрабатывать и реализовывать программы популяризации современных научных знаний в молодежной среде, однако на практике мы наблюдаем такую же ситуацию, как в Белгородской области, [11].

4 региона Центрального федерального округа закрепляют в областных законах по науке и молодежной политике в качестве меры привлечения научного потенциала молодежи к решению социально-экономических вопросов развития региона создание молодежных органов власти (Владимирская, Воронежская, Костромская, Тверская области), [см.: 8, 10, 18, 29].

Статья 19 Закона Владимирской области «О молодежной политике во Владимирской области» устанавливает, что в целях привлечения научного и творческого потенциала молодежи к решению социально-экономических вопросов развития Владимирской области, к участию в разработке и реализации молодежной политики, разработке и общественной экспертизе законов, иных нормативных правовых актов области и их проектов, формирования кадрового потенциала Законодательным Собранием области создается Молодежная дума области, администрацией области создается Молодежное правительство области, являющиеся консультативно-совещательными органами при соответствующих органах государственной власти области, [8].

Создание Молодежного правительства предусмотрено и Законом Воронежской области «О государственной молодежной политике в Воронежской области» (статья 11), Законом Костромской области «О молодежной политике в Костромской области» (статья 7), Законом Тверской области «О государственной молодежной политике в Тверской обла-

сти» (статья 16). Остальные регионы, законодательством которых предусмотрено создание молодежных органов власти, не рассматривают их в качестве эффективного инструмента развития научного потенциала молодежи. Об этом свидетельствуют отдельно принятые правовые акты, никак не связанные с региональным законодательством о науке, [см.: 10, 18, 29].

Наконец, всего один регион (Костромская область) выделил в качестве важной меры поддержки научной деятельности обучающихся развитие системы поддержки молодых ученых, а также создание условий для развития деятельности советов молодых ученых, студенческих научных обществ и клубов молодых исследователей (статья 14 Закона Костромской области «О молодежной политике в Костромской области»), [18].

А, например, Закон Рязанской области «О регулировании отдельных отношений в сфере государственной молодежной политики в Рязанской области» совсем не регулирует деятельность студенческих научных обществ, несмотря на детально разработанную систему поддержки деятельности студенческих отрядов, которой полностью посвящена статья 17, [25].

Есть регионы, в которых правовое регулирование научной деятельности обучающихся образовательных организаций высшего образования не предусмотрено (Калужская, Ярославская области). Это подтверждают Законы Калужской области «О молодежи и Государственной молодежной политике в Калужской области», «О науке и научно-технической деятельности в Калужской области», «Об образовании в Калужской области». Руководство Ярославской области только планирует приступить к разработке законопроекта «О науке и научно-технической политике в Ярославской области», [см.:16-18, 36].

На основании проведенного исследования мы можем сделать следующие выводы:

1. В Брянской области отсутствует четкая система правового регулирования научной деятельности обучающихся образовательных организаций высшего образования, правовые акты в данной сфере ограничиваются общими формулировками и порядком назначения стипендий за научные достижения.

2. В 10 из 18 субъектов законодательство указывает на необходимость интеграции науки и образования регионов в той или иной мере предусматривают различные направления включения науки в образовательный процесс обучающихся.

3. 12 из 18 субъектов закрепляют на правовом уровне финансовое стимулирование научной деятельности обучающихся, большинство регионов включают правовые нормы по материальному стимулированию научной деятельности обучающихся в свои областные законы по науке и молодежной политике, для некоторых регионов эта мера выступает основной.

4. В 7 субъектах областные законы предусматривают проведение мероприятий научной направленности. Несмотря на то, что проведение подобных стимулирующих мероприятий научной направленности является важным правовым компонентом организации научно-исследовательской деятельности обучающихся, всего чуть больше одной трети регионов закрепляют данную меру на правовом уровне.

5. 5 регионов предусматривают в качестве меры поддержки студенческой науки популяризацию и пропаганду научных знаний.

6. Всего один регион (Костромская область) выделил в качестве важной меры поддержки научной деятельности обучающихся развитие системы поддержки молодых ученых, а также создание условий для развития деятельности советов молодых ученых, студенческих научных обществ и клубов молодых исследователей.

7. В двух регионах Центрального федерального округа правовое регулирование научной деятельности обучающихся образовательных организаций высшего образования не предусмотрено.

8. Основная часть правовых норм в данной сфере сосредоточена в региональных законах, регулирующих молодежную политику субъекта, а значит, региональный законодатель определяет научно-исследовательскую деятельность обучающихся образовательных организаций высшего образования всего лишь как часть молодежной политики и в большинстве случаев не соотносит ее с наукой в целом.

Результаты нашего исследования говорят о том, что законодательство субъектов Российской Федерации в сфере науки и образования требует совершенствования. Именно поэтому целесообразно: 1) установить на федеральном уровне единые требования к организации научно-исследовательской деятельности обучающихся; 2) определить научно-исследовательскую деятельность обучающихся образовательных организаций высшего образования как важный компонент науки в целом.

Таким образом, авторами данного исследования было сформулировано 8 выводов

по обобщению региональной правовой практики в данной сфере и 2 рекомендации по ее совершенствованию.

В заключении следует отметить, что эффективность научно-исследовательской деятельности обучающихся образовательных организаций высшего образования, в первую очередь, зависит от качества правового регулирования данной сферы. Безусловно, ключевую роль в данной ситуации играют сами регионы, от которых зависит порядок организации научно-исследовательской деятельности и степень проработанности самой системы построения студенческой науки в целом.

Список литературы

1. Закон Брянской области от 08.08.2013 № 62-З «Об образовании в Брянской области» // Информационный бюллетень «Официальная Брянщина», 2013, № 22.
2. Закон Тверской области от 25 июня 1998 года № 22-ОЗ-2 «О науке и научно-технической политике тверской области» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения – 16.10.2019)
3. Закон Белгородской области от 03.10.2013 № 223 «О поддержке молодежи в Белгородской области» (принят Белгородской областной Думой 26.09.2013) // «Белгородские известия», № 191, 10.10.2013.
4. Закон Белгородской области от 13.11.2003 № 96 «О науке и научно-технической политике в Белгородской области» (принят Белгородской областной Думой 30.10.2003) // «Белгородские известия», № 191, 25.11.2003.
5. Закон Брянской области 9.06.2006 №39-З «О науке, научно-технической и инновационной деятельности в Брянской области» // «Брянский рабочий», 2006, № 89.
6. Закон Брянской области от 15.06.1999 № 37-З «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Брянской области» (принят Брянской областной Думой 27.05.1999) // «Брянский рабочий», № 140, 08.07.1999.
7. Закон Владимирской области «О научно-технической политике и мерах государственной поддержки научной, научно-технической деятельности и инноваций во Владимирской области» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения – 25.10.2019)
8. Закон Владимирской области от 07.05.2007 № 50-ОЗ «О молодежной политике во Владимирской области» (принят постановлением ЗС Владимирской области от 25.04.2007 № 190) // «Владимирские ведомости», № 88, 16.05.2007.
9. Закон Воронежской области «О науке и научно-технической политике в Воронежской области» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения – 26.10.2019)
10. Закон Воронежской области от 12.05.2009 № 32-ОЗ «О государственной молодежной политике в Воронежской области» (принят Воронежской областной Думой 30.04.2009) // «Молодой коммунар», № 48, 14.05.2009.
11. Закон г. Москвы от 30.09.2009 № 39 «О молодежи» // «Вестник Мэра и Правительства Москвы», № 60, 27.10.2009.
12. Закон Ивановской области от 13.12.2007 № 181-ОЗ «Об инновационной деятельности в сфере науки и высшего образования» (принят Ивановской областной Думой 29.11.2007) // «Собрание законодательства Ивановской области», 21.12.2007, № 49(369).
13. Закон Ивановской области от 15.06.2007 № 80-ОЗ «О молодежной политике в Ива-

новской области» (принят Ивановской областной Думой 31.05.2007) // «Собрание законодательства Ивановской области», 06.07.2007, № 25(345).

14. Закон Калужской области № 17-ОЗ от 09.10.1998 (с изм. от 27.12.2001) «О науке и научно-технической политике в Калужской области» (принят постановлением Законодательного Собрания Калужской области № 482 от 01.10.1998) // «Весть», № 259, 30.10.1998.

15. Закон Калужской области от 23.06.1998 № 12-ОЗ «О молодежи и государственной молодежной политике в Калужской области» (принят постановлением Законодательного Собрания Калужской области от 18.06.1998 № 413) // «Весть», № 161-162, 01.07.1998.

16. Закон Калужской области от 30.09.2013 № 479-ОЗ «Об образовании в Калужской области» (принят постановлением Законодательного Собрания Калужской области от 19.09.2013 № 895) // Официальный сайт Законодательного Собрания Калужской области <http://www.zskaluga.ru>, 01.10.2013.

17. Закон Костромской области от 10.03.2009 № 449-4-ЗКО «О науке и научно-технической деятельности в Костромской области» (принят Костромской областной Думой 26.02.2009) // «СП - нормативные документы», № 9, 13.03.2009.

18. Закон Костромской области от 21.10.2010 № 675-4-ЗКО «О молодежной политике в Костромской области» (принят Костромской областной Думой 14.10.2010) // «СП - нормативные документы», № 46, 29.10.2010.

19. Закон Курской области от 04.01.2003 № 2-ЗКО «О государственной молодежной политике в Курской области» (принят Курской областной Думой 24.12.2002) // «Курск», № 3, 15.01.2003.

20. Закон Курской области от 29.10.2013 № 97-ЗКО «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Курской области» (принят Курской областной Думой 24.10.2013) // Курская правда», № 132, 02.11.2013.

21. Закон Липецкой области от 24.12.2008 № 224-ОЗ «О поощрительных выплатах в сфере образования и науки Липецкой области» (принят постановлением Липецкого областного Совета депутатов от 10.12.2008 № 846-пс) // «Липецкая газета», № 3, 12.01.2009.

22. Закон Московской области от 01.12.2003 № 155/2003-ОЗ «О государственной молодежной политике в Московской области» (принят постановлением Мособлдумы от 12.11.2003 № 1/75-П) // «Вестник Московской областной Думы», № 2, февраль, 2004.

23. Закон Орловской области от 03.12.2010 № 1154-ОЗ «О государственной молодежной политике в Орловской области» (принят ООСНД 26.11.2010) // «Орловская правда», № 181, 08.12.2010.

24. Закон Орловской области от 23.06.2016 № 1965-ОЗ «О регулировании отдельных отношений в сфере науки и государственной научно-технической политики на территории Орловской области» (принят ООСНД 17.06.2016) // «Орловская правда», № 69, 28.06.2016.

25. Закон Рязанской области от 12.09.2013 № 51-ОЗ «О регулировании отдельных отношений в сфере государственной молодежной политики в Рязанской области» (принят Постановлением Рязанской областной Думы от 28.08.2013 № 315-V РОД) // «Рязанские ведомости», № 171, 14.09.2013.

26. Закон Рязанской области от 17.10.2007 № 137-ОЗ «О науке и научно-технической деятельности в Рязанской области» (принят Постановлением Рязанской областной Думы от 26.09.2007 № 587-IV РОД) // Рязанские ведомости», № 293, 18.10.2007.

27. Закон Смоленской области от 12 июля 1999 года № 46-З «О государственной молодежной политике в Смоленской области» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения – 12.10.2019)

28. Закон Тамбовской области от 25.04.2003 № 119-З «О научно-технической политике, научной и инновационной деятельности в Тамбовской области» (принят Постановлением Тамбовской областной Думы от 25.04.2003 № 458) // «Тамбовская жизнь», № 96-98 (22790-22792), 16.05.2003.

29. Закон Тверской области от 06.07.2015 № 57-ЗО «О государственной молодежной политике в Тверской области» (принят Законодательным Собранием Тверской области

25.06.2015) // «Тверские ведомости», № 28 (10 июля), специальный выпуск, 2015.

30. Закон Тверской области от 25 июня 1998 года № 22-ОЗ-2 «О науке и научно-технической политике тверской области» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

31. Закон Тульской области от 30.09.2013 № 1989-ЗТО «Об образовании» (принят Тульской областной Думой 26.09.2013) // «Тульские известия», № 145, 03.10.2013.

32. Закон Тульской области от 16.07.2012 № 1788-ЗТО «О регулировании отдельных отношений в сфере государственной молодежной политики в Тульской области» (принят Тульской областной Думой 12.07.2012) // «Тульские известия», № 103, 19.07.2012.

33. Указ Губернатора Брянской области от 29.01.2013 № 70 «О переименовании департамента общего и профессионального образования Брянской области» // Информационный бюллетень «Официальная Брянщина», № 2, 04.02.2013.

34. Постановление Администрации Смоленской области от 29 ноября 2013 года № 984 «Об утверждении областной государственной программы «Развитие образования в Смоленской области» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения – 12.10.2019)

35. Постановление Правительства Брянской области от 07.11.2016 № 565-п «О Молодежном правительстве Брянской области» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

36. Официальный сайт Ярославской областной Думы // Режим доступа: <http://www.duma.yar.ru/160419i№v.html> (дата обращения - 02.11.2019)

LEGAL REGULATION OF ORGANIZATION OF RESEARCH ACTIVITY OF STUDENTS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION (ON THE EXAMPLE OF ANALYSIS OF EXPERIENCE OF THE SUBJECTS OF THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT)

In the article the authors analyze the legal regulation of research activities of students of educational institutions of higher education. The authors analyze the legislation in the sphere of science, education and youth policy of 18 subjects of the Central Federal district. In the course of the study, the authors come to the conclusion that in most subjects of this district there is no clear system of legal regulation of scientific activities of students. In conclusion, the authors of the study formulated 8 conclusions on the generalization of regional legal practice in this area and 2 recommendations for its improvement.

Keywords: legal regulation, research activities, students of educational institutions of higher education, subjects of the Central Federal district, integration of science and education, youth policy, education, funding, competitions.

References

1. Zakon Brjanskoj oblasti ot 08.08.2013 № 62-Z «Ob obrazovanii v Brjanskoj oblasti» // Informatsionnyj bjulleten' «Ofitsial'naja Brjanschina», 2013, № 22.

2. Zakon Tverskoj oblasti ot 25 ijunja 1998 goda № 22-OZ-2 «O nauke i nauchno-tehnicheskoy politike tverskoj oblasti» // Retrieved 16 October, 2019 from <http://www.pravo.gov.ru>

3. Zakon Belgorodskoj oblasti ot 03.10.2013 № 223 «O podderzhke molodezhi v Belgorodskoj oblasti» (prinjat Belgorodskoj oblastnoj Dumoj 26.09.2013) // «Belgorodskie izvestija», № 191, 10.10.2013.

4. Zakon Belgorodskoj oblasti ot 13.11.2003 № 96 «O nauke i nauchno-tehnicheskoy politike v Belgorodskoj oblasti» (prinjat Belgorodskoj oblastnoj Dumoj 30.10.2003) // «Belgorodskie izvestija», № 191, 25.11.2003.

5. Zakon Brjanskoj oblasti 9.06.2006 №39-Z «O nauke, nauchno-tehnicheskoy i innovatsionnoj dejatel'nosti v Brjanskoj oblasti» // «Brjanskij rabochij», 2006, № 89.

6. Zakon Brjanskoj oblasti ot 15.06.1999 № 37-Z «Ob osnovnyh napravlenijah gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v Brjanskoj oblasti» (prinjat Brjanskoj oblastnoj Dumoj 27.05.1999) // «Brjanskij rabochij», № 140, 08.07.1999.

7. Zakon Vladimirskoj oblasti «O nauchno-tehnicheskoy politike i merah gosudarstvennoj podderzhki nauchnoj, nauchno-tehnicheskoy dejatel'nosti i innovatsij vo Vladimirskoj oblasti» // Retrieved 16 October, 2019 from <http://www.pravo.gov.ru>

8. Закон Владимирской области от 07.05.2007 № 50-OZ «О молодежной политике во Владимирской области» (принят постановлением ЗС Владимирской области от 25.04.2007 № 190) // «Владимирские ведомости», № 88, 16.05.2007.
9. Закон Воронежской области «О науке и научно-технической политике в Воронежской области» // Retrieved 25 October, 2019 from <http://www.pravo.gov.ru>
10. Закон Воронежской области от 12.05.2009 № 32-OZ «О государственной молодежной политике в Воронежской области» (принят Воронежской областной Думой 30.04.2009) // «Молодой коммунар», № 48, 14.05.2009.
11. Закон г. Москвы от 30.09.2009 № 39 «О молодежи» // «Вестник Мэра и Правительства Москвы», № 60, 27.10.2009.
12. Закон Ивановской области от 13.12.2007 № 181-OZ «Об инновационной деятельности в сфере науки и высшего образования» (принят Ивановской областной Думой 29.11.2007) // «Собрание законодателя Ивановской области», 21.12.2007, № 49(369).
13. Закон Ивановской области от 15.06.2007 № 80-OZ «О молодежной политике в Ивановской области» (принят Ивановской областной Думой 31.05.2007) // «Собрание законодателя Ивановской области», 06.07.2007, № 25(345).
14. Закон Калужской области № 17-OZ от 09.10.1998 (с изм. от 27.12.2001) «О науке и научно-технической политике в Калужской области» (принят постановлением Законодательного Собрания Калужской области № 482 от 01.10.1998) // «Вест», № 259, 30.10.1998.
15. Закон Калужской области от 23.06.1998 № 12-OZ «О молодежи и государственной молодежной политике в Калужской области» (принят постановлением Законодательного Собрания Калужской области от 18.06.1998 № 413) // «Вест», № 161-162, 01.07.1998.
16. Закон Калужской области от 30.09.2013 № 479-OZ «Об образовании в Калужской области» (принят постановлением Законодательного Собрания Калужской области от 19.09.2013 № 895) // Retrieved 31 October, 2019 from <http://www.pravo.gov.ru>
17. Закон Kostromskoj oblasti от 10.03.2009 № 449-4-ZKO «О науке и научно-технической деятельности в Kostromskoj oblasti» (принят Kostromskoj областной Думой 26.02.2009) // «СП - нормативные документы», № 9, 13.03.2009.
18. Закон Kostromskoj oblasti от 21.10.2010 № 675-4-ZKO «О молодежной политике в Kostromskoj oblasti» (принят Kostromskoj областной Думой 14.10.2010) // «СП - нормативные документы», № 46, 29.10.2010.
19. Закон Kurskoj oblasti от 04.01.2003 № 2-ZKO «О государственной молодежной политике в Kurskoj oblasti» (принят Kurskoj областной Думой 24.12.2002) // «Kursk», № 3, 15.01.2003.
20. Закон Kurskoj oblasti от 29.10.2013 № 97-ZKO «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Kurskoj oblasti» (принят Kurskoj областной Думой 24.10.2013) // Kurskaja pravda», № 132, 02.11.2013.
21. Закон Lipetskij oblasti от 24.12.2008 № 224-OZ «О поэтапных выплатах в сфере образования и науки Lipetskij oblasti» (принят постановлением Lipetskogo областного Совета депутатов от 10.12.2008 № 846-пс) // «Lipetskaja gazeta», № 3, 12.01.2009.
22. Закон Moskovskoj oblasti от 01.12.2003 № 155/2003-OZ «О государственной молодежной политике в Moskovskoj oblasti» (принят постановлением Мособлдумы от 12.11.2003 № 1/75-П) // «Вестник Moskovskoj областной Думы», № 2, февраль, 2004.
23. Закон Orlovskoj oblasti от 03.12.2010 № 1154-OZ «О государственной молодежной политике в Orlovskoj oblasti» (принят OOSND 26.11.2010) // «Orlovskaja pravda», № 181, 08.12.2010.
24. Закон Orlovskoj oblasti от 23.06.2016 № 1965-OZ «О регулировании отдельных отношений в сфере науки и государственной научно-технической политики на территории Orlovskoj oblasti» (принят OOSND 17.06.2016) // «Orlovskaja pravda», № 69, 28.06.2016.
25. Закон Rjazanskij oblasti от 12.09.2013 № 51-OZ «О регулировании отдельных отношений в сфере государственной молодежной политики в Rjazanskij oblasti» (принят Постановлением Rjazanskij областной Думы от 28.08.2013 № 315-V ROD) // «Rjazanskije vedomosti», № 171, 14.09.2013.

26. Закон Рязанской области от 17.10.2007 № 137-OZ «О науке и научно-технической деятельности в Рязанской области» (принят Постановлением Рязанской областной Думы от 26.09.2007 № 587-IV ROD) // *Рязанские ведомости*, № 293, 18.10.2007.
27. Закон Смоленской области от 12 июля 1999 года № 46-Z «О государственной молодежной политике в Смоленской области» // Retrieved 2 November, 2019 from <http://www.pravo.gov.ru>
28. Закон Тамбовской области от 25.04.2003 № 119-Z «О научно-технической политике, научной и инновационной деятельности в Тамбовской области» (принят Постановлением Тамбовской областной Думы от 25.04.2003 № 458) // «Тамбовская жизнь», № 96-98 (22790-22792), 16.05.2003.
29. Закон Тверской области от 06.07.2015 № 57-ZO «О государственной молодежной политике в Тверской области» (принят Законодательным Собранием Тверской области 25.06.2015) // «Тверские ведомости», № 28 (10 июля), специальный выпуск, 2015.
30. Закон Тверской области от 25 июня 1998 года № 22-OZ-2 «О науке и научно-технической политике тверской области» // Retrieved 22 October, 2019 from <http://www.pravo.gov.ru>
31. Закон Тульской области от 30.09.2013 № 1989-ZTO «Об образовании» (принят Тульской областной Dumoj 26.09.2013) // «Тульские известия», № 145, 03.10.2013.
32. Закон Тульской области от 16.07.2012 № 1788-ZTO «О регулировании отдельных отношений в сфере государственной молодежной политики в Тульской области» (принят Тульской областной Dumoj 12.07.2012) // «Тульские известия», № 103, 19.07.2012.
33. Указ Губернатора Брянской области от 29.01.2013 № 70 «О переименовании департамента общего и профессионального образования Брянской области» // Информационный бюллетень «Официальная Брянщина», № 2, 04.02.2013.
34. Постановление Администрации Смоленской области от 29 ноября 2013 года № 984 «Об утверждении областной государственной программы «Развитие образования в Смоленской области» // Retrieved 6 November, 2019 from <http://www.pravo.gov.ru>
35. Постановление Правительства Брянской области от 07.11.2016 № 565-п «О Молодежном правительстве Брянской области» // Retrieved 16 October, 2019 from <http://www.pravo.gov.ru>
36. Официальный сайт Ярославской областной Думы // Retrieved 7 November, 2019 from <http://www.duma.yar.ru/160419iNov.html>

Об авторах

Вяткина Галина Олеговна – студент 2 курса магистратуры Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: galya.vyatkina.00@mail.ru

Кириченко Павел Николаевич – кандидат юридических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: bgu_kolledg@mail.ru

Vyatkina Galina Olegovna – 2nd year student of master's degree Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, E-mail: galya.vyatkina.00@mail.ru

Kirichenko Paul Nikolaevich – candidate of law, associate Professor of Bryansk state University. academician I. G. Petrovsky, E-mail: bgu_kolledg@mail.ru

УДК 342.95

Иванин А.А., кандидат юридических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА ОСКОРБЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ КАК АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы правовой оценки оскорбления как административного правонарушения. Автор характеризует понятие и формы оскорбления, анализирует элементы состава данного административного правонарушения. Высказывается суждение о том, что трудности квалификации оскорбления связаны с высокой степенью субъективизма в оценке объективной стороны правонарушения. Предлагается законодательно закрепить понятие «неприличная форма».

Ключевые слова: оскорбление, честь и достоинство личности, состав административного правонарушения, унижение чести и достоинства лица, неприличная форма.

Человек живет, формируется и развивается как личность в социуме. В нем он постоянно взаимодействует с другими людьми, защищая свои интересы, порой вступая в конфликтные отношения как с отдельными индивидами, так и с представителями органов власти. Инструментом разрешения взаимных претензий цивилизованное общество считает право. Однако, находясь во власти эмоций, субъекты конфликта нередко игнорируют законные способы урегулирования разногласий и совершают действия унижающие честь и достоинство другой стороны.

Первоначально ответственность за оскорбление была установлена статьей 130 УК РФ. Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ» [3] ст. 130 УК РФ была отменена и в Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) введена статья 5.61 «Оскорбление» [2]. Административные правонарушения, посягающие на права граждан путем оскорбления, весьма распространены и имеют значительный вес в общем количестве регистрируемых правонарушений. Уместно будет отметить, что с момента устранения криминальности деяния и по настоящее время цифровые показатели этого административного правонарушения остаются примерно на одном уровне. Однако, в сводных статистических таблицах Судебного Департамента при Верховном Суде РФ данные деятельности судов за 2012 год по этой категории дел отсутствует. По показателям в 2013 году судами было рассмотрено 17017 таких дел. По результатам рассмотрения дел 14460 лиц было

подвергнуто наказанию. Из них: 1 юридическое лицо, 95 должностных лиц, 22 лица, занимающихся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица и 14308 – иные физические лица [11]. В 2018 году было рассмотрено 16119 подобных дел. По результатам рассмотрения дел 13 962 субъекта были подвергнуты наказанию. Из них: 7 юридических лиц, 60 – должностных лиц, 3 – индивидуальных предпринимателя и большая часть (13892) – иные физические лица [12]. Статистические показатели свидетельствуют об актуальности изучения темы.

Кроме того, своевременность изучения данного состава правонарушения обусловлена трудностями в характеристике самого оскорбительного деяния, для которого присущи такие оценочные категории субъективного характера как честь и достоинство, так и его способа – наличие в действиях субъекта правонарушения неприличной формы.

Оскорбление, согласно ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ, представляет собой «... унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Следует согласиться с А.Г. Брагиной, которая считает, что необходимо законодательно закрепить признак – унижение потерпевшего, т.к. при оскорблении сразу проявляется оценка другого лица [5]. Кроме того, статья 5.61 КоАП РФ в частях 2 и 3 предусматривает два квалифицированных состава. Рассмотрим состав административного правонарушения.

Ученые-юристы определяют в качестве субъекта правонарушения любое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Однако, применять термин «любое лицо» не всегда корректно. Во-первых, потерпевшим в

рассматриваемом административном правонарушении может быть только физическое живое лицо. Надругательство над телами умерших образует состав преступления, предусмотренный ст. 244 УК РФ. Во-вторых, законодатель, декриминализовав общий состав оскорбления, оставил в качестве уголовно наказуемых деяний специальные составы этого преступления (ст. ч.1 ст. 148, 297, 319, 336 УК РФ). В соответствии с названными нормами оскорбление чувств верующих; оскорбление судьи, присяжного заседателя, иных лиц, участвующих в отправлении правосудия; представителя власти; военнослужащего влечет уголовную ответственность. В-третьих, оскорбительные слова и (или) действия воспринимаются каждым человеком различным образом [7]. В-четвертых, частями 2 и 3 ст. 5.61 КоАП РФ, в квалифицированных составах рассматриваемого правонарушения, предусмотрены специальные субъекты, к ним относятся должностные и юридические лица.

Субъективная сторона оскорбления всегда характеризуется виной в умышленной форме. Совершая деяние, субъект всегда осознает общественную опасность выраженного в неприличной форме унижения чести и достоинства лица.

В качестве объекта оскорбления выступают общественные отношения по поводу чести и достоинства личности. Юридическим фундаментом данной нормы является Конституция РФ, которая закрепляет, что «достоинство личности охраняется государством» (ч. ст. 21) и каждый имеет право «... на защиту своей чести и доброго имени» (ч. 1 ст. 23). Несмотря на фундаментальный характер понятий «честь» и «достоинство» они до настоящего времени не имеют легального характеристики, а в юридической литературе существуют различные подходы к пониманию этих терминов. Анализ точек зрения позволяет сделать вывод о том, что достоинство – это внутренняя оценка субъектом своих личных качеств, а честь – те качества, которыми наделяет личность представители социума. Отсюда следует более важное суждение, согласно которому нельзя характеризовать понятие «честь» через применение понятия «достоинство» и наоборот.

Несмотря на описательный характер

диспозиции ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ, терминология, используемая законодателем для конструирования объективной стороны этого правонарушения, позволяет ее охарактеризовать как оценочную. Прежде всего, это касается характеристики самого оскорбительного деяния и его способа - неприличной формы. Поэтому следует согласиться с точкой зрения А.А. Аратовой, которая полагает, что «объективная сторона оскорбления, в силу различной оценки неприличной формы судами, является наиболее спорной и противоречивой» [4, с. 58-61].

Для квалификации оскорбления необходимо установить следующие обстоятельства. Во-первых, поступки субъекта могут быть направлены персонально против одного или группы лиц. Не образуют состава оскорбления оскорбительные высказывания в адрес персонально неопределенной группы лиц, идентифицируемой признаками профессии, национальной принадлежности и т.д. Такие действия могут квалифицироваться как преступление (например, ст. 282 УК РФ - «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») или образовывать состав административного правонарушения (например, ст. 5.62 КоАП РФ - «Дискриминация»).

Во-вторых, действия правонарушителя должны отражать негативные качества потерпевшего. Так в постановлении мирового судьи судебного участка № 18 Фокинского судебного района г. Брянска от 06.06.2017 г. по делу № 5-189/2016 указано, что оскорбление является разновидностью психического насилия, которое получает свое выражение в отрицательной оценке виновным личности гражданина, наносит ущерб репутации последнего в глазах окружающих и причиняет ущерб его самоуважению [15].

По своим формам противоправное действие может проявляться в виде физического действия, словесно или путем жеста. Оскорбление представляет собой одно из немногих правонарушений, которое может совершаться в любой форме действия.

Оскорбление в виде физического воздействия (оскорбление действием) представляет собой поведение, выражающееся в физическом воздействии на потерпевшего и унижающее его честь и достоинство. К такой

форме оскорбления относят все способы телесного, физического контакта оскорбителя и оскорбляемого. Примерами выступают такие нарушения телесной неприкосновенности, как пощечина, взятие за шиворот и т.д.

Оскорбление действием можно условно разделить на два вида. Первый вид образует совершение в отношении потерпевшего физических насильственных действий (плевок, пощечина, забрасывание нечистотами, одергивание ушей или носа, щелчок пальцем по лбу и т.п.). В этом случае нередко возникает необходимость отграничения подобных оскорбительных действий от физического насилия в виде побоев (ст. 6.1.1 КоАП РФ) или причинения вреда здоровью человека.

Вторая группа оскорблений действием представляет так называемую символическую обиду. К ним следует относить различные телодвижения, которые являются неприличными: срывание или задираание одежды, сбивание головного убора или его натягивание на голову и т.п. Данный вид оскорбления действием сравнительно редко составляет объективную сторону оскорбления [6, с. 45].

Оскорбление словом состоит в унижении потерпевшего употреблением в его адрес словесных выражений, которые унижают честь человека. Вопрос о том, являются ли данные выражения оскорбительными для потерпевшего, есть вопрос факта, который разрешается судьей на основе всей совокупности конкретных обстоятельств. При этом судьи нередко опираются на результаты лингвистической экспертизы. Так, мировой судья судебного участка № 72 Фокинского судебного района г. Брянска 25 мая 2017 года рассматривая дело о совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ признал гражданку К. виновной на основании лингвистического заключения эксперта. Экспертиза установила, что «...высказанные К. выражения ... относятся к унижающим честь и достоинство лексике (содержат лингвистические признаки унижения) и имеют лингвистические признаки оскорбления (выражены в неприличной форме). Данное исследование суд считает допустимым доказательством по делу, достоверным и достаточным для принятия решения» [16].

Оскорбление словом может быть

обычно связано с применением инвективной лексики, т.е. противоречащая нормам, принятым в обществе. К инвективной (ругательной) лексике относятся матерные или грубопросторечные слова (например, урод), зооморфные метафоры (например, овца), слова, обозначающие социально неприемлемое поведение (например, базарная проститутка) и т.п. Как отмечает Г.В. Кусов, «эта лексика и фразеология, сама речевая манера носителей жаргона, а также связанные с ней грубо натуралистические, непристойные номинации, оценки и ассоциации, дополняя друг друга, ведут к огрублению литературной речи, как письменной, так и особенно устной, как неофициальной, так и официальной» [8, с. 15].

Инвективную лексику и фразеологию составляют слова и выражения, заключающие в своем семантическом значении и экспрессивной окраске отрицание личности того, по отношению к кому они употребляются. Они направлены на то, чтобы унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата своей речи.

В качестве подтверждения приведем пример из судебной практики. Постановлением мирового судьи судебного участка № 2 Камешковского района Владимирской области от 14.03.2012г., вступившим в законную силу 31.03.2012г., Н. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.61 КоАП РФ. В постановлении указывается, что обвиняемый в присутствии свидетелей в отношении потерпевшего употребил следующие выражения: «Кто тебя, пес, пустил?», «Что ты, пес, делаешь на моей территории?», «Где охрана? Почему этого пса сюда пустили?». Согласно заключению эксперта в указанных высказываниях содержится негативная оценка личности потерпевшего, выражения относятся к бранной (инвективной) лексике, противоречат нормам морали, являются неприличными и выражают негативное отношение к нему, имеют оскорбительный для него характер и унижают его честь и достоинство [13].

В рассматриваемом аспекте к противоправной следует относить и обценную лексику (мат). В русской речевой коммуникации обценная лексика выполняет несколько функций, из которых в рамках

ненормативной лексики реализуется по крайней мере одна - применение ее с целью унижить, оскорбить, опорочить адресата речи. В этом случае коммуникация является всегда адресной, имеет место персонализация обценной лексики.

Поэтому оскорбление словом не сводится только лишь к употреблению непристойности, оно предполагает направленность на конкретное лицо (адресата). Не образуют состава оскорбления действия лица, которое публично употребило нецензурную брань. Нужно установить, что употребляемая брань относилась к конкретному человеку, была адресована именно ему. Мещерякова Т.Р. справедливо отмечает, что этой ситуацией часто пользуются правонарушители, пытаясь доказать, что их неприличные действия относились не к конкретным людям, а к происходящим событиям [9, с. 48].

Так, мировой судья судебного участка № 42 в Кировском судебном районе г. Омска 17 января 2017 г. рассмотрел дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ, в отношении Г., который, находясь в общежитии, оскорблял нецензурными словами Д., чем унижил честь и достоинство последней. Г. вину не признал, пояснив, что нецензурные слова он употребил не в адрес Д., а для связки слов в предложении. Два допрошенных свидетеля подтвердили его показания. Производство по делу было прекращено в связи с отсутствием в действиях Г. состава оскорбления [14].

Совершение неприличных коммуникативных телодвижений, которые влекут унижение человеческого достоинства, представляет собой оскорбление в виде жеста. Обычно жесты являются визуальным способом отражения обценной лексики (мата). Жесты, которые носят оскорбительный характер, часто имеют фаллическую символику, например, локоть руки со сжатым кулаком, поднятый вверх указательный или средний палец. Для того чтобы жест был признан оскорбительным, его смысл должен быть ясен потерпевшему.

Вместе с тем возможность оскорбления жестикующей и телодвижениями ограничена. Как отмечается в литературе, не образуют состава оскорбления такие жесты, как покручивание пальцем у своего виска,

похлопывание себя по лбу, разведение рук и т.д. Также сомнителен вывод о том, что показывание кукиша является оскорблением. Как отмечает Ткачевский Ю.М., в подобных движениях и жестах есть неуважительное отношение к личности, но оно не обладает общественной опасностью, которая свойственна оскорблению как правонарушению [10, с. 12].

Разновидностью оскорбления жестом, на наш взгляд, является создание и демонстрация потерпевшему различного рода неприличных рисунков, карикатур, коллажей, унижающих его честь и достоинство.

Законодатель четко определил, что оскорбление образует не всякое унижение лица, а лишь выраженное в неприличной форме. Наличие в действиях субъекта правонарушения неприличной формы является обязательным признаком состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.61 КоАП РФ, отсутствие неприличной формы исключает квалификацию правонарушения как оскорбления.

Оценка неприличной формы судьей осуществляется самостоятельно. В сложных ситуациях судья обращается за помощью к специалистам в области русского языка, назначает проведение судебной лингвистической экспертизы. В результате экспертизы должны быть сделаны как минимум два вывода: во-первых, наличие оскорбительного характера действия, слова, жеста и, во-вторых, насколько оно относится к конкретному лицу. Все вышесказанное говорит о высоком уровне субъективизма в принятии решения. В связи с вышесказанным, на наш взгляд целесообразно сформулировать и закрепить в примечании к ст. 5.61 КоАП РФ понятие «неприличная форма» в редакции: «Неприличная форма – это унижение человеческого достоинства в степени, резко противоречащей общепринятым правилам общения между людьми, требованиям общечеловеческой морали». Судья устанавливает неприличную форму унижения с учетом следующих обстоятельств дела: унижаются ли честь и достоинство потерпевшего, противоречат ли они нравственным нормам, общепринятым правилам в обществе, манере обращения между людьми в целом и особенностям отношений между виновным и потерпевшим, правилам

морали.

Таким образом, с 2011 года оскорбление, в результате декриминализации соответствующих норм уголовного законодательства, стало квалифицироваться как административное правонарушение. Исследование статистических показателей деятельности судов наглядно свидетельствует о том, что оно представляет собой распространенный вид административного правонарушения в современном обществе.

Субъектом оскорбления является лицо, старше 16 лет. Объектом правонарушения выступают общественные отношения по поводу чести и достоинства другого лица. Субъективная сторона данного административного

правонарушения характеризуется виной в умышленной форме. Объективная сторона характеризуется унижением чести и достоинства потерпевшего, выраженная в неприличной форме. Если в результате оценки объективная сторона не признается по форме неприличной, то это означает отсутствие состава административного правонарушения. Осуществляя квалификацию состава оскорбления правоприменитель сталкивается с проблемой определения объективной стороны правонарушения, вследствие субъективного характера ее оценки. По нашему мнению легальное закрепление понятие «неприличная форма» будет способствовать решению этой проблемы.

Список литературы

1. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993г. (с поправками от 21.07.2014г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001г. № 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. I). Ст. 1.
3. Федеральный закон от 07.12.2011г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.
4. Аратова А.А. Квалификация оскорбления // Административное право и процесс. 2012. № 11.
5. Брагина А.Г. О толковании некоторых понятий в ст. 319 УК РФ // Российский следователь. 2006. № 2.
6. Булатов Б.Б., Сидорова И.В. Об объективной стороне оскорбления // Административное право и процесс. 2017. № 11.
7. Зебницкая А.К., Зинякова О.В. Проблема квалификации оскорбления как административного правонарушения // Актуальные вопросы развития современного общества. Сборник статей 4-ой Международной научно-практической конференции: в 4-х томах. Том. 2. Курск, 2014.
8. Кусов Г.В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: развитие современной теории и практики // Российский судья. 2011. № 9.
9. Мещерякова Т.Р. Административная ответственность за оскорбление // Административное право и процесс. 2014. № 2.
10. Ткачевский Ю.М. Уголовная ответственность за оскорбление // Законодательство. 2000. № 1.
11. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях (1-АП) Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2013 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2361> (дата обращения - 20.07.2019г.).
12. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях (1-АП) Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2018 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения - 20.07.2019г.).
13. Постановлением мирового судьи судебного участка № 2 Камешковского района Владимирской области от 14.03.2012г. [Электронный ресурс] // URL: <http://forum.yurclub.ru/index.php?showtopic=350276> (дата обращения - 24.08.2019).
14. Постановление мирового судьи судебного участка № 42 Кировского судебного района г. Омска от 17.01.2017 г. по делу № 5-6/2017 г. [Электронный ресурс] // URL:

<http://42.oms.msudrf.ru/> / (дата обращения - 21.09.2019).

15. Постановление мирового судьи судебного участка № 18 Фокинского судебного района г. Брянска от 06.06.2017 г. по делу № 5-189/2016г [Электронный ресурс] // URL: 18.brj.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=1108321&delo_id=1500001(дата обращения - 24.08.2019).

16. Постановление мирового судьи судебного участка № 72 Фокинского судебного района г. Брянска от 25.05.2017 г. по делу № 5-192/2017г [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/ca_KyUdIBH7QJ/?magistrate-txt= (дата обращения - 19.09.2019).

FEATURES OF THE COMPOSITION OF INSULTING THE PERSON AS AN ADMINISTRATIVE OFFENSE

The article deals with the legal assessment of insult as an administrative offense. The author characterizes the concept and forms of insult, analyzes the elements of the composition of this administrative offense. It is argued that the difficulties of qualifying insults are associated with a high degree of subjectivity in assessing the objective side of the offense. It is proposed to legislate the concept of "indecent form".

Keywords: insult, honor and dignity of a person, composition of an administrative offense, humiliation of honor and dignity of a person, indecent form.

References

1. Constitution of the Russian Federation. Prinyata vsenarodnim golosovaniem 12.12.1993g. (s popravkami ot 21.07/2014g.) // Rossiyskaya gazeta. 1993. 25 december.
2. Kodeks Rossiyskoi Federatsii ob administrativnih pravonarusheniyah ot 30.12.2001 №195-FZ (red. ot 02.08.2019 g.) // SZRF. 2002. №1 (Ch. 1). St.1.
3. Federalniy zakon ot 07.12.2011g. №420-FZ «O vnesenii izmeneniy v Ugolovnih kodeks Rossiyskoi Federatsii i otdelnie zakonodatel'nie akty Rossiyskoi Federatsii» // SZRF. 2011. №50. St. 7362.
4. Aratova A.A. Kvalifikatsiya oskorbleniya // Administrativnoye pravo i protsess. 2012. № 11.
5. Bragina A.G. O tolkovanii nekotorykh ponyatii v st. 319 UK RF // Rossiiskii sledovatel'. 2006. № 2.
6. Bulatov B.B.? Sidorova I.V. Ob ob'ektivnoi storone oskorbleniya // Administrativnoye pravo i protsess. 2017. № 11.
7. Zebnitskaya A.K., Zinyakova O.V. Problema kvalifikatsii oskorbleniya kak administrativnogo pravonarusheniya // aktual'nye voprosy razvitiya sovremennogo obshchestva. Sbornik statei 4 Megdunarodnoi nauthno-praktitheskoj konferensii: v 4 tomah. Tom 2. Kursk, 2014.
8. Kusov G.V. Sudebnaya lingvistitheskaya ekspertiza «oskorbleniya»: razvitie sovremennoi teorii i praktiki // Rossiiskii sud'ua. 2011. № 9.
9. Mescheryakova T.R. Administrativnaya otvetstvennost' za oskorblenie // Administrativnoye pravo i protsess. 2014. № 2.
10. Tkatchevskii Yu. M. Ugolovnaya otvetstvennost' za oskorblenie // Zakonodatel'stvo. 2000. № 1.
11. Otchet o rabote sudov obschei yurisdiksii po rassmotreniyu del ob administrativnih pravonarusheniyah (1-AP) Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF za 2013g. [elektronniy resurs] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2361> (data obrasheniya - 20.07.2019 g.).
12. Otchet o rabote sudov obschei yurisdiksii po rassmotreniyu del ob administrativnih pravonarusheniyah (1-AP) Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF za 2018g. [elektronniy resurs] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (data obrasheniya - 20.07.2019g.).
13. Postanovlenie mirovogo sud'I sudebnogo uthastka № 2 Kameschkovskogo raiona Vladimirovskoi oblasti ot 14.03.2012g. [elektronniy resurs] // URL: <http://forum.yurclub.ru/index.php?showtopic=350276> (data obrasheniya - 24.08.2019).
14. Postanovlenie mirovogo sud'I sudebnogo uthastka № 42 Kirovskogo sudebnogo raiona g. Omska ot 17.01.2017 g. po delu № 5-6/2017 g. [elektronniy resurs] // URL: <http://42.oms.msudrf.ru/> / (data obrasheniya - 21.09.2019).
15. Postanovlenie mirovogo sud'I sudebnogo uthastka № 18 Fokinskogo sudebnogo raiona g. Bryanska ot 06.06.2017 g. po delu № 5-189/2016 g. [elektronniy resurs] // URL: 18.brj.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=1108321&delo_id=1500001(data obrasheniya - 24.08.2019).

16. Postanovlenie mirovogo sud'I sudebnogo uthastka № 72 Fokinskogo sudebnogo raiona g. Bryanska ot 25.05.2017 г. po delu № № 5-192/2017г. [elektronniy resurs] // URL: [https://sudact.ru/magistrate/doc/caKyUdIBH7QJ/?magistrate-txt=\(data obrasheniya - 19.09.2019\)](https://sudact.ru/magistrate/doc/caKyUdIBH7QJ/?magistrate-txt=(data obrasheniya - 19.09.2019))

Об авторе

Иванин Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия) E-mail: ivanin.aleck@yandex.ru

Ivanin Alexander Alexandrovich – candidate of legal Sciences, associate Professor of the department of state legal disciplines, Bryansk state University named after academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: ivanin.aleck@yandex.ru

Кара И.С., кандидат юридических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

Кара С.В., старший преподаватель, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

НЕКОТОРЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И РЕПУТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

В статье исследуются уголовно-правовые аспекты защиты чести и достоинства человека посредством введения в УК РФ уголовной ответственности за клевету и оскорбление. При декриминализации общей нормы об оскорблении, в УК РФ сохранены ее специальные нормы. Особое внимание уделено вопросам квалификации клеветы и оскорбления, и отграничению этих составов от иных преступлений и правонарушений.

Ключевые слова: клевета, оскорбление, уголовная ответственность, честь, достоинство, деловая репутация.

Конституция РФ, провозглашающая человека, его права и свободы высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту - обязанностью государства. Донедавнего времени нормы, охраняющие честь и достоинство личности, были сформулированы в главе 17 УК РФ «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» - ст. 129 УК РФ «Клевета» и ст. 130 УК РФ «Оскорбление». Однако Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ [18] они были признаны утратившими силу. Правда, клевета, вскоре была возвращена в Уголовный кодекс, но уже в виде ст. 128.1 УК РФ [19]. Кроме того, в УК РФ имеются специальные нормы об ответственности за клевету и оскорбление, которые предусмотрены другими главами УК РФ. Так, в ст. 298.1 УК РФ предусмотрена ответственность за клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава; в ст. 297 УК РФ - за неуважение к суду (глава 31 УК РФ «Преступления против правосудия»); в ст. 319 УК РФ - за оскорбление представителя власти (глава 32 УК РФ «Преступления против порядка управления»); в ст. 336 УК РФ - за оскорбление военнослужащего (глава 33 УК РФ «Преступления против военной службы») [2].

На сегодняшний день клевета получила следующее определение: «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию» [17, ч. 1 ст. 128.1]. Следовательно, клевете свойственны следующие признаки: а) наличие сведений, порочащих

честь и достоинство или подрывающих репутацию человека; б) умышленность этого деяния; в) заведомая (известная распространителю клеветы) ложность распространяемых сведений.

Пленум Верховного Суда РФ приводит примеры возможных способов распространения таких сведений: «опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу» [16, п. 7].

Пленум Верховного Суда РФ дает разъяснение понятию «порочащая информация»: к ней относятся «сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица» [16, п. 7].

В научной литературе указывается, что при квалификации клеветы необходимо разграничивать сведения, которые несут в себе

прямые утверждения о фактах, которые можно проверить на предмет соответствия их действительности, и суждения оценочного характера, которые по сути сводятся к выражению субъективного мнения лица. Высказывание лицом собственных убеждений не несет в себе конкретики, в связи с чем не может быть охарактеризовано как ложное или верное, поэтому не подпадает под состав преступления «клевета» [8].

К информации, относящейся в уголовно-правовом смысле к понятию «клевета» и подрывающих его репутацию, можно отнести: недостоверную информацию о нарушении законодательства; ложную информацию о недобросовестном ведении предпринимательской деятельности; сведения о нечестных, непорядочных поступках, якобы совершенных человеком; утверждения о непрофессионализме, недобропорядочном поведении.

В бизнесе крайне важна репутация не только целой компании, но и отдельных ее представителей, особенно первых лиц. Толкование ст. 128.1 УК РФ «Клевета» позволяет определить, когда неблагоприятный поступок становится преступлением. Триада защищаемых законом элементов: честь, достоинство, репутация. Честь - совокупность человеческих качеств морального плана, которые достойны уважения со стороны окружающих. Достоинство - совокупность положительных моральных качеств и черт, сознание ценности этих свойств, сочетание их позволяет испытывать чувство уважения к самому себе. Репутация - заслуженная оценка индивида в глазах общества, формирующаяся на основании устойчивого мнения о достоинствах и недостатках человека [3]. Подорвать репутацию означает ухудшить мнение окружающих о способностях, деловых качествах лица. Репутация, так же как и честь, не постоянна, меняется со временем и зависит от поведения лица, но в то же время, в отличие от чести, может быть как положительной, так и отрицательной. Репутация отражает любую оценку личности, в том числе и отрицательную, а честь - только моральную оценку поведения и качеств этого человека [1, с. 12].

На сегодняшний день УК РФ содержит ст. 128.1 и 298.1, в которых установлены санкции за:

– клевету, т.е. распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию;

– клевету, содержащуюся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации;

– клевету, совершенную с использованием своего служебного положения;

– клевету о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, а равно клевету, соединенную с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера;

– клевету, соединенную с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления;

– клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава.

В теории и практике следует отделять клевету от конструктивной критики деятельности лица. В вышеупомянутом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» в частности сказано: «Государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в СМИ в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий». Следовательно, здоровая критика не ставит целью унижить честь или достоинство публичного лица. Унижение же чести и достоинства возможно только в случае распространения сведений, не соответствующих действительности, либо критики в грубой или некорректной форме. Наказуемость таких деяний изначально предусмотрена в уголовном (ст. 128.1 УК РФ) и административном (ст. 5.61 КоАП РФ) законодательстве. Поэтому выделение политиков и государственных служащих в отдельную категорию, на наш взгляд, не только противоправно, но и бессмысленно [11].

Поскольку деятельность публичных лиц носит официальный характер, то и критика в их адрес, на наш взгляд, должна строиться соответствующим образом: быть аргументированной, использовать официальный

стиль изложения, осуществляться в рамках приличий. Следование этим простым правилам журналистами и иными лицами, подвергающими критике публичных лиц или их деятельность, позволит избежать конфликтных ситуаций, связанных с умалением чести или достоинства последних. Необходимо помнить, что всякому праву (в данном случае - праву на свободу выражения мнений и суждений) непременно соответствует обязанность (уважать достоинство лица, подвергаемого критике).

Публичным же лицам надлежит вести себя соответственно своему статусу, помня при этом, что все люди равны в своем достоинстве, независимо от их должностного, финансового или социального положения. Завышенная самооценка, эгоизм, тщеславие являются питательной средой для возникновения такого феномена, как лжедостоинство. При завышенной самооценке человек явно преувеличивает свои достоинства, возможности, личные качества. Он начинает требовать особого уважения и почтения к себе безо всяких на то оснований. Преувеличенное чувство собственного достоинства ведет к высокомерию, заносчивости, нетерпимости к чужому мнению и пренебрежению к правам других и, как следствие, к болезненному восприятию всякой критики, в том числе - и справедливой, в свой адрес [11].

Итак, клевета - это такое унижение чести и достоинства, которое связано с умышленной ложью, но совершенно не обязательно предполагает неприличную форму. Оскорбление же, напротив, предполагает неприличную форму, но совсем не обязательно связано с ложью (хотя с клеветой у него остается общий признак умышленности). Возникает вопрос, можно ли отождествить «порочащие» и «позорящие» сведения?

Унижение чести и достоинства есть сознательная дискредитация человека в общественном мнении. Такая дискредитация может быть словесной (в устной или письменной форме) или при помощи того или иного действия (например, хулиганство предусматривает в качестве такого средства плевок, срывание одежды, непристойные телодвижения и т.п.). По существу - это понятие субъективное, так как и само наличие унижения, и его глубину оценивает сам потерпевший.

Закон, равно как и юридическая литература, не дает четкого определения понятию унижения (умаления) чести и достоинства. В текстах законодательства понятие оскорбления производно от унижения чести и достоинства; так, ст. 5.60 КоАП РФ определяет оскорбление как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Поэтому для оскорбления необходимы два признака: а) факт унижения чести и достоинства; б) неприличная форма такого унижения. Строго говоря, необходим и еще один признак, а именно умышленность оскорбления (что оказывается юридически значимым в ситуации заочного оскорбления, т.е. не в присутствии потерпевшего). Таким образом, даже при наличии определения этого понятия в законодательстве оно остается субъективным: субъективно понятие унижения чести и достоинства и субъективно, понятие «неприличная форма». Соответствуют ли сведения, распространяемые при оскорблении, действительному положению вещей, при определении оскорбления принципиально безразлично: важен факт и важна форма унижения [5].

Думается, что под достоинством следует понимать не только самооценку личностью своих качеств. Если достоинство выражается только в самооценке лица, тогда оказывается лишенным смысла словосочетание «унижение достоинства», поскольку вряд ли возможно унизить ценность личности в ее собственных глазах. С точки зрения психологии большинство лиц при совершении неправомерных или аморальных, безнравственных поступков может найти себе оправдание и не будет испытывать умаление самооценки, не изменит отношение к себе с положительного на отрицательное. Скорее всего, под достоинством следует понимать еще и уважительное отношение к личности, при котором она не испытывает нравственные страдания [15]. Следовательно, достоинство личности определяется не только самооценкой субъекта, но и совокупностью объективных качеств самого человека, характеризующих его репутацию в обществе, а именно: благоразумие и здравый смысл; мировоззрение и нравственные установки; образование, уровень знаний, обладание способностями и социально полезными навыками; соблюдение общепринятых правил

поведения и достойный образ жизни [1].

При оскорблении, как правило, честь лица не затрагивается, мнение окружающих о свойствах и качествах личности не изменяется. Ни оскорбляющее лицо, ни окружающие не изменяют своего отношения к социальным свойствам оскорбляемой личности, к оценке ее моральных качеств, к ее репутации и доброму имени. Более того, окружающие даже могут испытывать сочувствие к оскорбляемому и оскорбленному лицу. Это свидетельствует о том, что при оскорблении лицо чувствует исключительно умаление своего достоинства, без посягательства на честь [15].

Возможны ситуации, когда негативной оценки лица со стороны общества не возникает, а лицо испытывает нравственные страдания. Подобные ситуации посягательства возможны, например, при попадании лица в условия, которые являются недостойными для личности в целом; при оскорблении; при злоупотреблении другими лицами своими правами с целью причинения вреда. При этом посягательство на достоинство (умаление или унижение достоинства) может выражаться в том числе в обиде, отрицательных эмоциях, недовольстве, переживаниях, нравственных страданиях, оскорблении [15].

Наиболее запутанно толкование в праве таких понятий, как неприличная форма, нецензурная форма (нецензурные выражения), непристойная форма, циничная форма. Между тем понятие неприличной формы входит, как мы видели, даже в данное законодателем определение оскорбления.

Легального определения понятия нецензурной лексики в российском законодательстве нет. Хотя термин употребляется в ряде законодательных актов, таких как Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации», Федеральные законы от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и др.

Начнем с неприличной формы. Словари дают двоякое толкование этого понятия: а) вообще нарушение правил поведения (в особенности речевого), принятых обществом в целом или данной социальной группой для данной ситуации, и б) непристойность, т.е.

употребление слов и выражений, связанных с половыми органами, выделениями организма и пр. и оскорбляющих общественную нравственность. Совершенно ясно, что и то, и другое толкования предельно субъективны. В текстах законодательства это понятие не разъясняется [5]. В юридической литературе указывается, в частности, что при оскорблении «дается отрицательная оценка потерпевшего личности, его человеческим качествам, поведению, причем в такой форме, которая резко противоречит принятому общению между людьми...» [20, с. 280].

Неприличная форма дискредитации потерпевшего означает, что отрицательная оценка его личности дается в явно циничной, а потому резко противоречащей принятой в обществе манере общения между людьми. Это, прежде всего, нецензурные выражения, сравнение с одиозными историческими и литературными персонажами. Здесь возникает множество вопросов. Что такое «нецензурная»? По данным словарей, это синоним непристойного, т.е. нецензурные выражения дают отрицательную оценку личности потерпевшего через употребление слов и выражений определенной семантической группы, не принятых в обществе, неуместных в большинстве ситуаций общения.

Для квалификации того или иного понятия в качестве нецензурного достаточно применить принцип общеизвестности его значения и общественного порицания за публичное высказывание. И, несмотря на то, что в школе этому не учат, а общество в целом порицает - абсолютному большинству наших граждан нецензурная лексика понятна и известна [12].

Циничная форма - это просто синоним непристойности, но непристойность не предполагает умышленности, а цинизм предполагает. Цинизм - это наглость, бесстыдное поведение и отношение к чему-нибудь, проникнутое пренебрежением к нормам нравственности и благопристойности. В сущности, все эти выражения применительно к праву неуместны, потому что в них можно вложить любое желаемое содержание, что и происходит время от времени в судебной практике [5].

Оценивая оскорбительность слов или действий, суды определяют: унижаются ли

честь и достоинство потерпевшего, противоречат ли они установленным нравственным нормам, общепринятым правилам поведения в обществе, манере обращения между людьми в целом и особенностям отношений между виновным и потерпевшим, правилам морали, оценивают, являются ли данные слова циничными. Нецензурные слова априори считаются оскорбительными, слова литературного языка - применительно к ситуации, если они дают негативную оценку потерпевшего, сравнение его с недостойными лицами или с животными [13].

Однако встречаются ситуации, когда имело место использование так называемой сниженной лексики (просторечия), которая в публичной сфере обычно признается неуместной, некультурной, негативно характеризующей говорящего. Зачастую она свидетельствует о принадлежности использующего ее человека к определенной социальной группе. Хотя использование такой лексики осуждается общественным сознанием, она не запрещена полностью [4].

Анализ судебной практики показывает: практически во всех решениях судов указывается, что в момент оскорбления, помимо виновного и потерпевшего, на месте преступления присутствовали третьи лица, в том числе другие представители власти. Руководствуясь присутствием третьих лиц при оскорблении как основным признаком его публичности, судебная практика не исключает возможности признавать оскорбление публичным и тогда, когда оно совершено не в общественных местах, но в присутствии третьих лиц. В литературе предлагается считать таким минимумом наличие двух человек [7, с. 255].

Непосредственно с публичностью оскорбления представителя власти связан диспут о возможности заочного оскорбления. Ряд исследователей признает, что оскорбление может иметь место и в отсутствие потерпевшего (заочно), если виновный рассчитывает, что такое оскорбление будет доведено до потерпевшего [9, с. 245; 14, с. 124], а также при опосредованном оскорблении, когда оскорбительные выражения сообщаются одному лицу, а адресуются другому [9, с. 245]. Примером такого оскорбления могут быть оскорбительные высказывания на общем со-

брании жильцов дома в отношении участкового уполномоченного, не присутствующего на этом собрании.

В действующем УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за оскорбление только в том случае, если оно связано с осуществлением потерпевшим определенных видов деятельности, к числу которых отнесено участие в судебном разбирательстве (ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду»).

Состав неуважения к суду - двуобъектный, поскольку преступление посягает на интересы правосудия и личности. В реально совершенных преступлениях объектов может быть и больше. Например, оскорбление участников судопроизводства, являющихся представителями власти (за исключением судьи), посягает на третий объект - нормальную деятельность органов власти.

Многообъектность преступления предопределяет специфику его квалификации и связанные с этим проблемы. Одна из таких проблем связана с установлением круга потерпевших от уголовно наказуемого оскорбления, т.е. определением лиц, относящихся к категории участников судебного разбирательства.

Значение понятия «судебное разбирательство» раскрывается в процессуальном законодательстве весьма разнородно. Так, в п. 51 ст. 5 УПК РФ оно определено как «судебное заседание судов первой, второй, кассационной и надзорной инстанции». Неоднозначным представляется отнесение к участникам судебного разбирательства участников предварительного слушания [6].

Действующее наименование статьи, с одной стороны, существенно сужает сферу применения ч. 1 ст. 297 УК РФ, поскольку неуважение именно к суду (а не к конкретному участнику судопроизводства) можно проявить лишь при осуществлении судебной власти судом в лице судей, присяжных и арбитражных заседателей. С другой стороны, оскорбление в судебном заседании лиц, которые присутствуют при его проведении, но не участвуют в разбирательстве дела (судебных приставов, обеспечивающих порядок при проведении судебного заседания; сотрудников полиции, конвоирующих подсудимого в зал суда; представителей СМИ, присутствующих при проведении открытого судебного

заседания), по своей сути тоже является проявлением неуважения к суду. Но указанные лица - не участники судебного разбирательства, а потому не входят в круг потерпевших, предусмотренный ч. 1 ст. 297 УК РФ. Такое оскорбление квалифицируется по ст. 319 УК РФ или ст. 5.61 КоАП РФ в зависимости от статуса потерпевшего.

Оскорбление лица, участвующего в отправлении правосудия, доведенное до сведения этого лица, всегда является неуважением к суду, независимо от того, где и когда оно совершено. Оскорбление судьи как в зале судебного заседания, так и за его пределами, как во время судебного заседания, так и после охватывается диспозицией ч. 2 ст. 297 УК РФ, если это оскорбление связано с судебным разбирательством. Однако правоприменительная практика по квалификации оскорбления судьи вне судебного заседания складывается крайне противоречиво [6].

Сложными для квалификации представляются случаи, когда оскорбление судьи совершено не в связи с проведением судебного разбирательства, но в связи с осуществлением судопроизводства (например, судья вынес определение об отказе в принятии искового заявления, в ответ на это недовольный заявитель оскорбил судью). В данном случае судья не является участником судебного разбирательства, и, несмотря на проявление явного неуважения к суду, действия истца, совершенные публично, содержат признаки преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, а непублично - административного правонарушения. Когда-же судью узнали на улице и нанесли оскорбление в связи с тем, что он является представителем судебной власти, безотносительно к судебному разбирательству по конкретному делу. Такие действия в зависимости от наличия признака публичности должны квалифицироваться по ст. 319 УК РФ или ст. 5.61 КоАП РФ.

В отличие от объективной стороны оскорбления лица, участвующего в отправлении правосудия, для квалификации преступления по ч. 1 ст. 297 УК РФ время, место и обстановка совершения преступления имеют составообразующее значение. На первый взгляд диспозиции обеих частей ст. 297 УК РФ аналогичны и различаются лишь признаками потерпевшего. Вместе с тем название

статьи, а главное ее основной непосредственный объект (авторитет суда), позволяет нам утверждать, что оскорбление участника судебного разбирательства, не участвующего в отправлении правосудия, за рамками (временными и пространственными) судебного разбирательства не образует состава неуважения к суду. Оскорбление участника судебного разбирательства будет уголовно наказуемым при условии, если оно имело место непосредственно во время судебного разбирательства, иными словами, «в официальной обстановке». В противном случае оскорбление не будет проявлением неуважения к суду и не способно причинить вред интересам правосудия. Если оскорбляемый является представителем власти (прокурор, следователь), то публичное оскорбление в связи с исполнением им служебных обязанностей до или после судебного заседания должно квалифицироваться по ст. 319 УК РФ.

Итак, оскорбление в отличие от клеветы - это не негативная характеристика отдельной личности, это отрицание ценности чести и достоинства конкретного индивида как общечеловеческого достояния, общечеловеческой ценности. Таким образом, оскорбление - это не оценка по принципу негативно/позитивно, это отрицание ценности человеческого бытия как такового. Оскорбление не может быть истинным/ложным. Мерило оскорбления - это социальная оценка, определяемая по шкале значимо/абсурдно: оскорбление может быть действительным или мнимым. Социальная оценка - это всегда то, что высоко оценивается, как в отрицательном, так и в положительном смысле, это то, что признается или не признается другими людьми, группой, обществом [10].

Подытоживая выше изложенное можно утверждать, что честь, достоинство и репутация личности неотчуждаемы и непередаваемы и принадлежат гражданину с рождения. Они неразрывно связаны между собой, являются нематериальными благами и характеризуют духовный мир человека. Эти качества свойственны любому человеку, но осознаются они по-разному. Один человек, имеющий высокий уровень самооценки, считает их для себя духовными благами, определяющими смысл его жизни, другой не обращает на них внимания и относится к ним равнодушно.

Список литературы

1. Агильдин В.В. Уголовно-правовая характеристика оскорбления // Российский следователь. 2010. № 2. С. 11 - 14.
2. Алиев В.М. Конституционные и уголовно-правовые аспекты защиты прав и свобод человека и гражданина // Российский следователь. 2017. № 20. С. 26 - 31.
3. Васильева С. Отзывы в Сети: как работник может навредить репутации компании // Административное право. 2017. № 4. С. 51 - 57.
4. Владыкина Т.А. Рассмотрение мировым судьей дел об оскорблении: эволюция законодательства и судебной практики // Мировой судья. 2014. № 7. С. 33 - 38.
5. Земскова С.И. Криминалистическая характеристика диффамации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 1. С. 89 - 94.
6. Карабанова Е.Н. Проблемы квалификации неуважения к суду, связанные с многообъектностью преступления // Российский судья. 2017. № 6. С. 40 - 44.
7. Киселев С.С. Объективная сторона оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2.
8. Кочанова Т. Клевета: анализ судов по теме с важными примерами // Жилищное право. 2019. № 3. С. 105 - 112.
9. Курс уголовного права. Особенная часть / Под ред. Г.И. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002. Т. 5.
10. Кусов Г.В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: развитие современной теории и практики // Российский судья. 2011. № 9. С. 15 - 19.
11. Лоос Е.В. Применение принципа повышенной терпимости публичных лиц к критике в свой адрес в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1. С. 29 - 34.
12. Макарова Н. Мат и три года. Резко возросла ответственность за нецензурное публичное оскорбление. Станет ли меньше матерщинников? // Юрист спешит на помощь. 2015. № 12. С. 25 - 28.
13. Мещерякова Т.Р. Административная ответственность за оскорбление // Административное право и процесс. 2014. № 2. С. 46 - 49.
14. Наумов А.В. Российское уголовное право: Курс лекций: В 2 т. М., 2004. Т. 2. Особенная часть.
15. Подрабинок Е.М. Особенности гражданско-правовых способов защиты достоинства личности / под ред. О.А. Кузнецовой, В.Г. Голубцова, Г.Я. Борисевич, Л.В. Боровых, Ю.В. Васильевой, С.Г. Михайлова, С.Б. Полякова, А.С. Телегина, Т.В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 278 - 287.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.06.2019) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
18. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2011. № 50. Ст. 7362.
19. Федеральный закон от 28.07.2012 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2012. № 31. Ст. 4330.
20. Юридический энциклопедический словарь. М., 1987.

**SOME CRIMINAL-LAW ASPECTS OF PROTECTION OF HONOR, DIGNITY
AND BUSINESS REPUTATION**

In the article, the authors address the questions of criminal-law aspects of the protection of honor, dignity and business reputation via introduction of the criminal liability for defamation and insult. When the general provision on insult is decriminalized, the special provisions remain. Particular attention is paid to the qualification of the defamation and insult, and the distinction of these provision from other crimes and offences.

Keywords: defamation, insult, criminal liability, honor, dignity, business reputation

References

1. Agil'din V.V. Ugolovno-pravovaya kharakteristika oskorbleniya // Rossiyskiy sledovatel'. 2010. №2. S. 11 – 14.
2. Aliyev V.M. Konstitutsionnyye i ugolovno-pravovyye aspekty zashchity prav i svobod chloveka i grazhdanina // Rossiyskiy sledovatel'. 2017. №20. S. 26 – 31.
3. Vasil'yeva S. Otzyvy v seti: kak rabotnik mozhet navredit' reputatsii kompanii // Administrativnoye pravo. 2017. № 4. S. 51 – 57.
4. Vkadykina T.A. Rassmotreniye mirovym sud'yey del ob oskorblenii: evolyutsiya zakonodatel'stva i sudebnoy praktiki // Mirovoy sud'ya. 2014. № 7. S. 33 – 38.
5. Zemskova S.I. Kriminalisticheskaya kharakteristika diffamatsii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2013. № 1. S. 89 – 94.
6. Karabanova E.N. Problemy kvalifikatsii neuvazheniya k sudu, svyazannyye s mnogoob'ektnost'yu prestupleniya // Rossiyskiy sud'ya. 2017. № 6. S. 40 – 44.
7. Kiselev S.S. Ob'yektivnaya storona oskorbleniya predstavatelya vlasti (st. 319 UK RF) // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2008. № 2.
8. Kochanova T. kleveta: analiz sudov po teme s vazhnymi primerami // Zhilishnoye pravo. 2019. № 3. S. 105-112.
9. Kurs ugolovnogo prava. Osobennaya chast' / Pod red. G.I. Borzenkova, V.S. Komissarova. M., 2002. T. 5.
10. Kusov G.V. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza «oskorbleniya»: razvitiye sovremennoy teorii i praktiki // Rossiyskiy sud'ya. 2011. №9. S. 15 - 19.
11. Loos E.V. Primeneniye printsipa povyshennoy terpmosti publichnykh lits k kritike v svooy adres v Rossiyskoy Federatsii // Aktual'nyye problem rossiyskogo prava. 2019. № 1. S. 29 – 34.
12. Makarova N. Mat i tri goda. Rezhko vozroslo otvetstvennost' za netsenzurnoye publichnoye oskorbleniye. Stanet li men'she matershchinnikov? // Yurist speshit na pomoshch'. 2015. № 12. S. 25 – 28.
13. Meshcheryakova T.R. Administrativnaya otvetstvennost' za oskorbleniye // Administrativnoye pravo i protsess. 2014. № 2. S. 46 – 49.
14. Naumov A.V. Rossiyskoye ugolovnoye pravo: Kurs lektsiy: V 2t. M., 2004. T. 2. Osobennaya chast'.
15. Podborodnikov E.M. Osobennosti grazhdansko-pravovykh sposobov zashchity dostoinstva lichnosti / pod. red. O. A. Kuznezovoy, O. A. Golubzova, G. Ay. Borisichev, L.B. Borovykh, YU. B. Vasil'evoy, S.G. Mikhaylova, S.B. Polyakova, A.S. Telegina, T.V. Shershen' // Permskiy uridicheskii al'manakh. Ezhegodnyy nauchnyy zhurnal. 2018. № 1. S. 278-287.
16. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24.02.2005 № 3 « O sudebnoy praktike po delam o zashchite chesti i dostoinstva grazhdan, a takzhe delovoy reputazii grazhdan i yuridicheskikh litz» // Byullyuten' Verkhovnogo Suda RF. 2005. № 4.
17. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federazii ot 13. 06.1996 № 63-FZ (red. ot 17.06.2019) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 17.06.1996 № 25. St 2954.
18. Federal'nyy zakon ot 07.12.2011 № 420-FZ «O vneseniii zmeneniy v Ugolovnyy Kodeks Rossiyskoy Federatziii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federazii» // Sobranie Zakonodatel'stva RF, 2011. № 50. St. 7362.
19. Federal'nyy zakonot 28.07.2012 № 141-FZ «O vneseniii zmeneniy v Ugolovnyy Kodeks Rossiyskoy Federazii I otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federazii» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 2012. № 31. St. 4330.
20. Yuridicheskii anziklopedicheskii slovar'. M., 1987.

Об авторах

Кара Игорь Степанович – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, E-mail: kara-igor2009@yandex.ru

Кара Светлана Валентиновна – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Kara Igor Stepanovich – candidate of legal sciences, docent, head of the chair of criminal law and the criminology of the Bryansk State University named after academic I.G. Petrovsky E-mail: kara-igor2009@yandex.ru

Kara Svetlana Valentinovna – senior lecturer of the chair of criminal law and the criminology of the Bryansk State University named after academic I.G. Petrovsky

Правила предоставления рукописей

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (авторов), ранее нигде не опубликованные. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость.

Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Научный журнал формируется по следующим отраслям и группам научных специальностей:

07.00.00 – исторические науки и археология;

08.00.00 – экономические науки;

12.00.00 – юридические науки.

Требования к структуре статей

(см. образец оформления статьи)

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 14 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 14 pt, жирный, выравнивание по центру, межстрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 14 pt, надпись «Ключевые слова» - жирный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный).

2. Текст статьи на русском языке (Times New Roman 14 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1 см.)

3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 14 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (*.doc, *.docx, *.rtf) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы **не допускаются**. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 5 страниц А4 (14 000 знаков с пробелами) и не превышать 12 страниц А4 (32 000 знаков с пробелами), включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов (актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы). После аннотации размещаются ключевые слова (8-10). Через строку размещается текст статьи, который должен содержать следующие обязательные элементы:

- **Введение** (актуальность темы, обзор литературы, постановка проблемы, формулирование целей и задач данного исследования);
- **Методы** (детально описываются методы и схема экспериментов/ наблюдений, позволяющие воспроизвести результаты, пользуясь только текстом статьи);
- **Результаты** (представляются фактические результаты исследования);
- **Обсуждение** (содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);
- **Заключение** (содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них).

После основного текста статьи автор или авторы могут поместить благодарности коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку и другие.

На титульной странице оформляется исключительное авторское право на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

После текста статьи размещается «Список литературы» (14 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках).

Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

Затем размещается английский блок: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 14 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме. (Цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляется исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 14 pt, (обычный), интервал – одинарный.

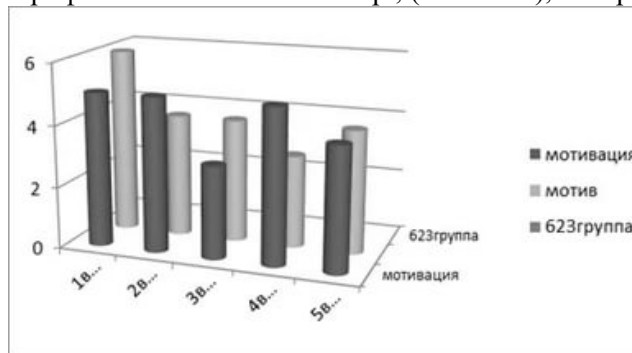

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка (см. образец);
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 80%.

К работам аспирантов или соискателей необходимо приложить рекомендацию, подписанную научным руководителем и справку из отдела аспирантуры, к статьям кандидатов и докторов наук должны быть приложены две рецензии (внутренняя и внешняя).

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru

Адрес: 241036, г. Брянск, Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: (4832) 66-67-58; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№4 (42) 2019.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Степченко Т. А.

Адрес учредителя:

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:

РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 25.12.2019.

Дата выхода журнала в свет: 30.12.2019.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 21,25. Тираж 500 экз. Свободная цена. **16+**